

"ТЯЖЕЛО СЛОВЕСНОСТИ РОССИЙСКОЙ"

Л.Л. БЕЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук

Всяк день казним Исус. И брат ему – Поэт.

Б. Чичибабин

Кого к концу XX века удивишь стихами о русской литературе? Их пишут все. Кто не помнит ахматовского "смуглого отрока", цветаевское "Имя твоё – пять букв", "Я жизнь, как Лермонтова дрожь..." Бориса Пастернака и "Сядь, Державин, развалился, – /Ты у нас хитрей лисы..." Осипа Мандельштама, есенинское "Издревле русский наш Парнас/Тянуло к незнакомым странам..." и "Я люблю вас,/но живого,/а не мумию" Владимира Маяковского? А в более поздние времена "Пушкинские эпитафии" Арсения Тарковского, "Стихи и проза" ("Мужицкий бунт – начало русской прозы") Давида Самойлова, "Памяти Андрея Платонова" Юнны Морис, "Похороны Гоголя Николая Васильевича"

Андрея Вознесенского, "Вместо статьи о Вяземском" Александра Кушнера, "На столетие Анны Ахматовой" Иосифа Бродского.

Но есть современный поэт, который, представляя на суд читателей своё творчество за 40 лет, собрал в книгу избранного целую россыпь стихотворений о российских писателях, а один цикл озаглавил "Стихи о русской словесности", как некогда О. Мандельштам – "Стихи о русской поэзии". Это Борис Алексеевич Чичибабин с его сборником "Колокол" (М., 1991) и поэтическим кредо: "В ожившее небо, как в колокол бью", вбирающее в себя отзвуки лермонтовского стиха, что "звучал, как колокол на башне вечевой, во дни торжеств и бед народных" и есенинских возгласов: "Небо – как колокол./Месяц – язык" и "В колокол синий/Я месяцем бью".

Перелистывая страницы русской истории и литературы и видя "все листы в крови", Борис Чичибабин считает, что именно российские поэты – пророки и безумцы – жили не для славы, не трусили и не лгали, а дышали "вольной правдой": "безоглядная речь", "неподкупная совесть", "наш единственный храм". И потому они всегда были гонимыми, мучениками, убиенными. И вот первый вывод, сделанный в "Стихах о русской словесности": "Тяжело Словесности Российской./Хороши её Учителя". А "благим началом" её, от которого "ширится гул колокольный", были Пушкин, Лермонтов и Гоголь – "соловиная проза, пророческий стих".

Там, за ними тремя, как за дымкой Пролога,
ветер, мука и даль со враждой и тоской.
Русской Музы полёт от Кольцова до Блока,
и ночной Достоевский, и всхожий Толстой.

И хочется верить, что "в мирозданье, где было такое начало, – там выживет Бог". Это второй вывод цикла, и оба проходят лейтмотивной нитью через литературные медитации Чичибабина.

От "Стихов о русской словесности" расходятся, как "лучи", послания и посвящения классикам и современникам, начиная от Пушкина и кончая ялтинским прозаиком, "доморощенным Свифтом" С. Славичем. Большая часть этих стихотворений сосредоточена в центре книги – "Экскурсия в Лицей", "Пушкин и Лермонтов", "Путешествие к Гоголю", "Фёдор Достоевский", "Памяти А. Твардовского", "А.И. Солженицыну", "Галичу", "Сонет Марине", "Памяти Грина" и др. Однако этим центральным "сгустком" из 20 стихотворений не исчерпываются литературные адресаты Чичибабина, среди которых мы находим Толстого и Надсона, Пастернака и Паустовского. А кроме того, множество писательских имён, рассыпанных по всей книге, – Тютчев, Герцен, Щедрин, Чехов, Блок, Маяковский, Тынянов, Платонов, Маршак, Катаев, О. Берггольц, Межиров... И в этом насыщенном контексте автор

выступает и как наследник классики, и как участник литературного процесса нашей эпохи: "Моя отчизна – проза Щедрина", "я не уйду в заграницы, как Герцен", "Звучи, поэзия, звучи, как Маяковский на Таганке", "нас оплакивала Ольга Берггольц", "До могилы Ахматовой сердцем дойти нелегко...", "Мне опорю Пушкин и Блок".

Стою за правду в меру сил,
да не падёт пред ложью ниц она.
Как одиноко на Руси
без Галича и Солженицына.

Постоянные спутники, с которыми не расстанется Б. Чичибабин с юности до зрелости и старости, – Пушкин и Лев Толстой. Вспоминая этапы горестного жизненного пути и горькой поэтической судьбы, поэт в стихотворении "Живём – и чёрта ль нам в покое..." называет их своими спасителями:

В меня налили вражьи пушки,
меня ссылали в Соловки,
в моей душе Толстой и Пушкин,
как золотые колобки.

А завершая "Колокол", в последнем стихотворении сборника "Сколько вы меня терпели..." автор снова назовёт эти имена, думая с сомнениями о своей посмертной известности и переключаясь с Есениным ("Чтоб и моё стенное пенье/Сумело бронзой прозвенеть" – "Пушкину"):

А когда настанет завтра,
прозвенит ли мое слово
в светлом царстве Александра
Пушкина и Льва Толстого?

Не ограничиваясь восторженным преклонением перед титанами русской словесности, Чичибабин пробует сказать о них что-то своё, личное, затаённое, не похожее на привычные штампы. Так, объединив Пушкина и Лермонтова, "два белоснежных, два тёмных крыла", "а у ранимости лика лишь два", – поэт выражает и детское, и взрослое их восприятие.

Детский, о Боже, младенческий зов...
Черепом – в росы я ...
Здесь их обоих – на месте, как псов,
честные взрослые. (...)

Крохотка неба в тюремном окне...
С кем перемолвиться?..
Не было б доли, да выпала мне
вечная молодость.

В дебрях жестокости каждым таясь
вздохом и лепетом,
только и памяти мне – что о вас,
Пушкин и Лермонтов.

В "Путешествии к Гоголю" "мифотворческий гений" предстаёт в виде памятника в Москве на Собачьей площадке, "где он сиднем сидит и пугает ворон/ далеко от Полтавы", и ему обидно, холодно и одиноко. Автор приглашает Николая Васильевича прокатиться на тройке до Италии и уверяет его: "Сам Сервантес Вас за руку взял, а другой/Вы касаетесь Кафки". А что Гоголь?

Он ни слова в ответ, ни живец, ни мертвец.
Только тень наклонилась, горька и горбата,
словно с милой Диканьки повеял чебрец
и дошло до Арбата...

Так когда-то беседовал с Пушкинским памятником на Тверском бульваре Маяковский, и ему важно было самому представиться классику, снять с него "хрестоматийный глянец" и провозгласить: "Ненавижу всяческую мертвячину!/Обожаю всяческую жизнь!". У Чичибабина другая задача – побывать на родине Гоголя, чтобы понять его душу и утешить его печаль.

А в Л.Н. Толстом Чичибабина интересует неприязнь великого писателя к стихотворству, о чём и говорится в двух пространных прозаических эпиграфах к стихотворению "Толстой и стихи", из которых мы узнаём, что поэзия, по толстовскому суждению, – "очень глупое суеверие" и что можно признать только пятерых хороших поэтов – Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Фета и Тютчева. Чичибабин не оспаривает ни того, ни другого мнения, а скорее соглашается с ними: "Идёт на мир девятый вал./ Мертво писательство./ Не зря стихов не признавал/ его сиятельство". Но поэта занимает вопрос: как бы отнесся граф-пахарь к его "неканувшим".

Стодился б Осип Мандельштам
для "Круга чтения"?
Ведь вот кого он выбрал сам.
Моё почтение!..

Посмеиваясь над собой ("Тому ли спорить с Бородой./ кто сам юродивый?"), автор тем не менее хотел бы, чтобы и его стихи мерили "толстовской мерою".

Но, пожалуй, из всех писателей XIX века самое неожиданное и удивительное посвящение адресовано Надсону и написано оно в защиту молодого поэта, не дожившего до 25 лет и умершего от чахотки; ку-мира демократической молодёжи, выразившего в своих несовершенных,

юношеских стихах "боль за идеал и слёзы о свободе", сочувствие усталым, страдающим людям ("Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат", "Наше поколение юности не знает", "Не говорите мне: он умер. Он живёт!").

Заступитесь за Надсона, девять крылатых сестричек,
подтвердите в веках, что он был настоящий поэт.

И пусть он не был ни пророком, ни мастером пера, но стал "другом человечества" и "самым нужным певцом у России": "вся Россия в слезах провожала в могилу его".

Я люблю его стих, и с судом знатоков не согласен.
Заступись за него, галилейская девочка-Мать:
он, как сын твой Иус, так мучительно юн и прекрасен,
а что дар не дозрел – так ведь было ж всего двадцать пять.

Из поэтов "серебряного века" Чичибабин выбирает прежде всего Осипа Мандельштама, которого причисляет к первым поэтическим величинам, "достойным тысяч поклонов", и Марину Цветаеву, восхищаясь её духовной щедростью, "певчим бунтом" и усматривая в ней одновременно и Божию рабу, и Божьего пророка, "с грозой перстов, притиснутых ко лбу, / с петлёй на шее, в нищенском гробу, / пригнувши честь от родины и рока..." ("Сонет Марине").

О, брат мой Осип и сестра Марина,
спасибо вам за судьбы и слова (...)
У ваших ног, натруженных, в оковах,
я нищ и мал. Не брезгуйте ж рождением.

"О, дай нам Бог внимательных бессонниц..."

Три могилы, дорогие его сердцу, посещает и описывает Чичибабин. Одна – в "царстве вулканьем", где под "обветренным камнем" лежит рыжебородый "родня Леонардо да Винчи и добрый вещун из былин" ("На могиле Волошина").

Укрывшись от бурь и от толков
с наивной и мудрой мольбой,
он эти края для потомков
обжил и наполнил собой.

Другая – окружённая соснами, с крестом и без надписи, дойти до неё далеко – по лесам и оврагам, "через славу и ложь".

Будь к могиле Ахматовой, финская осень, добра,
дай бездомной и там не отвыкнуть от гордых привычек.

"До могилы Ахматовой сердцем дойти нелегко..."

Третья – "профиль с каменной слезой" и три сосны, как "три языческих свечи", "где я под великими ветрами шумлю четвёртою сосной" – могила Пастернака ("Цветы лежали на снегу..."). И себя ощущает поэт одним из "паствы Пастернака", "мудреца и ребёнка", после смерти которого стало холодно жить, "смеяться и плакать", и сожалеет, что не приехал к нему при жизни, и примеривает на себя пастернаковский обет: "Не может быть злой человек/ хорошим поэтом...". А строки "Какая пора на дворе,/какая погода!.." в стихотворении "Пастернаку" словно намекают на знаменитые пастернаковские: "Какое, милые, у нас/Тысячелетие на дворе?"

Твой лоб, как у статуй, бел,
и взорваны брови.
Я весь помещаюсь в тебе,
Как Врубель в Рублёве.

Любопытен круг любимых чичибабинских прозаиков. Перечислив тех, кого взял бы с собой в пустыню, – Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, Пришвина и Александра Грина, поэт последнему посвящает стихотворение "Памяти Грина", в котором звучит благодарность писателю-романтику, жаждавшему в мире чуда и творившему его в своих произведениях: "всю жизнь он прожил там и ни минуты здесь./ а нам и невдомёк, что он был весь ОГТУДА..." В глазах почитателя это "сказочник бездомный", хотя в реальной жизни слыл "упрямцем и молчуном", "лакомкой" и "вралем", "бродягой и алкашом". Но "Мне в жизни нет житья без Александра Грина", "Какой мне юный мир на старость лет подарен!". И если вы почувствуете полынную горечь жизни, обречённость родного очага, а себя чужим в окружающем мире, перечитайте Грина – "вам нечего терять, не будьте дурачком".

И ещё одному романтику признаётся в любви Борис Чичибабин и тоже любит его перечитывать и находит в его творчестве "седого юношества хмель": "нет зренья в прозе мировой/ восторженной и целомудренной". Речь идёт о К.Г. Паустовском и стихотворении, ему посвящённом.

По что ни год от Ваших чар
всё чаще на душу – о Боже мой –
нисходит светлая печаль
и свежесть вести непопленной.

А из своих сверстников Чичибабин ещё в 1969 году высоко оценил А.И. Солженицына, отозвавшись о нём как о гениальном "пастыре пера", как о "ратнике яснополянца" (то есть Л.Н. Толстого), восставшем против власти вождей и не побоявшемся гонений: "чин писателя в России/ за полстолетия впервые/ он возвеличил до небес". При всём

уважении и даже почтении к отечественному пророку Чичибабин предостерегает его от русофильства, опасаясь, что опоздал со своими предостережениями. В стихотворении "А.И. Солженицыну" читаем:

Лишь об одном тебя молю –
в пылу, боюсь, что запоздалом:
не поддавайся русохвалам,
на лесть гораздым во хмелю.

Горькое сожаление вызывает у поэта и то, что простые люди, о которых пишет Солженицын, вряд ли в ближайшее время прочтут его произведения.

И то беда, а не просчёт,
что в скором времени навряд ли
слова, что бременем набрякли,
Иван Денисович прочтёт.

Из современных стихотворцев наиболее близки Чичибабину Александр Твардовский, за выступление в защиту которого он был исключен из Союза писателей, и Александр Галич. Первого почитал за "Василия Тёркина" и редакторство в "Новом мире", за то, что "нам хоть слово правды по-русски выпало прочесть" и жалел, что тот умер, как и жил, одиноким: "и вот, унижен, слеп и наг, лежал в гробу при орденах", и устроены ему были "отпеванье потаённое" и "воровские похороны" ("Памяти А. Твардовского"). Галичу посвящено прижизненное послание, в котором отмечается, что не похож он на мученика, но сест свет в "испепелённые сердца", судит пошлость и надменность, чует "на сердце надлом" ("Им наше время не спасётся./ но оправдается с лихвой" – стихотворение "Галичу") и "Посмертная благодарность А.А. Галичу" – за то, что не по воле случая, а по Божию призванию послал "к чертям благополучие" и ренился на "подвиг певческий": "Спасибо, Александр Аркадьевич,/ от нашей выжившей надежды".

И лишь одно посвящение, названное поэтом "Сожаление", выпадает из числа похвальных од писателям земли русской. Оно – о двух советских знаменитостях: Алексее Толстом и Валентине Катаеве, литературных "генералах", влиятельных, именитых, орденоносных, лауреатствующих, отдавших за "лакомый кусок" талант и совесть, чьё творчество превратилось в "словесную баланду", чьи щёки горят от "призрачных пощёчин" (и не только призрачных – одна заслуженная пощёчина была получена А.Н. Толстым от Осипа Мандельштама за несправедный товарищеский суд, коим тот руководил), "чей разложился дух/скорей, чем плоть истлела",

и умерло Лицо,
себя не узнавая,
под трупною лентой
льстеца и красная.

Автор и обличает, и слёзы льёт о паршивых овцах, и утверждает, что "всем им нет предела" в писательской среде. Но сам Борис Чичибабин знает, что не "шуты" и "негодяи" определяют лицо и сущность российской словесности с её пророческим даром и мученическим венцом, ибо она – лучшее, что создано русской нацией, и за это ей воздастся и многое простится. В стихотворении "Экскурсия в Лицей" говорится:

В какой крови грешна моя Россия,
а я ей всё за Пушкина прощу.

*Цфат
Израиль*

О десятой главе "Евгения Онегина"*

ЗАМЕТКИ ДИЛЕТАНТА

Михаил Филин

IV

В предыдущих "Заметках" была сделана попытка доказать, что пушкинские стихи 1831 года "Чем чаще празднует лицей..." связаны с фактом сожжения десятой главы "Онегина"; что вторая строфа этого лицейского послания являет собою подробный конспект "славной хроники" европейских событий, описанных в уничтоженной главе. Там же мы привели примеры весьма показательных совпадений текстов, умолчав, однако, о двух, которые нуждаются в особом разговоре. Такой разговор, возможно, позволит расшифровать два спорных стиха десятой главы, которые доселе читаются исследователями по-разному, но всегда предположительно: ставка делается исключительно на фантазию, подчас изощрённую, но безучастную ко второй строфе стихотворения "Чем чаще празднует лицей..."

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1996. № 5; 1997. № 3, 4

Сначала – о последнем стихе, приписанном сбоку к левой колонке шифра. В автографе он выглядит так:

Большое Академическое собрание сочинений воспроизводит загадочную строку следующим образом:

"Кинжал Л (?) тень Б (?)" (VI, 523),

и не даёт никаких разъяснений, кроме сноски внизу страницы: "Невозможно установить, представляют ли собой "Л" и "Б" буквы или условные значки". Зато многочисленные интерпретаторы бесстрашно набросились на стих, препарировали его так и сяк и получили в итоге массу красивых, но произвольных разгадок, напоминающих путешествие по страницам биографического словаря. Тут есть: "Кинжал Лувеля тень Бурбона", и "Кинжал Лувеля, меч Бертона", и "Кинжал бы твой благословила"; а также "меч Беллоны", и Бабеф, и Бонапарт, и Брут, и даже "Кинжал Лувеля пел Бирон", но, конечно, не российский временщик, а офранцузенный лорд Байрон, и многое другое, порою правдоподобное, но чаще – откровенно вычурное, надуманное.

Обратимся к лицейскому посланию 1831 года. Нам уже доводилось писать, что здесь чётко выдержан план десятой главы "Евгения Онегина", соблюдена та же последовательность событий и т.д. Шестой стих послания – "греческий", он соответствует началу девятой строфы расшифрованной криптограммы. А вот седьмой... Стоит сравнить его с интересующей нас строкой, которая, как известно, расположена в той же девятой строфе, вслед за рассказом о греческом восстании. Итак, в стихотворении "Чем чаще празднует лицей..." седьмой стих второй, исключённой Пушкиным, строфы звучит как откровенная подсказка:

С престола пал другой Бурбон... (III, 880).

Нетрудно, кажется, заметить переключку слов и текстов, ожидаемую, но всё-таки пронзительно радостную. С одной стороны, мы имеем (в конспекте) "престол" и "Бурбона", с другой же (в десятой главе) – таинственного "Б" и якобы "тень", или "меч", или иную случайную импровизацию. Но есть ли нужда в импровизации, когда пушкинский конспект чуть ли не во всеуслышанье подсказывает, что "Б" – это, очевидно, "Бурбон", а второе сомнительное слово – не "меч", не "тень" и не прочее досужее прочтение, а "трон", то есть синоним "престола".

Если приглядеться к пушкинскому автографу, то можно убедиться, что такая расшифровка вполне корректна, а стих криптограммы читается следующим образом:

Кинжал Л(увеля) трон Б(урбона)...

Другими словами, в десятой главе "Евгения Онегина" упоминается о французском ремесленнике Лувеле, который посягнул на французский трон, убив 13 февраля 1820 года герцога Карла-Фердинанда Беррийского, сына Карла X и наследника престола. В стихотворении же "Чем чаще празднует лицей..." "другой Бурбон" – сам Карл X, свергнутый в ходе июльской революции во Франции. А "другой" он потому, что в лицейские годы Пушкина (о которых вспоминается в послании 1831 года) на французском престоле восседал Людовик XVIII. В ходе создания конспекта десятой главы поэт, ориентируясь на текст криптограммы, порою слегка корректировал этот текст, вводя в конспект элементы нового, более широкого взгляда, который учитывал и происшествия 1810-х годов, и совсем недавние события, случившиеся только что, уже после того как возникли строфы, легшие в основу криптограммы. С таким пушкинским приёмом нам ещё предстоит встретиться, причём очень скоро.

Теперь обратимся ко второму спорному стиху из криптограммы. Он открывает 12-ю строфу, которая в дошедшем до нас виде выглядит так:

Р.Р. присм(ирели) снова
И пуще З(царь) пошёл кутить
Но искры пламени инова
Уже издавна может быть...

Загадка "Р.Р." волнует умы учёных и околонаучной публики издавна – почти девяносто лет. Первооткрыватель десятой главы П.О. Морозов ещё в 1910 году предложил расшифровывать эти буквы как "ребята" – и тем дал старт увлекательному соревнованию версий. Из их множества выделим лишь главные и оригинальнейшие.

М.Л. Гофман возглавил движение, сторонники которого стали утверждать, что "Р.Р." означает "народы", ибо Пушкин, шифруя слово, имел в виду латинское "populi" или французское "peuple".

В.Я. Брюсов, Б.В. Томашевский и некоторые другие пушкинисты полагали, что "Р.Р." надо понимать как "Россия". Такой вариант был зафиксирован и в Большом Академическом собрании сочинений (VI, 523). Правда, оппоненты заметили вскользь, что «прочтение "Р.Р." как "Россия" ни на чём не основано, кроме нашей неспособности понять

пушкинский шифр» (Лотман Ю.М., Лотман Мих.Ю. Вокруг десятой главы "Евгения Онегина" // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 149). Однако и оппоненты не продвинулись вперед в расшифровке и присоединились к мнению М.Л. Гофмана: «Можно предположить, что два латинских "P" следует читать как множественное число от французского "peuple" – народ» (Там же). Чуть ранее Ю.М. Лотман счёл это прочтение наиболее убедительным из "до сих пор предложенных" (Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий. Л., 1983. С. 406).

Весьма экзотическую гипотезу выдвинул С.В. Обручев. По его мнению, первый стих у Пушкина изначально читался так:

Роб-Рои присмирели снова...

Поясним: Роб-Рой – романтический разбойник из одноимённого романа Вальтера Скотта; он "грабил богатых и помогал бедным". Редакция "Временника Пушкинской Комиссии", где была напечатана данная гипотеза, отметила: «Пока не будет предложено лучшего, "Роб-Рои" имеют право претендовать на равноправное с другими гипотезами включение их в пушкинский стих, несмотря на известную сложность предложенной мотивировки» (Временник Пушкинской Комиссии. Вып. 4–5. М.-Л., 1939. С. 510).

Но самая, пожалуй, эффективная и неожиданная расшифровка была сделана А.И. Гербстманом, который усмотрел в строке криптограммы упоминание об одной из преддекабристских организаций – так называемом "Ордене Русских Рыцарей". Дабы не нарушить размер стиха, автор распространил традицию начала XX столетия ("эсеры", "эсдеки" и т.д.) на пушкинскую эпоху и предположил, что при чтении строка звучала так:

Эр-эры присмирели снова...*

В нашу задачу не входит разбор этого шедевра; отметим только, что и у такой версии появились убеждённые сторонники (Невелев Г.А. "Истина сильнее царя..." (А.С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 144–145).

Завершая краткий обзор наиболее распространенных прочтений

* Гербстман А.И. Кто такие "Р.Р."? (О непрочитанной строке десятой главы "Онегина"). – В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 131–135. Можно только гадать, как сторонники подобных аббревиатур величали бы членов другой декабристской организации – Союза Спасения.

пушкинского стиха, упомянем, что в последние годы появились и иные гипотезы. Некоторые были опубликованы, некоторые – оглашены в учёных собраниях; однако ни одна, кажется, не стала откровением, не произвела переворота в умах пушкинистов. Ситуация с буквами "P.P." стабильна, то есть по-прежнему не имеет убедительного разрешения.

Прежде чем высказать наше суждение касательно этих букв, необходимо указать на два обстоятельства, которые имеют, думается, прямое отношение к загадке "P.P."

12-я строфа, где расположились незнакомцы, занимает важнейшее, особое место в структуре сохранившегося текста десятой главы "Евгения Онегина". Можно смело сказать, что она – ключевая – своего рода пограничная станция, куда сходятся все дороги и откуда они, передохнув, разбегаются вновь. Ведь здесь – итог первых одиннадцати строф, поведавших о главных событиях царствования императора Александра I, случившихся в России и Европе. Но тут же и перелом, крутой зигзаг повествования: да, всё это было, и было именно так, и сопровождалось пламенем разрушительным; но тогда же, в недрах незримых, внешне столь благополучных, уже занялось *иное пламя*. И искры этого пламени не походили на искры европейских пожаров, пожаров наполеоновских войн, испанской и неаполитанской революций, греческого восстания и *чего-то ещё* – то были искры отечественные, российские: зарождались тайные декабристские общества. Отсюда, из 12-й строфы, берёт начало пушкинский рассказ о развитии декабризма в России. Но "P.P." не принадлежит этому рассказу; они – повторим – часть хроники иной, европейской.

Таков первый предварительный вывод. Второй же, не менее значимый, можно сделать при анализе дошедших до нас стихов 10-й строфы:

Я всех уйму с моим народом
 Наш З (царь) в конгр(ессе) говорил
 .....
 А про тебя и в ус не дует
 Ты А. холоп...

Большинство пушкинистов читают сокращённое слово в последнем стихе как "Александровский" и делают заключение, что строка целиком посвящена грозному временщику А.А. Аракчееву, верному сподвижнику Александра I. Но есть и другая точка зрения, на наш взгляд, более логичная: в ту пору народ, о котором столь высоко отозвался император на каком-то конгрессе, стал *Аракчеевским холопом*, изнемогал под гнётом графа в "военных поселениях", под палками жестокосердных капралов. А царю не было никакого дела до народных

страданий – "властитель слабый и лукавый" отдал его, православный люд, на откуп:

А про тебя и в ус не дует,
Ты Аракчеевский холоп...

Стихи теперь связаны воедино, взаимообусловлены, но не это главное. Теперь свершается маленькое чудо: мы обнаруживаем *утраченную, было, мысль Пушкина*, и мысль вовсе не праздную.

У нас есть всего две пары стихов, между коими – смысловая пропасть в несколько строк, но общая, опоясывающая всю строфу мысль тем не менее прослеживается. Вчитайтесь попристальнее – и вдруг появляется волшебный мостик над пропастью, и не только соединяет разрозненные стихи, но и прокладывает дорогу к разгадке "Р.Р."...

Итак, Александр I спокоен за русский народ: с ним он дружен, с ним он готов уgomонить и волнения в чужих землях. Всё это не ново, и "реакционная роль российского императора в подавлении революционных движений в Европе" кочует из комментария в комментарий. Штамм всегда плох, а этот плох вдвойне: он не только пошёл сам по себе, но своей воинственной пошлостью отупляет, одурманивает читателя – и тот проходит мимо центральной мысли, вложенной Пушкиным в данную строфу. А мысль, как водится, и проста, и глубока: словесная оболочка её начала погибла, по-видимому, безвозвратно, но суть вполне ясна.

За развесистыми и "прогрессивными" деревьями сокрыт настоящий лес, посаженный и ухоженный поэтом, и имя тому лесу – *противопоставление*. Напечатаем-ка ещё раз:

А про тебя и в ус не дует...

Проще некуда: забыл император Александр про бородатых мужиков в лаптях и смрадных рубахах, про их убогие избы, про разрастающиеся на глазах погосты. Таков финал пушкинской мысли, но есть у неё и первая часть. Реконструируя её, получаем мысль во весь рост:

Русский царь, ставший после победы над Наполеоном "главой царей", вершителем европейских судеб, думал денно и ночью о многих народах, пёкса об их умиротворении, а про "свой", русский народ "и в ус не дул", сбаврил его, победителя басурманов, в кабалу Аракчееву.

Противопоставление, которого долго не замечали, и цементирует строфу, и как бы "включает" её, наполняет смыслом. Но оно же определяет вектор дальнейших размышлений, которые, если формулировать кратко, могут быть выражены вопросом единственным и резонным: *о ком же конкретно* раздел Александр, махнув царственной дланью на судьбу родного народа?

Тут мы сталкиваемся с ещё одним парадоксом пушкиноведения.

Все знают, что Пушкин написал "славную хронику", и едва ли кто сомневается, что поэт со свойственным ему талантом и проницательностью отразил в этой хронике все узловые моменты, вехи александровского царствования: войны, революции, судьбы людей... Но ведь правление "плешивого щёголя" ознаменовалось не только этим – было и другое, не менее важное и характерное. Были замыслы и попытки реформ, причём реформ широкомасштабных, затрагивавших основы самодержавного строя. Другое дело, что замыслы зачастую оставались замыслами, а претворённое в жизнь не принесло ожидаемых результатов, если не пошло во вред империи. Неудача реформаторских планов императора ещё не даёт права забывать или умалчивать о них. Мы убеждены, что Пушкин, историк честный и объективный, невзирая на тогдашние антипатии к царю, *навверняка обмолвился об александровских преобразованиях* – без такой обмолвки его хроника была бы тенденциозной, ущербной, то есть превращалась в сиюминутную публицистику, в заказной памфлет, что противоречило её задачам. Однако пушкинисты, кажется, до сих пор так и не удосужились поискать следы помянутой обмолвки в сохранившихся строфах десятой главы – и напрасно: очень похоже на то, что она избежала забвения. Выпишем снова:

А про тебя и в ус не дует...

И тут же припомним кое-какие факты. Например, отмену крепостного права в Эстландии, провозглашённую 23 мая 1816 года; чуть позднее, в 1817 и 1819 годах, получили личную свободу курляндские и лифляндские крестьяне. В те же сроки была благосклонно воспринята в Петербурге просьба литовского дворянства о разрешении публичного обсуждения условий освобождения местных крестьян. Делались тогда и иные широковещательные жесты в крестьянском вопросе – но только на окраинах империи, подальше от русских деревень и селений...

Та же картина наблюдалась и в области политических реформ. Они начались и шли, и инородцам даровались определённые права и льготы, и даже красивые хартии – а на русских просторах не менялось ровным счетом ничего...

Выглядело так, что император Александр I радел исключительно о жителях окраин, начисто позабыв про судьбу титульной нации. Лишь немногим было дано знать, что такова стратегия реформатора: тщательно опробовать на приграничных полигонах всё то, что в будущем, более или менее отдалённом, надлежит распространить на собственно Россию, на русский народ. И над разработкой такого стратегического плана упорно трудились в секретных кабинетах особо доверенные

люди. Беда в том, что труд этих людей так и не был востребован в должной мере, а о благих намерениях императорской команды узнали гораздо позже. Да и что намерения – о правителях современники и потомки судят по осязаемым результатам деятельности, по свершениям, а не прожекткам. А русскому народу император Александр оставил в наследство лишь прожектёрство, уместившееся в размер пушкинского стиха.

Приграничных полигонов у царя было несколько, но выделялся один – едва ли излюбленный, скорее уж докучливый и посему облагодетельствованный особым высочайшим вниманием и реформаторским усердием. Населяя этот полигон народ претенциозный, горделивый, можно даже сказать – кичливый, натуры вольнолюбивые, беспокойные. Некогда играл народ видную роль в Европе, случалось, диктовал свою волю и Москве. А потом – промотали его вожди политический капитал, пропировали остатки вольницы. И взяла Россия реванш за былое, реванш полный и блистательный, повергла противника в прах и присоединила большую часть его территории к своим владениям. Стала империя и обширнее, и сильнее, но и хлопот прибавилось: помнили побеждённые свою прежнюю силу и хватались порою за ржавые сабли. Бывало такое и на веку Александра, и ничтоже сумнящиеся хотелось русскому императору приручить гордецов, умиротворить сей народ навеки.

Наконец, мы добрались до цели – до заглавных латинских букв "P.P."; добрались, прикоснувшись по дороге к августейшим усам и прочим достопримечательностям эпохи, без коих немислима разгадка. Сказано уже всё или почти всё – осталось последнее: козырнуть припасённой под занавес строкой пушкинского стихотворения "Чем чаще празднует лицей..."

Вот он, заключительный стих второй строфы, которую мы считаем конспектом десятой главы "Евгения Онегина":

Отбунтовала вновь Варшава (III, 880)

Семь предыдущих стихов лицейского послания 1831 года последовательно повторили темы десятой главы, и потому мы смело представим кандидата в последнюю пару:

P.P. присм(ирели) снова...

После всего вышеизложенного расшифровка кажется формальностью:

Поляки присмирили снова...

Нетрудно догадаться, что Пушкин при составлении криптограммы назвал подразумеваемый народ по-французски и назвал так, как положено, то есть с заглавной буквы: Les Polonais. Столь же очевидно, что поэт, переводя десятую главу на язык лицейского послания, дважды использовал один и тот же приём: он скорректировал текст стихотворения "Чем чаще празднует лицей...", утя совсем недавние события в Европе. Сначала Пушкин обновил стих с "троном Бурбона" (или "троном Бурбонов"), теперь же – с неугомонными поляками.

К 19 октября 1831 года и впрямь "отбунтовала вновь Варшава", ибо очередной польский бунт, начавшийся годом ранее, в очередной раз был подавлен: 6 сентября русские войска взяли штурмом западный пригород столицы – Волю, а в ночь с 7 на 8 сентября бунтовщики подписали капитуляцию.

В момент создания криптограммы десятой главы "Онегина" дело обстояло иначе: до победных реляций российских полководцев было ещё далеко, да и речь в "славной хронике" шла о прошлом, о царствовании Александра I. А в ту пору поляки действительно "присмирели": уже затянулись их раны, полученные в 1794 году, в ходе восстания под предводительством Т. Костюшки, и – главное – возымели определённых успех знаки внимания, оказанные русским императором Царству Польскому: дарование Конституционной хартии в 1815 году и знаменитая речь царя на открытии первого польского сейма в марте 1818 года. Тогда Александр, в частности, сказал: "Одно забвение прошедшего могло произвести ваше возрождение. Оно непреложно постановлено было в мыслях МОИХ с того времени, когда Я мог надеяться на средства к приведению оного в исполнение. Ревнуя ко славе МОЕГО Отечества, Я хотел, чтобы оно приобрело ещё новую. И действительно, Россия после бедственной войны, воздав по правилам Христианской нравственности добро за зло, простёрла к вам братские объятия и из всех преимуществ, даруемых ей победою, предпочла единственно честь – восстановить храбрый и достойный народ".

Далее, через абзац, император сообщил сокровенное: "Образование, существовавшее в вашем краю, дозволяло МНЕ ввести немедленно то, которое Я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом МОИХ помышлений и которых спасительное влияние надеюсь Я, при помощи Божией, распространить и на все страны, Провидением попечению МОЕМУ вверенные. Таким образом, вы МНЕ подали средство явить МОЕМУ Отечеству то, что Я уже с давних лет ему приготавливаю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости". В завершение речи, ставшей европейской сенсацией, Александр I повторил ту же мысль: "Последствия ваших трудов в сем первом собрании покажут МНЕ, чего Отечество должно впредь ожи-

дать от вашей преданности к нему и привязанности вашей ко МНЕ; покажут МНЕ, могу ли, не изменяя СВОИМ намерениям, распространить то, что уже МНОЮ для вас совершено" (Московские ведомости. 1818. № 29. 10 апр.). Многим в России тогда не понравилось, что вариант русской судьбы репетируется на западной границе; так, А.П. Ермолов, выражая широко распространённое мнение, писал 30 апреля 1818 года А.А. Закревскому: "Я думаю, судьба не доведёт нас до унижения иметь поляков за образец и всё останется при одних обещаниях всеобъемлющей перемены" (цит. по: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 159). Генерала и его единомышленников можно понять: ведь Русь, одолевшая врага в многовековом споре, заслуживала собственного выбора, *русского пути*, а не механического копирования чужих институтов. Но выбора, как и предвидел А.П. Ермолов, не было сделано ни тогда, ни позднее: о русском народе царь так и не распорядился.

Зато поляки тогда не только "присмирели" – они ликовали. Победившая Россия не обратила их в рабов, а, напротив, возвысила, оскорбив тем самым русский народ и подчеркнув его неизбежное холопство. И полились сладкие шляхетские речи в адрес просвещённого монарха... Например, при открытии сейма в 1818 году министр внутренних дел Царства Польского граф Мостовский изъяснялся так: "Но какую благодарность должны мы воздать Провидению! мы, кои увлечены были бурей, с одной только нашею смелостию и слабостию; мы, кои учинились первою жертвою неравной борьбы! Когда же пробил час нашего падения, когда мы должны были ожидать и страшиться ужасной мести, то какая свершилась с нами перемена? Мы признали нашего Покровителя и нашу опору в победоносном Государе и, благодаря Его великодушному образу мыслей и неослабным попечениям, снова нашли себе отечество, законы и независимость" (Московские ведомости. 1818. № 32. 20 апр.). Подобных речей тогда звучало много, но ими ликование не ограничилось – шли парады, гремели балы, освещали варшавское небо фейерверки... И везде появлялся, всюду царил, всем дарил божественные улыбки император Александр I, "присмиритель" поляков.

И пуце царь пошёл кутить...

Всё шло как будто гладко, напыщенно, мазурки и котильоны сменяли друг друга, иллюминации слепили глаза побратавшихся недругов, да и чувства источались высокими договаривающимися сторонами схожие: с одной стороны лилось через край лицемерие, с другой струилось иезуитство. На таком фундаменте отныне строились русско-польские

отношения. Понятно, что вскоре должно было наступить заслуженное похмелье, а за ним – кровавая опохмелка.

На смену пушкинскому "снова" неизбежно шло пушкинское "вновь". Этим синонимам ещё неоднократно предстояло чередоваться в русской истории.

Позиция Пушкина в польском вопросе была однозначно жёсткой, непримиримой, подлинно государственной*. Здесь поэт вполне мог рассчитывать на понимание и одобрение со стороны императора Николая I. Но до понимания и одобрения надо было ещё дождаться-дотерпеть-дожить, а время и шло, и бежало... И тут история, помещица своеправная и самодурная до непредсказуемости, в который уж раз выказала себя. Вот её новая блажь: поляки, исторический и стратегический враг России, вечные сграницки от бунта к смирению и обратно внезапно помогли своим явным недругам – императору Николаю и поэту Пушкину. И не просто помогли, но оказали услугу чрезвычайную, неносильную российским верноподданым.

Словом, именно поляки организовали встречу царя с десятой главой "Евгения Онегина".

Продолжение следует

* Грешат против истины, а то и попросту занимаются спекуляциями те, кто выводит отношение Пушкина к Польше из отношений поэта к некоторым полякам, допустим, к Мицкевичу или графу Олизару. Это – "две вещи несовместные", практически никак не связанные между собой. Похоже, что польские учёные, например, В. Ледницкий, понимали сие обстоятельство лучше тех, для кого язык автора "Клеветникам России" и "Бородинской годовщины" считается родным.

Вообще "польский вопрос" – сложнейшая и болезненная тема, допускающая, по-видимому, два и *только два* подхода: условно говоря, подход Пушкина и подход Адама Мицкевича. И каждая позиция верна для своей страны, своей истории, и не может быть третьей, "объективной" точки зрения – она в данном случае равносильна предательству.

"Связь всего со всем"

О романе Ю. Домбровского "Хранитель древностей"

Е. В. КРАСИКОВА,

кандидат филологических наук

Однажды, когда Георгий Зыбин учился в восьмом классе, ему попалась книжка "Занимательная метеорология". Из неё он совершенно неожиданно для себя узнал, что древесина – "свидетель всех земных и небесных сил, проявившихся за период роста дерева", и "всё-всё, что пережила земля и увидело небо... фиксируется и хранится в туго свёрнутой ленте годового кольца" (Домбровский Ю. Хранитель древностей. Роман, новеллы, эссе. М., 1991. С. 116; далее – только стр.). Эта мысль поразила его, стала откровением, а затем и толчком к осознанию того, что помимо наглядных проявлений связей в мире (как в своде годовых колец дерева) существуют, вероятно, "непрослеживаемые нити", соединяющие "космос и сосну", "куст орешника и созвездие Ориона", – "связи всего со всем".

Прошли годы. Зыбин стал историком. Огромное древнее пространство человеческой истории заполнилось для него людьми, жизнь которых стала для Зыбина такой же реальной и безусловной, как и жизнь его современников. Прикасаясь к узорам глиняных сосудов, он чувствовал руку мастера; словно наяву, видел красавицу, спящую "под огромными голубыми валунами... уже второе тысячелетие" (137); перекликались, то угасая, то нарастая, голоса прошлого и настоящего. Казалось бы, в сознании Зыбина без видимой связи соединилось множество разрозненных фактов, ассоциаций. Да и сам роман, на первый взгляд, – прихотливое нагромождение мыслей и образов: римские цезари, философия Ницше, истоки христианства, идеология фашизма, собор Зенкова и картины Хлудова, гравюры Дюрера, иллюстрации из книг Брема и Бюффона, фантастическая синяя птица счастья и библейская железная саранча, идеалы мировой революции и политические процессы над врагами народа. Но это впечатление разрозненности, неупорядоченности обманчиво. Мысль о связи всего со всем является основополагающей, концептуальной как для героя романа, так и для его автора. Незримые, сразу "непрослеживаемые нити" соединяют воедино не только явления действительности в ретроспективе и современности, не только мысли и образы, рождающиеся в сознании Зыбина, но и отдельные эпизоды романа.

Художественная структура небольшого по объёму "Хранителя древностей" достаточно сложна. Здесь нет фабулы, нет события, вокруг которого группируются интересы героев. При поверхностном прочтении роман распадается на ряд эпизодов повседневной жизни, скреплённых нежесткой, в принципе, ситуацией общей работы. Внешние конфликты: Корнилов – Аюпова, Зыбин – Аюпова, Зыбин – массовичка – носят локальный характер, представляя собой лишь проявления глубинного мировоззренческого конфликта между ортодоксальным мышлением идеологов мировой революции и познающей, ищущей мыслью свободного человека. Однако и этот конфликт по-своему локален, привязан к конкретной исторической эпохе. Он не исчерпывает всей глубины романа, поскольку особенности мировосприятия имеют философские корни, определяются глобальными закономерностями познания человеком окружающего мира, осознания им своего места и роли в нём.

В процессе анализа подобных произведений необходимо найти точку отсчёта – высказывание, эпизод, образ, – который помог бы проследить внутренние связи так, чтобы перед читателем встала в конце концов целостная картина мира, как видел и понимал его писатель. Нередко такой точкой отсчёта становится образ-символ, всегда предполагающий высокий уровень обобщения, концентрации мысли. Есть такой образ и в "Хранителе древностей".

I.

Начиная со второй главы и до конца романа, на его страницах – в газетных заметках, слухах, официальных и частных разговорах – постоянно появляется змея, до поры невидимая, но в конце вполне реальная, осязаемая.

Обычно слово, используемое писателем для создания многомерного символического образа, первоначально выступает в произведении закреплённым в языке обозначением определённого предмета, явления, то есть имеет прямое номинативное значение. Как правило, само слово остаётся неизменным, меняется его значение. За счёт разветвлённых семантических связей оно трансформируется, расширяется, усложняется его семантическая структура. В результате выявляется вторичный, с точки зрения языка, но основной для писателя объект обозначения.

В "Хранителе древностей" структура символа "змея" нетрадиционна, здесь всё наоборот. Слово-символ постоянно варьируется, хотя остаётся в одном семантическом поле: "удав", "огромная змея", "гость из далёкой Индии", "чудо-юдо", "библейский зверь", "бова-конструктор", "гигантская рептилия", "похожая на дракона змея", "гадючка", "чёрный полоз", "дохлый змей". На протяжении всего романа неясно, какой здесь объект: реально существующий или мнимый, а если существу-

ющий, то какова в нём доля вымысла. Таким образом, особенность структуры этого символа – изначальная множественность номинаций непознанного явления действительности. Только в конце романа обнаруживается истинный объект, получающий единственно верное обозначение, соответствующее его природе. В силу этой структурной особенности анализ прямого номинативного значения слова-символа в данном случае неэффективен. Единственный путь к его раскодированию – исследование системы номинации. Выяснить, кто, как и почему называет змею то удавом, то библейским зверем, то гигантской рептилией, то драконом, какими причинами, закономерностями определяется появление того или иного наименования – значит понять загадку этого символа, установить, какую роль он играет в художественной структуре романа, как в нём воплощается концептуальная для этого произведения мысль о "связи всего со всем".

Все высказывания в романе о змее можно расположить между двумя полюсами: на одном – гигантское фантастическое чудовище, на другом – фантом, плод воображения.

Первое значение встречается в статье бойкого журналиста Д. Никитича: "Гость – молчаливый таинственный и древний", "огромная, похожая на дракона змея", "легендарный библейский змей" (25). Скорее всего, журналиста не интересует ни сам объект изображения, ни даже вопрос, а есть ли он на самом деле. Мотив монументальной гиперболы прозрачен – тщеславие посредственности, вообразившей себя эпическим гением современной журналистики. Близкое к этому значение содержится в сведениях о труппе бродячих циркачей, стремящихся с помощью объявления броского, щекочущего нервы номера "Смертельная хватка человека с гигантской рептилией" привлечь как можно больше зрителей. Змея превращается в двадцатипятиметровое чудовище, которое "глочет людей, валит деревья... только-только, что не дышит огнём" (101).

Диаметрально противоположная точка зрения у представителей органов безопасности. Там вообще не верят в существование какой-либо змеи, с лёгкой руки газетчиков названной удавом. Сотрудник органов Михаил Степанович в разговоре с Зыбиным безапелляционно утверждает: "Фантастика всё это" (121). Удава нет, нет вообще никакой змеи, но есть история с удавом, которая не что иное как "хитро задуманная диверсия" (123).

Итак, с одной стороны – чуть ли не огнедышащий дракон, с другой – выдумка, ложь, диверсия. На самом деле за всем этим – обыкновенная, просто очень большая змея. Как видим, номинации совершенно не соответствуют действительности, которая извращается по разным мотивам и побуждениям. У Д. Никитича и циркачей причины просты: тщеславие и материальная выгода. У Михаила Степановича мотивы

мировоззренческого характера. То, что история с удавом существует – факт для него неоспоримый: она прошла по страницам республиканских газет и даже добралась до немецкой "Фелькшшер бсобахтер". Но что за всем этим скрывается, если удава не самом деле нет? Политизированное сознание Михаила Степановича в состоянии оперировать лишь ограниченным набором стандартных понятий: вредительство, классовые враги, гнилой либерализм, реакционные учёные, шпионы, диверсанты и т.д. Поведение его определяется лозунгом: "Мы должны быть бдительны". Живя в мире этих представлений, почитая их непреложной истиной, Михаил Степанович не ломает голову над загадками жизни. Слухи об удаве для него – диверсия, источник слухов Потапов – диверсант.

Очевидно, что на обоих полюсах происходит своеобразная мифологизация действительности, ничего общего с реальностью не имеющая. Причём второй тип мифологизации – абсолютное искажение жизни по законам идеологизированного мышления крайне опасен. Именно это имеет в виду "диверсант" Потапов, когда говорит о мёртвой змее: "Смерть свою за собой таскаю". В атмосфере непрерывных судебных процессов, завершившихся нередко расстрельными залпами, обвинение в совершении диверсии становилось смертельно опасным.

Между этими полюсами располагается целый ряд представлений, в которых по-разному переплетается адекватное и видоизменённое восприятие действительности. Как правило, это сведения, записанные журналистами со слов очевидцев-колхозников "Горного гиганта". Луценко и Потапов почти одинаково описывают змею: "Огромная змея. Серая. Длинной метра четыре. Как ствол средней яблони" (124); змей "обвился вокруг толстого дерева, выбирает и вмиг проглатывает самые крупные спелые яблоки" (108). Что здесь правда, что преувеличение, что чистый вымысел? Что послужило толчком к преувеличениям и фантазиям? Чтобы выяснить это, достаточно обратиться к описанию змеи, пойманной Потаповым, и суждениям Зыбина, совсем не склонного к примитивной мифологизации действительности. Правда – одно: в окрестностях "Горного гиганта" обитала очень большая змея. Но вовсе не гигантский удав, а обыкновенная "гадючка". Во всей этой истории крошечное реальное основание было увенчано пыльным куполом человеческого воображения. Ссылаясь на научный авторитет Брема, Зыбин легко объясняет подобный феномен: "...самая обычная ошибка наших воспринимающих и оценивающих способностей" (125). Иными словами, отражение мира в человеческом сознании несёт отпечаток невольных искажений, и надо лишь знать об этом, постоянно иметь это в виду, чтобы не провозглашать истину там, где её нет.

Сам факт множественности, а также характер номинации в структуре символа "змея" определяет основные составляющие его значения:

двойственность восприятия действительности человеком, различное соотношение реального и фантастического в отражённом образе мира, природа искажений, их корни. Каждый элемент значения символа связан с центральными проблемами произведения, что позволяет установить внутренние взаимосвязи внешне разрозненных эпизодов, даёт ключ к постижению глубинного смысла романа.

II.

Живой, подвижный, бесконечно многообразный мир окружает человека – существо необыкновенное, способное воспринимать и оценивать, постигать истину и ошибаться, наделённое воображением, блуждающим за пределами фактографической картины мира. Реальное и фантастическое слито в единый образ мира, каким его видит каждый из нас в силу своей индивидуальности, личного и исторического опыта. Однако, как мы уже увиделись, анализируя символ "змея", работа воображения в каждом случае имеет разные импульсы и результаты.

В соответствии с этим в романе "Хранитель древностей" можно выделить несколько типов мировосприятия, встречающихся не только в конкретной исторической эпохе, но и в истории цивилизации в целом:

– Обыденное сознание, для которого факт, каким бы невероятным он ни казался, существует как достоверность, не подлежащая обсуждению. А фантастические черты, которыми наделяется действительность, преходящи и обусловлены особенностями познания человеком окружающего мира. Носителем такого сознания является Потапов, "человек трезвый и бывалый", как его характеризует Зыбин. Если он и принимает полутораметровую змею за четырёхметровую, то это вполне естественная, научно объяснимая ошибка. В какой-то мере на его восприятие влияет библейская традиция, газетная шумиха, поднятая вокруг этого события, но в целом его сознание определяется реальностью. Недаром именно он буднично и просто разрешает загадку змея, разрушая фантом, кочующий по страницам газет. В сознании Потапова, лишённом творческой фантазии и способности постичь глубинные связи бытия, главенствует достоверность: существует то, что можно увидеть, потрогать, прочесть. В этом его сила, но в этом же и его слабость. Вот почему, сталкиваясь с ложной реальностью, вымышленной органами госбезопасности, он свято верит в нее, верит в несуществующего клеца, в "преступление" брата, других людей, потому что есть "расписка, есть сознание, есть виновный, есть кара виновного, о чём же можно ещё говорить?" (75).

– Научное познание, для которого характерно тщательное, анатомическое исследование действительности. При этом, как правило, истина не считается завершённой в самой себе, так как предполагается существование непознанного. Здесь нет места вымыслу, фантазии.

Неслучайно Домбровский так пристально вглядывается в гравюры, иллюстрирующие труды Брема и Бюффона. Он подчёркивает скрупулезность художников, стремившихся с максимальной точностью передать каждую деталь изображаемого явления: "Учёный, стоящий над художником, начисто лишил его творческой свободы, но зато учил его конкретности, точности, бережному обращению с вещью, заставлял не только изображать мир, но и разнимать его на части. Это и была наука" (43). При этом иллюстратору научных трудов, как любому человеку, присуще воображение, однако научное отражение мира не допускало фантазию художника в его гравюры: "Его карандаш и резец доходили только-только до определенного предела и останавливались на нём", хотя чувствовалось, "как хотелось ему пририсовать этому дыяволу (птица-носорог. – *Е.К.*) еще второй рог, сделать его клюв крючковатым, как нос у ведьмы" (44).

– Художественное мировосприятие, не искажающее действительность, но творчески преображающее её по законам гармонии и красоты. Творческое воображение художника свободно, не сковано рамками естественно-научного подхода. Но изображая действительность, истинный творец не отрекается от неё, а отталкивается, идя дальше по пути, подсказанному фантазией. Поэтому на гравюре Дюрера "носорог как носорог. Можно определить всё: и породу и возраст зверя. И всё-таки... Это не только реальный носорог – это еще чудовищный и фантастический зверь апокалипсиса" (43). Но каким бы устрашающим ни казался носорог Дюрера, и в нем живёт красота природы, усиленная фантазией художника. Собор архитектора Зенкова "горел (ослепительно светился. – *Е.К.*) со всех сторон и со всех досок. Горел даже на чердаке. Даже через пыль и копоть. Даже через десятки лет забвения и пренебрежения" (45). В картинах Хлудова "нет иных настроений, кроме радости и любованья жизнью" (43), каждое полотно его "ликует и смеется". В них нет полутонов, окружающий мир намного шире и сложнее, но главное, что есть в мире, в душе художника – красота и гармония бытия – живет в его произведениях, усиленное творческим воображением мастера.

– Глубокое осмысление действительности по пути познания невидимых связей, соединяющих природу и общество, прошлое и настоящее. Никто и никогда не окажется в конце этого пути, ведь мир во всех его проявлениях и сущностях неизмеримо сложнее, чем способности человеческого разума. Таким типом сознания обладает главный герой романа Георгий Зыбин, соединяя в себе аналитический склад ума и вольное воображение художника. Именно поэтому он так свободно движется в веках, тысячелетиях – древний Рим для него так же населён живыми людьми, как и Алма-Ата 30-х годов нашего века. Реальный факт сам по себе не имеет для Зыбина самодовлеющего

значения, поскольку с юности в нем живёт убеждение о взаимосвязи всего в мире. Порой сомневаясь, заблуждаясь, он тем не менее принадлежит к людям, которых невозможно обмануть фальшивой реальностью, нагромождением подтасовок и лжи, искажающей живую жизнь во имя идеи, вторичной реальности.

Такой тип сознания представлен в довольно большой группе образов. Это и туповатая массовичка, и озлобленная, агрессивная Аюпова, и самоуверенный, властный замнаркома, и неугомонный пенсионер Родионов, и сотрудники органов госбезопасности Михаил Степанович и Софья Якушева. Все они, так или иначе склонные к мифотворчеству, пытаются пересоздать действительность, подменяя её другой, существующей лишь в их воображении, примитивной и бесплодной. Пожалуй, наиболее ярко этот жизненный подход выражен в афористическом высказывании замнаркома в назидание Зыбину: "Вот и ищите мировую революцию во всех ваших мелочах. Каждый экспонат должен напоминать только о ней" (92). Эти люди живут в придуманном мире, основой которого является идеологическая схема.

Однако сама идея порождена не ими, "кровожадными пещарями", впадшими в летаргический сон. Идея им дана, а сон навеян. Когда вождь отождествляет себя с Эзгом, он становится тираном, а люди рабами, хамами либо объектами для уничтожения. Вот тут и нужна "какая-то идея", потому что "так, за здорово живёшь, сказать человеку, что ты хам, а я твой господин, нельзя" (99). И такие "идейки" во все времена находились, неважно, в какие формы их облекали: прямого обожествления личности, национальной элитарности или классового гегемонизма. Они живучи, потому что нужны и хаму, и господину: одному – чтобы замуриться и "щук глотать", другому – чтобы тщеславно чеканить на монетах и в дунах рабов "Deus et Dominus"¹.

Любое намеренное искажение действительности, вначале умозрительное, затем активное, действенное, разрывает естественные связи в человеческом обществе, в природе, приводит к катастрофам. Но деспоты умирают, гигантские фантомы рушатся, а мир остаётся, огромный, беспредельный, текучий, таинственный и прекрасный, мир, в котором "всё связано со всем".

¹Богу и Господину

Стихи Софии Прегель

София Юльевна Прегель (1904–1972) родилась в Одессе – "лучшем из южных городов", о котором она вспоминала до последних дней жизни:

Подышала в стекло оконное:
Вот Херсонская, вот и Конная,
Дерибасовская в огнях...

"Не в небесном ли вертограде л..."

Биографические сведения о будущей поэтессе содержит её роман-хроника "Мое детство" (Париж, 1973. Т. I–III): училась в гимназии, а дома – музыке и пению. С восьми лет начала писать стихи, увлекалась театром и по окончании гимназии поступила в театральную студию, два сезона играла в одном из одесских театров.

В Петрограде София Прегель училась в Консерватории по классу пения. Революция прервала эти занятия, и в 1922 году она с семьёй выехала за границу.

Литературную деятельность начала в Берлине, потом переехала в Париж. Здесь были изданы сборники её стихов: "Разговор с памятью" (1935), "Солнечный произвол" (1937), "Полдень" (1938), "Берега" (1953), "Встреча" (1958), "Весна в Париже" (1966), "Последние стихи" (1973). Сотрудничала во многих эмигрантских изданиях – журналах и сборниках: "Современные записки", "Числа", "Грани", "Круг", "Опыты", "Мосты" и др.

Мировая война изменила мир, вторглась она и в судьбы русских изгнанников. Оборвалась русская парижская поэзия. Начался новый этап русской литературы за океаном. София Прегель уехала в США, стала редактором и издателем журнала русской культуры за рубежом "Новоселье". В 1948 году вернулась в Париж, перенесла и журнал, впрочем, недолго просуществовавший. И.А. Бунин опубликовал в нём

рассказ "Крем Леодор" (Новоселье. 1947. № 31–32), что послужило темой его переписки с поэтессой. Прегель глубоко чтит Бунину. "Гордости русской литературы, Ивану Алексеевичу Бунину с низким поклоном" – надписана её книга "Берега".

Для "Литературного наследства" София Прегель написала в 1970 году воспоминания, в которых вновь прозвучала её любовь к великому писателю. Бунин "духовный сын всего самого лучшего, что было в девятнадцатом столетии... В нём жила языческая любовь к природе, к чувственному миру, к земле, в которую он ни за какие блага не хотел лечь" (Лит. наследство: Иван Бунин. 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 353).

Лирика Софии Прегель в известной степени продолжает традиции русской дореволюционной поэзии. Здесь сильны и мотивы тихой, "несложной" жизни, где самоварный дым, "домотканое" утро, а в нём лепятся люди, и в тишине поют птицы. Ей чужд эксперимент, словесные фейерверки, головокружительные рифмы, она не выбивается из негромких голосов своих современниц – Аллы Головиной, Анны Присмановой, Лидии Червинской. Критика отмечала пристрастие поэтессы к строфе из пяти стихов, эффектных при чтении вслух, оттеняющих пуанту. Многие стихи Прегель – зарисовки стран и городов ("Венеция", "Campo Santo", "Барселона", "Стамбул", "Принцессы острова") – "разнообразие, похожее на растерянность" (Г. Адамович): "По чужим, нелепо мощёным улицам / Я иду в глубокой летней тоске", – писала она.

«Отказ от всякой, хоть немного сомнительной высоты, от пророческих утверждений о неизвестном, от игры в чужую или свою славу, всегда легкомысленной и самодовольной < ... > такое тусклое, суровое "terre à terre" – свойство нашего поколения, одного из самых несчастливых < ... > Нашему поколению не осталось ничего, кроме правдивой бесцельно-любопытной скромности, кроме присматривания к жизни и к миру без надежды его понять, кроме честных и скудных слов», – писал Ю. Фельзен (Письма о Лермонтове // Числа. Париж. 1930–1931. Кн. 4. С. 75–76).

Вл. Ходасевич сравнивал поэзию Софии Прегель с живописью фламандской школы. "Такое сравнение напрашивается само собой", – отмечал он (Ходасевич Вл. Книги и люди // Возрождение. 1935. № 3704. 25 июля).

Для Прегель поэтические натюрморты стали своеобразными разговорами о виденных предметах: это большей частью путевые заметки о городах без музеев и памятников. Они грустны, ибо это путешествия без возвращения домой. В этих городах живут люди, вызывающие острое чувство жалости и сострадания. "Всё полно страстного и напряжённого чувства", – писал Мих. Цетлин в рецензии на сборник С. Прегель "Солнечный произвол" (Современные записки. Париж. 1937. Т. 64. С. 460).

Седьмая книга стихов Софии Прегель, которую она сама готовила к печати, вышла в 1973 году, уже после смерти поэтессы. Издание было осуществлено М.А. Слонимом.

С.Ю. Прегель скончалась в Париже 26 июля 1972 года.

Последние её стихи наполнены предчувствием близкого конца:

И сгинет в тумане белый камыш.
И дрогнут домов предплечья,
И будут смотреть с пылающих крыш
Пустые глаза человечьи, –

В последний раз разольётся река,
Взлетят берега шальные,
В последний раз о стол кабака
Ударят кружки пивные.

В последний раз прозвучит засов,
И в звоне стихнут снаряды.
И смерть сойдёт с городских часов
Просить у жизни пощады.

*Л.М. Грановская,
доктор филологических наук
Баку*

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

Стамбул

Радость была всё та же:
Стол кофейни просторной,
Ослик с большой поклажей,
Проходящий покорно.

Курили молча соседи
Табак сухой и пахучий.
Кофейник из жёлтой меди
Сиял, как солнце за тучей.

Город лежал пустыней,
Дремали нищие, стоя,
И пенился кофе синий,
Отражая небо густое.

***

Не поможет морское дыхание,
Не помогут ветра струи.
За собой мы повсюду тянем
Городские недуги свои,

Взор блуждающий, облик угрюмый.
Дождевые, смешные зонты,
В чемоданах бельё и костюмы,
Душу, полную суеты.

И гудит на дорогах сирена,
Обещая злую беду,
И цветы уже пахнут тленом,
И газеты шорох презренный
Покрывает пенё в саду.

***

Куда б ни ехать розовой долиной,
От солнца тяжелеет голова.
Цветёт миндаль, колышутся маслины,
Под зноем спит высокая трава.

Мелькают одинокие деревни,
Придавленные тяжестью ветвей.
В них камень и обветренный и древний
И вековое кружево церквей.

И города, где пальмы жёлтый веник
Всё хочет небо пыльное мести.
Там сонно через улицу священник
Бредёт, глаза на землю опустив.

***

И улица походкой старика
С горы спускалась медленно и криво.
Под солнцем выцветали так лениво
Небесные, тяжёлые шелка.

И пахло бочкой кислое вино
И погреба прохладой тёмно-красной,
И не было поспешности напрасной,
Но каждый знал, что каждому дано
И до конца в себе завершено.

***

Стрелую пена всходит на корму,
Легит корабль и нет ему возврата
В страну осиротелого заката,
В мой белый город в ласковом дыму.

О, бывших гроз неповторимый гром
О, ты, полуразрушенная арка,
О, странный год, когда деревья в парке
Снонали под зловецим топором!

Уже воспоминания не лгут,
В них всё теперь несокрушимо просто –
Был вой собак и лошадиный остов
На кровью опоганенном снегу.

И как понять замороженный взгляд,
Где нет ни ожидания, ни печали,
Донёсся выстрел, стёкла задрожали,
И сердце, сердце бьётся невпопад.

И мнится: в море тёмная скала,
И снова ночь, и эта дева в белом.
Всё то, что вьюга долгая отпела,
Что я забыть не смела, не смогла.

***

Зимний день скользнёт бесповоротно
В тонкую заоблачную щель –
Снова сумрак серый и бесплотный,
Снег и снег и темная капель.

И былое – мимо, мимо, мимо,
Многозвонный бег его умерь –
Нет страстей и снов неповторимых
И незаживающих потерь.

И шаги знакомые утихли,
И в догонку ветер не вздохнёт
У своих, у наших, у чужих ли
Кованых кладбищенских ворот.

***

Туман тягучий и едкий,
Чернеют окон кресты.
Смотрю на лёгкую ветку,
Её подарила ты.

И чтобы она не увяла
От старости и тоски,
Вишнёвым заревом алым
Зажгла её лепестки.

И вот не стало разлики:
Ты здесь, со мной, как была,
Твои цыганские руки
Легли на мрамор стола.

А в чашке кружат чайники
С пустого, светлого дна,
Блеснула из-под косынки
Серебряная волна.

И будто в блаженной лени
Табачный день изнемог
(Ни боли, ни сожалений)...
О, русская на скрещеньи
Европы трудных дорог.

***

В деревенском хлебе чувствую зерно,
В чаше с мёдом утопают осы...
Солнца луч смешной и остроносый
Врезался в открытое окно.

Если можешь, этот миг продли,
Этот час и благодный и ранний.
Облаков уходят корабли,
И туман, плывущий от земли,
Очищает душу от желаний.

***

Забыто проклятое лето.
Кто в сердце слабеющем стёр
Туманный огонь лазарета,
Косынки жеманных сестёр?

И запах карболки и йода,
И хриплый на койке финал,
И взводы, поющие взводы,
И тесный солдатский вокзал.

Прощальные, пьяные речи,
Забор, семафор, провода,

Рыданьем согбенные плечи,
И с грузом, пока человечьим,
Идущие в смерть поезда.

***

Лермонтовский парус одинокий
Уплывает в сумрачный закат,
А за ним стремительным потоком
Искры отгоревшие спешат.

И голодный ветер завывает,
Ищет неминуемой беды,
И волна неверная смывает
Узкие змеиные следы.

Жалок мир, где нищета и старость,
Страшен мир, в котором я живу...
И уходит лермонтовский парус
В приоткрывшуюся синеву.

Луна

Настанет ночь моя. Ночь долгая, немая.
Тогда велит Господь, творящий чудеса,
Светилу новому взойти на небеса.

Сияй, сияй, луна, всё выше поднимая
Свой солнцем данный лик. Да будет миру весть,
Что день мой догорел, но след мой в мире – есть.

Стихи о Пушкине

И тот, кто был Пиндару равен,
Чьё имя в вечности гремит,
Благословил его Державин,
Вельможа русский и пиит.

Жуковский нежно-благосклонный
С ним дружбы осушил бокал,
И он – учитель побежденный –
Стихам пленительным внимал.

Всё было в этой жизни бурной:
Зимы бессонная пурга,
Гурзуф томительно-лазурный,
Пустые финские брега,

И пышнотелая Одесса,
И табор в поле далеко,
Кларисса, Мери иль Агнесса,
В ночи с Давыдовым повесой
Шампанское вдовы Клико,

И Петербург под утро бледный,
Луна, светящая едва,
И боязливой Тани бедной
Простые девичьи слова,

В гостиных умный Чаадаев
И старомодный Карамзин,
И колокольчики Валдая,
И новый путь, и старый сплин.

Россия Николая. Конский
Суровый храп, тоска, гранит...
В сибирском руднике Волконский.
Рылеев палачом убит.

Бежать, бежать от царской длани
В закрытых комнат синеву,
Под сень дубрав, в рассказы няни
Про королевича Бову.

В Михайловском, где дом запущен,
Мгновенный подавить испуг.
О, радость встречи: это Пуцин,
Надёжный царскосельский друг!

Так жить, отчаясь, в стане вражьем,
Уколов не считать и ран,
Судьба – она повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Иль самовластье. иль тиран.

И в час, когда зарю предвидя,
Осенний свищет ураган,
В степях, где некогда Овидий
Встречал кочующих цыган,

И над страной грозней и суше
Двенадцать бьёт: пора, пора,
И громче всех громов и пушек
Тяжёлые шаги Петра –

Прохладна и неугасима,
Тебе конца и края нет,
Россия, ты неодолима,
Как твой волшебник и поэт,

Прекрасный, мудрый, осиянный,
Познавший жизни глубь и ширь,
И говор птиц, и плеск обманный
Бахчисарайского фонтана,
Весёлый сын царя Салтана.
Непобедимый богатырь!

Пиковая дама

Ах, не злая тоска ли сердечко укусит,
Будет выть, и стонать, и скрепеть без конца:
В эту тёмную ночь отравилась Маруся,
Умерла, умерла, не дождавшись венца.

Там шарманка поёт на щербатой панели,
Там прохожий из пыльного мрака возник,
Николаевской, пышной, тяжёлой шинели
На морозе бобровый блестит воротник.

За любовь погибаю, что может быть проще,
Умираю, зелёным огнём сожжена...
На пустом перекрёстке фонарные мощи,
На глухом перекрёстке гудит тишина.

Ветер мартовский мчится и злобно ревнует,
Разбивает за глыбами глыбу, звеня,
А на площади Всадник во тьму ледяную
Небывалым галопом пускает коня.

И кончается где-то ночная пирушка,
Поднимается белый, назойливый пар,
Из калитки выходят подвыпивший Пушкин
И румяный повеса, Каверин гусар.

В эту ночь роковую убиты три карты,
Три мечты безвозвратно уходят во мрак,
Крепче пунша, сердитая ласковость марта
За небритые щёки хватает гуляк.

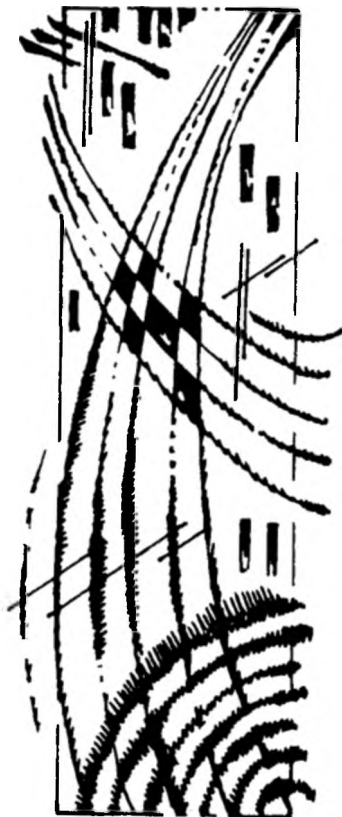
Плачет Лиза у Зимней Канавки, и мнится –
Нету скорби её и сильней, и больней.
Петербургская полночь, как чёрная птица,
Осторожно и чётко кружится над ней.

И седой полумесяц, наивно-печальный,
Успокоить любовников хочет вотще.
Там склоняется в будке унылый квартальный,
Там мелькает прохожий в придворном плаще.

Тень графини и Германн, в ночи бледнолицый,
На зеркальном окне неживого дворца,
Ветер мартовский бьёт и, пугая, боится,
На туманном рассвете страшится конца.

До могилы дойдешь ты стезёй роковою,
Ты, вкусившая первой отрады едва...
Ветер ладожский спорит с широкой Невою.
И в объятьях смертельных пыласт Нева.

*

Говорят по радио и с телеэкрана

О СЛОВЕСНОМ УДАРЕНИИ*

О.А. ЛАПТЕВА.

доктор филологических наук

Отклонения от нормативного ударения касаются, конечно, не только глаголов, о которых мы говорили в предыдущей статье (Русская речь. 1997. № 4), но и других частей речи, и прежде всего – существительных.

* Начало см. Русская речь. 1997. № 4.

Ударение форм существительного

Здесь обращает на себя внимание давно уже наметившаяся тенденция перехода многих часто употребляемых неодносложных слов мужского рода из разряда с неподвижным ударением на корне в разряд с подвижным ударением на окончании в формах множественного числа (в единственном же ударение остается на корне). При этом в именительном множественного на месте старого *-ы, -и* появляется *-а, -я*. У Пушкина было: "И за *учителей* своих / Заздравный кубок поднимает". Далее же форма *учителья* стала господствовать безраздельно, а форма *учители* осталась как устаревшая и обособленная со специальным значением "духовные учителя" (*учители церкви*). Слов с перетяжкой ударения на окончание во множественном числе становится все больше.

Их рождение происходит в профессиональной речи, где эти формы употребляются уже не как варианты, а как единственно возможные. Оттуда они быстро проникают в общелитературную речь как вариант формы с безударным *-ы*, которая в качестве законной хозяйки положения никакой экспансивности и агрессивности не обнаруживает. Новая же форма, напротив, начинает ее активно изгонять из употребления. Для молодого поколения *торта́, директора́, шофера́, госпиталя́, бухгалтеря́, тренера́, контейнера́, в яслях* и под. становятся единственными и поэтому "нормальными". Но нормативными они от этого не становятся (пожалуй, кроме *директора́*). Если бы норма не проявляла своей консервативности и не сопротивлялась возникающим и, как эпидемия, распространяющимся инновациям, литературный язык не смог бы выполнять своей культурной функции и обеспечивать речевую преемственность поколений, которые попросту перестали бы понимать друг друга.

Тем не менее тенденция есть, она набирает силу, и сопротивление ей не может быть бесконечным. Поэтому формы на *-а* расслаиваются: в каких-то словах они остаются профессионализмами, в других – просторечными образованиями, а вот в третьих – медленно, но все-таки становятся нормой. Причем, с определенностью провести границы между этими группами далеко не всегда возможно: процесс живой, он связан с вкусовыми предпочтениями разных возрастных, профессиональных и социальных слоев общества.

Таков лингвистический фон, на котором нам предстоит проследить поведение этих форм сначала в неодносложных, а затем в односложных словах мужского рода в телевизионной и радио-речи.

Н е о д н о с л о ж н ы е: Это что касается специальных *госпиталей*

(ОРТ. Время. Игорь Выхохолев); офицеров, умерших от ран в московских *госпиталях* (Рос. университеты; ведущий); в *госпиталях* (Радио России; беседа с врачом); вообще для ветеранов войны хорошие *госпиталя́* (из разговорной речи); слова, начертанные на гербе *бухгалтеров* (РТР. Вести; корреспондент); при наличии *клубней*, традиционными *клубня́ми* (Радио России. Домашняя академия; агроном); общий уровень подготовки *инспекторов* ГАИ (РТР. Вести о спорте); Станем *хозяйева́ми* своей жизни (Радио России; предвыборное выступление Святослава Федорова); *Тренера́* знают свое дело (Рос. университеты. Домашние питомцы); Без перерывов работают только *снайпера́* (НТВ. Итоги; корреспондент); *хронометражом* всего в 12 документальных сюжетов (ОРТ. Время; корреспондент из Парижа); Фильм дублирован работниками отдела *дубляжа́* (РТР; голос за кадром после показа фильма); Ближе к ним на Индигирке с удивительным постоянством дуют северные *ветра́* (РТР. Хабаровская студия; док. фильм); Одна из организаций принесла пирожные, *торты́* и конфеты (Моск. телетайп; корреспондент).

Отношение нормы к этим случаям неодинаковое. Если *хозяйева́* считается грубо просторечной формой, недопустимой в литературной речи, то в формах *госпиталях* и *инспекторов* допускаются оба ударения, хотя всё же предпочтительнее корневое (в скобках заметим, что должно быть не *умерших*, а *умёрших*). Надо говорить *клубней* и *на гербе́ бухгалте́ров*.

Сейчас часто звучит *севера́, на севера́х*, получившее значение не направления, а территории. Слышится и *юга́*, но с явным оттенком иронии. В литературный язык это, конечно, не вошло. *Тренера́* и *снайпера́* нормой не разрешаются. Формы род. пад. ед. ч. *дубляжа́* и *хронометража́* оцениваются по-разному: в первой конечное ударение допускается как профессиональное, хотя и не литературное, во второй возможно только ударение на корне, а вот в форме *тренажа́* допускается оба ударения. Различие нормативных оценок объясняется неустоявшимся характером явления. Должно быть *торты́*, хотя можно услышать не только *торты́*, но и *торта́*.

В профессиональной речи встречаются и совсем неожиданные формы. Вот как прозвучало, например, интервью работника ипподрома в передаче "Большое времечко": Ипподром существует 60 лет, и никогда никому не приходило в голову уволить *тренеров* с работы; Это наездники, *конюха́* (в интервью другого работника ипподрома). Последнее ударение удивит, наверное, даже тех молодых людей, которые уже повсеместно употребляют *-а*. А вот ударение *ветрами́* (ср. у Анны Собко по МТК: с устойчивыми северными *ветрами́*) допускается, форма же *ветра́* им. мн. считается поэтической, что сейчас вряд ли справедливо.

Отдельно надо сказать о словах *ясли* и *деньги*, которые употребляются только во множественном числе. В первом из них в косвенных падежах конечное ударение считается неправильным – допускается только в *яслях*, а вот во втором, наоборот, норма его признает основным (в *деньгах*), а ударение на корне, которым славится Малый театр, считает допустимым, устаревшим. Между тем не только ребенок находится в *яслях* (сейчас из уст молодых родителей можно услышать только такое ударение), но и в рождественской передаче слышим: церковь, построенная на месте хлева, в *яслях* которого появился на свет сын Божий (2 × 2. Новости, ведущая Оксана Подрига), что, конечно, неверно и создает совсем не тот настрой. Ударение же *деньгами*, освященное авторитетом Малого театра, охотно употребляют наши говорящие публично интеллигенты: Все спешат попасть в процветающую Европу с ее новыми *деньгами* – евро (НТВ. Сегодня вечером; корр. Владимир Кондратьев; там же: *деньгами*, сказала Татьяна Миткова); Не в *деньгах* счастье (Из выступления Александра Лившица в Думе).

О д н о с л о ж н ы е: серия атмосферных *фронтов* (Радио России. Людм. Паршина); Очередной циклон и его теплые *фронты* принесут потепление (РТР. Станислав Кобашев); Волна холода с атмосферными *фронтами* докатится и до южных районов (МТК. Юлия Иванова); Но она же: атмосферные *фронты*; в центральных *штабах* (НТВ. Сегодня; Мих. Осокин); За учениями наблюдали руководители генеральных *штабов* 15-ти стран (НТВ. Сегодня; обозреватель); будут созданы забастовочные *штабы* (Нов. 2 × 2; вед. Оксана Подрига); региональные *штабы* (Вести; Владислав Флярковский); *аэропорт* (ОРТ. Время; выступление военного); *аэропорт*, *аэропортов* (из разговорной речи); Суть дела в том, что они получают *аэропорты* (НТВ. Сегодня вечером; интервью Станислава Говорухина о выводе всех войск из Чечни); Внимание! Компания "Новый мир" объявляет внутреннюю лотерею *суперпризов*! (Радио России; реклама); Завтра вручение *призов* и награды российской коллекции (НТВ. Намедни; Леонид Парфенов); Сегодня в Думе журналистов состоялось ежегодное вручение *призов* – журналистской премии "Гонг" (НТВ. Герой дня; вед. Леонид Парфенов); доминирование в Черном море *флотов* других стран (РТР. Вести; корреспондент); он пролежал на *складах* (РТР. Вести; корреспондент); Куда девать *склады*? (НТВ. Сегодня, интервью военного инженера); Но ведь вы же водитель, сами платите *штрафы* (НТВ. Герой дня; Аркадий Вольский); *борты* (в значении "самолеты", "вертолеты" – так обычно произносят не только военные, но и корреспонденты).

Тенденция явственная: как и в односложных существительных, перевести односложные существительные мужского рода этого типа с неподвижным ударением на корне в подвижную парадигму. Отчасти

эта тенденция уже успела преобразовать к нашему времени норму, которая признает формы *призѡв, фронтѣ, -ѡв, штабѣ, бортѣ* основными, *флотѣ* – допустимой при основной форме *флѡты; фрѡнты* не рекомендует как устаревшую форму; *штѡбѣ* признает равноправным вариантом. Такой разнобой не очень понятен, но отражает современное колебательное состояние.

Говорящему остается научиться распознавать **грубо неправильные** ударения, а это *складѣ, -ѡх, штрафѣ, аэропортѣ*, род. ед. *аэропортѣ*. Две последние формы, кажется, полностью захватили молодое поколение. И если возникает новое слово, оно изменяется по модели подвижного ударения: становящегося *хитѡм* (НТВ. Сегодня вечером; корреспондент); Это странное сочетание *хитѣ* и сказки очень важно (НТВ. Намедни; Григорий Горин).

Видимо, колебания и стремление к конечному ударению породили и обратную волну – к корневому ударению в словах с подвижным типом. Языковое сознание (парадокс: неосознанное, конечно) стремится тем или иным способом восстановить утрачиваемое равновесие, и получается, кроме уже отмеченного неверного *суперпризѡв* (не под воздействием ли *сюрпризѡв?*), следующее: Какого *хрѣна* вам, нищим комедиантам, ломать себе жизнь ради его биографии? (фильм "Сукины дети"); На помощь охранникам были доставлены солдаты конвойного *полка* (НТВ. Сегодня вечером; корреспондент); он является *плодом* коллективного творчества (НТВ. Итоги; корр. Евг. Ревенко); строгое соблюдение *пѡста* (РТР. Новости; корреспондент); на глубину *штыка* лопаты (из разговорной речи, говорит ветеран войны); с рождественским *гусѣм* (МТК. Деловая Москва; ведущий); рождественского *гусѣ* (реклама).

Хрѣна надо произносить, если речь идет о растении, а в просторечном выражении – *ни хрѣнѣ*. Только: *полкѣ, плодом, постѣ, штыкѣ*, но – *гусѣ* и можно: *гусѣ*. Сюда же относится и замеченное уже на *гѣрбѣ*. Надо: *на гѣрбѣ*.

Все эти и другие колебания в ударении, к которым мы сейчас перейдем, объясняются не только обозначенными тенденциями, но и небывалым расширением круга публично говорящих людей – выходцев из разных мест России, где ударения в формах слов ставятся в соответствии не с литературной, а с местной диалектной нормой. Речевые привычки очень устойчивы и не могут измениться сразу и только потому, что человек волею обстоятельств оказался перед камерой или микрофоном.

Есть три употребительных существительных мужского рода, где ударение колеблется между корнем и приставкой. Это *отзѣв, созѣв, изыск*. Колебание происходит на фоне отмеченной в первой статье тенденции к переносу ударения на приставку в глаголах. Сюда же

можно отнести *договор* и *приговор*. Вот что прозвучало в эфире: Встал вопрос о *созыве* собрания акционеров для рассмотрения вопроса о соблюдении положения о распределении доходов (Радио России. Экономическое обозрение; обозреватель); набрав необходимое число голосов для *созыва* Думы (НТВ. Сегодня; Татьяна Миткова); закон допускает *отзыв* депутатов из списка (она же); зам. председателя высказался против *отзыва* российских миротворческих сил из региона (РТР. Вести; ведущий Александр Сапожников); причиной *отзыва* приглашения послужили оскорбительные высказывания Павла Грачева в адрес Сергея Ковалева и Сергея Юшенкова (2 × 2. Новости; ведущий); несмотря на кулинарные *изыски* (2 × 2. Новости; ведущий).

Должно быть: *созыв*, *отзыв* (*отзыв* – это рецензия, отклик, мнение), *изыск*.

Интересно, что в речи Д.С. Лихачева прозвучало одновременно: Вот почему нужно бороться со смертными *приговорами*; смертный *приговор* (в его юбилейном выступлении). А вот допускаемое нормой *договор* сейчас не звучит – все говорят *договор* согласно норме.

Вот еще два приставочных отглагольных существительных: эксклюзивное право на промышленный *рбзлив* этой воды (МТК. Деловая Москва; корреспондент); *газопровод* (НТВ. Итоги; интервью А. Тулева); *газопровода* (НТВ. Итоги; корреспондент). Надо: *рбзлив*, *газопровод*.

Иногда ударение с корня стремится перейти на суффикс: *страховщи́ки* (МТК. Моск. телетайп; начальник страховой компании); может быть, техника сейчас более атлетична, и она не оставляет возможности блистать такой *танцовщи́це*, как Уланова? (РТР. Зеркало; Ник. Сванидзе); Владимир Максимов – это уникальный *танцовщи́к* (там же; артист Владимир Зельдин); *танцовщи́ца* (Эльдар Рязанов в передаче "Княжеские посиделки"); союз российских *страховщи́ков* (Радио России. Новости; ведущая Евгения Кондратьева). Между тем норма – *танцовщи́к*, *танцовщи́ца*, *страховщи́к*, а употребленные ударения не рекомендуются и могут оправдаться лишь профессиональным характером речи.

Теперь посмотрим на заимствованные слова: После этого будет найдена какая-то *каучуковая* формулировка (НТВ. Итоги; ведущий Игорь Бунин); Чем он болел? Говорят, что *инсульт* был. Потом с зубами, с другими *недугами* (НТВ. Итоги; Вл. Семичастный о Л.И. Брежнев); над которым работали не только *эксперты* России и Белоруссии, но Украины и Казахстана (ОРТ. Время; корреспондент); *истеблещимента* (НТВ. Итоги; комментатор); *револьвер* (Галина Шергова); *фэйерверк* (Радио России; реклама); Сидел там *танер*, то есть пианист (РТР. Бесконечное путешествие; рассказ человека о своей жизни); Еще один труднообъяснимый *феномен* вызвал сомнение в Дагестане (ОРТ.

Время; Игорь Гмыза); Свой бум переживают фирмы, торгующие по *каталогу* (Время, корр. Серг. Горячев).

Должно быть: *каучуковый, инсульт* (и только – *недугами*), *эксперты, истеблишмента, револьвер, фейерверк, тапёр, феномен, каталогу*. И – *диспансёр*, хотя ведущая Новостей по Радио России Елена Денисова произнесла *диспансер*.

И в заключение обзора существительных мужского рода отметим ударение в отдельных словах: люди, знающие несколько *языков* (Радио России. Семейный альбом; говорит 75-летний потомственный интеллигент); *недоимки* по заработной плате (РТР. Вести; интервью депутата Госдумы); *завсегдатаи* митингов рассказывают (НТВ. Сегодня вечером; корр. Евг. Ревенко); *послάνцы* учителей (РТР. Вести; корреспондент); семья *Лебедей* или *Лебедей*, уж не знаю как поставить ударение (НТВ. Герой дня; Павел Лобков разговаривает с Алексеем Лебедем); Некоторые люди считают, что разорвалась наша дружба с *українцями*. Я же считаю, была дружба и есть (Радио России. От первого лица; говорит ветеран войны); обучать *азам* военной науки (Б.Н. Ельцин в Чечне); это больше связано с рабочим днем, чем с *досугом* (Радио России. Би-Би-Си; говорит профессор Оксфорда, бывший русский).

Здесь собраны разные случаи; назовем без комментариев правильные формы: *языков, недоимки, завсегдатаи* (и *ходатаи, глашатаи*), *послάνцы, лебедей и Лебедей, украинцями, азам, досугом* (*досуг* грубо неправильно и просторечно).

Теперь обратимся к словам женского рода. Многие двусложные слова на *-á* издавна принадлежали к словам с разноместным ударением (подвижному типу). Среди косвенных падежей выделялся винительный ед. ч., в котором в ряде случаев возможно было и конечное ударение, и ударение на первом слоге.

Посмотрим, как употребляются эти слова сейчас: С этого дня можно с уверенностью сказать, что весна *зиму* поборола (Светлана Прошлецова о погоде); дважды войти в одну и ту же *реку* (ОРТ. Время; Оксана Полонская о спорте. Ср. у Крылова: и шуку бросили в *реку*); В Калининграде спущен *на воду* корабль "Адмирал Чебаненко" (Новости; вед. Александра Буратаева); Я знаю цену своим действиям (Подробности; интервью В.С. Черномырдина); двигались к *стенам* Кремля (ОРТ. Время; вед. Игорь Гмыза); Горожане подожгли город, а сами укрылись за *стенами* собора (РТР. Река времени; вед. Дм. Захаров); А чем отличается эротика от порнографии, если брать не *стрóку* закона, а *стрóку* художника? (ОРТ. Тема; вед. Ю. Гусман. Ср.: каждое лыко в *стрóку*); Почему Сталин при всей своей ревности *руки* на Жукова не *пóднял*? (НТВ. Герой дня; Е. Киселев); Хотя, направляя свои *стóпы* в Европу, Украина политических трибун не обходит (ОРТ. Время; корр. из Киева Наталья Кондратюк); под *стреху*, в тепло (фильм "Барышня-

крестьянка"); *швей* (РТР. Вести; корреспондент); *пáства, пáстве* (ОРТ. Время; Нелли Петкова); Здесь надо воспользоваться еще и *фольгóй*. Вы увидите, где эта *фольгá* наклеена (Радио России. Домашняя академия; ведущий). Здесь же отметим существительное мужского рода: сутры, которые читают *ламы́* (2 × 2. Новости; корреспондент).

Здесь правильно употреблены формы *зиму́, реку́* (*реку́* – тоже нормативный вариант) *на́ воду, швей* (под *стреху́*), *пáства, пáстве, фольгá, фольгóй* (допускается устаревшее *фóльга, фóльгой*). Неправильно – *цену́* (надо *це́ну*), к *стена́м*, за *стена́ми* (здесь различие в значении: в *стена́х* означает "в помещении", а в наших примерах слово употреблено в прямом значении и должно звучать к *сте́нам*, за *сте́нами*, хотя ударение на окончании может быть принято как устаревшее), *руки* (в род. пад. должно быть *рукí*, в вин. – *руку́*), *сто́пы* (есть два слова *стопа́*, различающиеся ударением в некоторых формах: 1. "часть ноги" 2. "стихотворная стопа; куча; сосуд"; здесь должно быть *сто́пы*), *стро́ку* (надо *стро́ку*), *ламы́* (надо *ла́мы*). Картина пестрая, но такова норма, сложившаяся исторически. Какой-либо тенденции к единообразию здесь заметить не удается.

Здесь же отметим слово *бита*, в котором допустимы оба ударения (– Пшел вон, – крикнул я ему, грозя *битой*. Радио России; артист Лев Шабалин читает рассказ Ю. Нагибина "Машинистка живет на шестом этаже" и далее: швырнул *битой*), и слово среднего рода *утро* (не позже *утра́* 19-го июня, – произносит корреспондент "Известий" А. Степовой в передаче "Сегодня"; здесь надо *утра*, а с предлогами – *до утра́, с утра́, к утра́*).

Трудны ударения в формах слов *дверь, сеть, цепь, треть, напасть, отрасль, мощность*. Вот, что мы часто слышим: ногами к *двери́* (фильм "Смерть Маяковского"; говорит Вероника Витольдовна Полонская); единой общегородской *сети́* (Радио России; ведущий Дм. Великанов и далее – *сетей*); речь идет о новой *цепи́* терактов (РТР. Вести; Св. Сорокина. Ср.: сорвался с *цепи́*); Сегодня в Грозный вернулось более двух *третей* беженцев (ОРТ. Время; корреспондент); Это была первая *напасть* (2 × 2. Новости; интервью А.И. Лебеда); в *отраслях* (Радио России. Новости; корреспондент); Программа нацелена на переориентирование высвобождаемых *мощностей* (Радио России. Новости); Официальная версия отказа – не хватает полиграфических *мощностей* (РТР. Вести). Здесь же отметим слово *неприятнь*: не страдало из-за моего негативного отношения, из-за моей *неприятни́* (Радио России. От 1-го лица); *неприятнь* (НТВ. Герой дня; говорит старый маршал);

Должно быть: к *двери́, на двери́, сети́ и сетí*, но только *сетей, цепи́, третей, напасть* (как в форме инфинитива), в *отраслях* и допускается в *отраслях, отраслèй*, но только – *мощностей*. И, конечно, только – *неприятнь*.

Теперь отметим трудности ударения в отдельных словоформах: дети-*сироты*, – произнес ведущий передачи "Сиди и смотри" по РТР; *сирота* – сказала прекрасная старая актриса Э.Ю. Урусова, происходящая из княжеской семьи, в передаче "И счастлива печальной судьбою..."; *нефтедобыча* – произнес В.С. Черномырдин в своем выступлении в Останкине; А в Москве продолжается череда *похорон* (ОРТ. Время); волею *судеб* (Радио России. Новости. Евг. Кондратьева); *булавами* – сказал жонглер в фильме "Фокусник"; Москва прощалась со святыми *моцями* целителя Пантелеймона, – информировала ведущая в Новостях ОРТ, а корреспондент добавил: пришли попрощаться с *моцями* святого Пантелеймона; Россия встала твердо в свою *колью* (НТВ. Сегодня; интервью Э. Росселя); неопалимая *купина* (мультфильм); *правнучка* – звучит по разным программам и в разных передачах из Москвы и Санкт-Петербурга (хотя Д.С. Лихачев произнес *правнучка*: моей внучке и правнучке).

Должно быть: только *сироты*, только *нефтедобыча* (*добыча* – профессионализм шахтёров и нефтяников), лучше *похорон*, *судеб* в свободном употреблении слова, а в устаревшем, поэтическом и сочетании *волею судеб* – на втором слоге (ср.: И всюду страсти роковые / И от судеб защиты нет), только *булава*, *булавы*, *була́в*, *булава́ми*, только *моцци*, а во всех косвенных падежах ударение на окончании (*моццями*), *колеб*, *купина* (а мы все говорим *купина* – может быть, по аналогии с *рябина*?), *правнучка*. В двух попутно отмеченных, но не выделенных словах должно быть *счастлива*; *счастлива* допускается, а имя Пантелеймон существует в двух вариантах: русском – *Пантелеймон* и греческом по происхождению *Пантелеймон*.

В словах *полоса*, *сторона*, *община*, *выжига* слышим: Либерально-демократическая партия выиграла благодаря тому, что она в свое внимание *брала* не только экономическую *сторону*, но и *сторону* социальную (Радио России. От 1-го лица; политик); *Сторона́м* предстоит решить ряд вопросов (Радио России. Новости; Леонид Осипов); обмен пленными не состоялся из-за невыполнения *сторонами* условий договора (НТВ. Сегодня; корреспондент); русских *общин* (НТВ. Сегодня; комментатор Мих. Бергер); о закрытии российской *общины* Севастополя (ОРТ; Нелли Петкова и НТВ; Татьяна Миткова); А почему он должен уступать этой *выжиге*? (артист Лев Шабалин читает рассказ Юрия Нагибина "Машинистка живет на шестом этаже").

Должно быть: только *брала́* (*брала* – грубо просторечно), *сторону*, *сторона́м*, *сторона́ми*, по обе (на все четыре) *сторони́* и *стороны́*, *община́* и *община*, но только – *палата общин*, *выжига* (м. и ж. род.).

И в заключение – о группе заимствованных слов на *-рия*. Среди всей массы этих слов в русском языке преобладают формы с корневым ударением. Может быть, под их влиянием слова этого ряда, допуска-

ющие варианты ударения (на корне и/или на *-ия*), стремятся к корневому: *пиццёрия* (ТВ-6. Нью-Йорк, Нью-Йорк; вед. Александр Гордон); *мимикрия* (В мире животных; говорит биолог); *кули́нария* (2 × 2. Новости); Мы, ювелиры, привыкли к *симме́трии* (фильм "Приключения принца Флоризеля"); Эта *фе́рия* знакома зрителям многих поколений (2 × 2. Новости. Вед. Милена Симонова).

Согласно норме, *симме́трия* и *симметрия* – равноценные варианты, *кулина́рия* – основной вариант при допустимом *кулина́рия*, *пиццерия* как слово совсем новое не успела обзавестись нормативными рекомендациями, а в словах *мимикрия* и *фе́рия* рекомендуются разные варианты (мы их обозначили, возможные же необозначенные не рекомендуются).

Из слов среднего рода отметим: *наме́рение* (НТВ. Герой дня; говорит Аркадий Вольский); Они обратились в Госдуму с *ходата́йством* (РТР. С Новым 1997 годом! Костюмированное музыкальное представление); *сосредото́чение* (Радио России. Новости); *обнару́жения* черного ящика самолета (Радио России. Новости; Л. Осипов); Аслан Масхадов высказал *соболе́знование* (Радио России. Новости; Евг. Кондратьева); *средствá* (часто слышится в интервью).

Должно быть: только *наме́рение*, *сосредото́чение*, *соболе́знование*, *средствá*, *ходата́йство* (ср. выше о словах на *-тай*); равноправны формы *обнару́жение* и *обнаруже́ние*. Грубо неправильно и просторечно: *средствá*, *наме́рение*, *ходата́йство*. *Обеспече́ние* допускает оба варианта ударения, на корне – предпочтительнее.

Ударение форм прилагательного

Здесь обращаем внимание на случаи: для дальнейшей *антиимперской* работы (НТВ. Сегодня вечером; корр. из Киева); Он такой *норови́стый* (Радио России. От 1-го лица; журналистка из Курска о новогоднем бычке); *характе́рный* звук (НТВ. "Дела смешные. Дела семейные"; герой Спартака Мишулина); Там какие-то проценты они *ми́зерные* установили (НТВ. Сегодня вечером; корреспондент); Это крупнейший *порто́вый* комплекс (ОРТ. Время; корреспондент); Они относятся к одной *языко́вой* семье (Радио России. От 1-го лица; политобозреватель Георгий Войцеховский); *языко́вые* противоречия (он же); *запа́сный* выход (стюардесса в самолете); *все́нощное* бдение (Радио России. Новости. Сердар Абликулиев); *уста́вного* капитала (Радио России. Начало); и короткой *жерёбко́вой* жакетке (Радио России; артист читает рассказ Ю. Нагибина); *вало́вого* внутреннего продукта (Радио России. От 1-го лица; говорит профессор); *kozýрную* карту (фильм "Криминальная Россия"; голос за кадром); *Призы́вная* повестка на военную службу (фильм "Все решается в среду"; перевод); создание

переходного правительства (РТР. Вести); не имеющие *очистной* системы (РТР. Вести); *судового* механика (РТР. Вести); *августовский* кризис (РТР. Вести) отправил ему программу с *на́рочным* прямо в руки (НТВ. Герой дня; говорит Г.А. Явлинский); *митрополи́чы* басы (фильм "За двумя зайцами"); пошто вы не дочь *коню́шего* (Радио России; пьеса И.А. Крылова); отработать структуры на *переходной* период (РТР); граничащие с *площа́дной* бранью оскорбления (НТВ. Сегодня); верные, адекватные, *сообразные* ситуации (РТР. "Деловая Россия"; интервью. Ив. Рыбкина); получает *валовую* прибыль ("Всемирная география"; голос за кадром).

Должно быть: *импе́рский, норови́стый, характе́рный* (*характе́рный* – только о связанном с человеческим характером); *мизе́рный* и допускается *мизе́рный, языковой* (*языко́вый* – только связанный с языком во рту), *запасной* и *запа́сный, все́ночное, уста́вный, жеребко́вый, валовой, козырной* и допускается устаревшее *козырный, призывной* возраст (но *призывный* клич), *переходный* (*переходной* только от глагола *переходить* на что-л. с конкретным значением), *очистной* и *очи́стный, судово́й, августовский* и допускается *августовский, на́рочный*, только *митрополи́чы, коню́ший, площа́дной, сообразный*.

Особенно грустно, когда молодые журналисты не знают известных географических названий: *Трубниковский* переулок (реклама, голос за кадром); лайнера, который летел из подмосковного *Ра́менского* (НТВ. Сегодня вечером, Татьяна Миткова); подмосковное *Кали́стово* (НТВ. Сегодня вечером; корреспондент). То же и с существительными: Москва, *Па́лиха*, 14 (реклама); Памятник установлен в подмосковном селе *Тайни́нка* (ОРТ. Время; Иг. Гмыза); *Бала́шиха*. А на самом деле это *Трубниковский* переулок, *Ра́менское, Кали́стово, Па́лиха, Тайни́нка, Бала́шиха*.

Краткие формы: Это странное сочетание хита́ и сказки очень *важно́* (НТВ. Намедни; Григорий Горин); *Важна́* не победа, а *ва́жно* участие ("Театр + ТВ"; ведущий); Так *молодо́* вы выглядите (Радио России. От 1-го лица; корреспондент); общественное мнение *скло́нно* преувеличивать степень недоверия президенту (НТВ. Итоги; Евг. Киселев); *скло́нны* (Ив. Рыбкин); у страха глаза *вели́ки* (фильм "Золотая мина"); *нерове́н* час (Радио России. От 1-го лица; гл. ред. ж-ла "Шахматы" Александр Рошаль).

Здесь почти все верно, надо: *важна́, ва́жно, молодо́, скло́нны, скло́нна* и *вели́кий, нерове́н* (но бывает: *нерове́н час*).

Ударение в наречиях

А Приднестровье Семенов называл *исконно* русской землей (НТВ. Сегодня; М. Осокин); *отчасти* (Т. Дьяченко в док. фильме "Просто

Наина"); *Поёлику* в России Новый Год встречают по-разному, перестать дурить людям голову и считать Новый Год с 1 января (Радио России. Домашняя академия; ведущий читает указ Петра I); Число 7 *искони* в России считалось волшебным, символическим (МТК. "Вместе с Павлом Гореловым"); несмотря на то, что она, очевидно, возникла как-то *исподволь* (НТВ. Сегодня вечером; корреспондент); Обе стороны *равно* заинтересованы в качестве товара (Радио России. Клуб потребителей); Я очень давно искренне и *глубоко* люблю Войновича (ОРТ. "Премия Триумф"; говорит писатель); Там продаются сапфиры всех расцветок – от *иссиня*-черного до белого (реклама); от темно-голубого до *иссиня*-темного (реклама).

Должно быть: *исконно, исконй, отчасти, поелику, исподволь, равно, глубоко* и допускается *глубоко*, только *иссиня*- (ср. ряд *издавна, изредка, сызнова, истари, издали*, – ударение везде на приставке). Грубо неправильно и просторечно – *отчасти, поёлику, иссиня-, искони*.

Из этого обзора видно, что словесное ударение – область особая. Она – как лакмусовая бумажка речевой культуры. Нормативные рекомендации здесь особенно строги. Неверное ударение не оправдывается ни разговорностью речи, ни ее экспрессивностью, ни ее территориальной принадлежностью. Расшатывание нормы в употреблении и складывание определенных тенденций происходит и здесь, но пока все это остается за пределами литературного языка.

Нашествие нелитературных ударений уже было в 20-е–30-е годы, когда в город из деревни устремилась огромная масса людей. Тогда на каждом шагу звучало *портфель, процент, доцент, магазин*. Где это все сейчас? Отпало, как шелуха. Литературный язык несокрушим.

Гуманитарный
или
гуманный?

ЭР. ХАН-ПИРА,
кандидат филологических наук

С начала семидесятых годов в русской газетной и радиотелевизионной речи начало мелькать слово *гуманитарный* в сочетании с существительными, ранее с этим прилагательным не соединявшимися: *гуманитарное сотрудничество, гуманитарное право, гуманитарная помощь*.

Необычность этих словосочетаний для носителей русского языка объяснялась тем, что до той поры *гуманитарный* означало "относящийся к циклу наук о человеке и культуре (в противоположность наукам о природе)", как пояснял Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова и иллюстрировал примерами: *гуманитарное образование, гуманитарные науки*. В четырехтомном Словаре русского языка, 2-е исправленное и дополненное издание которого вышло в самом начале 80-х годов, отмечены два значения этого слова: "относящийся к общественным наукам, изучающим человека и его культуру" и (с пометой "устарелое") "то же, что гуманный". Словарь, видимо, не посчитал вошедшим в русский язык новое словоупотребление. А между

тем оно все активнее использовалось в газетных и радиотелевизионных текстах, когда заходила речь о растянувшейся на несколько лет работе Совещания по обеспечению безопасности и сотрудничества в Европе или когда сообщалось о мерах, предпринимаемых мировым сообществом в защиту прав и свобод человека в той или иной стране. Слово *гуманитарный* явно употреблялось в новом значении, позволявшем этому прилагательному сочетаться с такими словами, с которыми оно ранее не сочеталось.

Видимо, до семидесятых годов это употребление слова *гуманитарный* не было свойственно и французской, и английской речи. Во всяком случае, словари этих языков, изданные до того времени, такого значения не отмечают.

В русской лексикографии первым словарем, отметившим у этого слова новое значение, возникшее в речи дипломатов, в кругах ООН и ее специализированных организаций (ЮНЕСКО, МОТ и др.), был Словарь новых слов и значений (М., 1984). К сожалению, там слово *гуманитарный*, хоть и отмеченное звездочкой (знак нового значения известного слова), толкуется, по-моему, неудовлетворительно: "Относящийся к человеческому обществу, к человеку и его культуре". В таком толковании новое значение мало чем отличается от прежнего. Выручают приведенные здесь же примеры: "...будут обесуждены гуманитарные аспекты кипрского кризиса. Сюда входят вопросы улучшения положения беженцев, поиски пропавших без вести и т.п."; "Значительное продвижение вперед можно отметить в гуманитарных областях, в том числе по таким разделам, как контакты между людьми и обмен информацией". Выручает и толкование термина *гуманитарное право*: "нормы международного права, направленные на защиту прав и свобод человека".

Словарь иностранных слов (1989) поясняет *гуманитарный*, отделяя прежнее значение от нового точкой с запятой: "относящийся к человеку и его культуре; обращенный к человеческой личности, к правам и интересам человека; г у м а н и т а р н ы е   н а у к и...; г у м а н и т а р н о е   п р а в о — юр. нормы международного права, направленные на защиту прав и свобод человека". То же самое и в Современном словаре иностранных слов (1992). Словарь русского языка С.И. Ожегова (1990) выделяет два значения: "1. Обращенный к человеческой личности, к правам и интересам человека. *Гуманитарные проблемы*. 2. О науках: относящийся к изучению общества, культуры и истории народа... *Гуманитарное образование*". Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992) добавляет к иллюстрации первого значения: "*Гуманитарная помощь* (бескорыстная помощь нуждающимся)".

Во 2-м издании Словаря современного русского литературного языка

(т. III, 1992) новое значение рассматривается не как самостоятельное, а как оттенок прежнего и толкуется так: "Связанный с правами и интересами человека, обращенный к человеческой личности. *Гуманитарная помощь. Сотрудничество в гуманитарной сфере*". Вряд ли отказ в самостоятельности верен.

Итак, словари подтверждают: *гуманитарный* в новом значении – факт уже не речи, а языка. Однако не все носители языка смирились с этим. Им кажется, что в этом значении вполне могло бы выступать другое прилагательное – *гуманный*. Но как тогда быть с термином международного права – *гуманитарное право*? Оно, это право, конечно, гуманно, порождено гуманным отношением к человеку, но в терминоэлементе *гуманитарный* присутствует указание на сферу действия этого права, область регламентации правоотношений (ср. *морское право, воздушное право*), чего нет в слове *гуманный*.

В книге "Политология: Энциклопедический словарь" (М., 1993) гуманитарное сотрудничество квалифицируется как "одно из центральных направлений в современной системе международных отношений". И здесь нельзя заменить *гуманитарное* *гуманным*: исчезнет указание на область сотрудничества.

Можно сказать *гуманитарная проблема в зоне конфликта*, но нельзя сказать *гуманная проблема в зоне конфликта*. Можно сказать *гуманное отношение к ближнему*, но нельзя *гуманитарное отношение к ближнему*. *Гуманитарный* (в обоих нынешних значениях) и *гуманный* – слова-паронимы (ср. *зрительный зал, нерв и зрительский интерес*).

Слово *гуманитарный*, давно вошедшее в русский язык, получило новое значение посредством семантического калькирования (ср. историю слова *трогательный* в начале XIX в. и слова *крутой* в наше время).

Милый, дорогой, любимый...

И.Б. ЛЕВОНТИНА,

кандидат филологических наук

"Язык любви" – очень важная, хотя по соображениям деликатности нечасто исследуемая лингвистами часть языка. В числе прочих речевых навыков человек осваивает то или иное количество ласкательных обращений. На русском Севере мне довелось видеть, как во время свадебного обряда жених должен был, поднимаясь по лестнице и входя в дом, сопровождать каждый шаг новым обращением, адресованным невесте. Надо, впрочем, сразу оговориться, что большинство обращений, о которых пойдет речь в статье, пригодны для выражения не только "страсти нежной", но и других видов любви – дружеской, родительской и т.д.

"Ласкательные обращения" типа *милый, любимая* употребляются в трех синтаксических позициях. Во-первых, они могут выступать в роли чистых обращений, входя в то или иное высказывание, как в стихотворении Б. Пастернака: "Любимая, жуть! Когда любит поэт..." или в песне Ю. Визбора: "Милая моя, солнышко лесное!/ Где, в каких краях/ Встретимся с тобою?". Во-вторых, они могут употребляться сами по себе в качестве отдельного высказывания, просто чтобы дать выход любви и нежности: *милая, дорогая, хорошая!* Так, у Чехова в "Вишневом саде" есть реплика Пети Трофимова: "Трофимов (в умилении): Солнышко, мое! Весна моя!". И, наконец, такие слова могут быть сказуемыми в предложениях типа *ты мой дорогой!* – сами эти предложения обычно не столько сообщают что-либо, сколько выражают нахлынувшее чувство.

Может показаться, что "ласкательные обращения" как таковые малосодержательны, что все зависит от того, какое чувство вкладывает в них говорящий, как, когда, с какой интонацией он их произносит. Многие из них, например, *дорогой* и *милая*, легко утрачивают интимный характер и употребляются по отношению к малознакомым людям, что, правда, иной раз вызывает их раздражение. Например, героиня рассказа Ю. Нагибина "Чужая" услышала в обращении *милая* скорее отчужденность и антипатию и даже иронически поинтересовалась: "Я вам действительно так мила?" А слово *милочка* в современном языке вряд ли вообще может быть использовано для выражения подлинной нежности.

И все же, хотя значение слов любви "темно иль ничтожно", можно заметить, что в основе подавляющего большинства ласкательных обращений, причем не только в русском языке, лежат три идеи. Часть из них прямо указывает на соответствующее чувство: *любимый, желанная, любовь моя, радость моя, счастье мое, ненаглядная* и т.п. Ср. также диалектное *ждана*.

Другие основаны на идее ценности и уникальности объекта чувства: *дорогой, единственная, бесценный, золотой, сокровище мое, золотице*. Вспомним также замечательное лесковское *Яхонт ты мой брильянтовый!*

И, наконец, многие слова указывают на приятность, симпатичность объекта чувства. Это не только слова типа *хорошая* или *сладкий* (ср. также английские *honey* и *sweet heart*), но и множество более изысканных определений. Эта идея, кроме того, очень часто выражается через сравнение с разными симпатичными существами или предметами (отсюда всевозможные *зайки* и *киски*). С этим же, видимо, связана распространенность в разных языках ласкательных обращений типа *малыш, маленький, детка* и т.п. (конечно, прежде всего по отношению к женщинам).

Вообще, здесь простор для фантазии наибольший, и список обращений этой группы был бы бесконечным. Так, В.В. Виноградов в одной из своих работ цитирует слова И.Г. Прыжова о Петре Устюжском: *Петруша любит "молодых горничных, которых называет вербочками, малиновками, пеночками, кинареечками, лапушками"*. Некоторые из таких слов, например *голубчик* или *лапочка*, уже практически утратили связь с тем образом, который когда-то лежал в их основе.

Во многих случаях разные идеи совмещаются. Так, в обращении *солнышко* можно усмотреть ссылку как на приятность, так и на уникальность. В обращениях *душа моя* или *сердце мое* сочетаются идеи ценности и любви. А в слове *милый* мерцают два разных смысла: *милый* – это то ли тот, кто хорош, то ли тот, кто нравится.

Однако среди русских ласкательных обращений есть одно, которое стоит особняком. Это одно из главных и, несомненно, наиболее своеобразное русское обращение – *родной* или *родная* (у него есть вариант *родненький* и еще ряд производных. К нему близки по смыслу устаревшие обращения *родимый* и *кровиночка*); "– Родная! Родная! Родная! – повторял, как будто в одном этом слове было все, что он чувствовал, и целовал ее ноги" (Мережковский, 14 декабря). Герой Ю. Малецкого так комментирует обращение *родная*: "Родненькая. Ближе, чем русского роду-племени, не мужского – не женского – не среднего, какого-то совсем-совсем – только-моего-рода" (Малецкий. Люблю).

В основе слова *родной* лежит совершенно особая идея: я к тебе так

отношусь, как будто ты мой кровный родственник. За пределами славянских языков трудно найти что-нибудь похожее. Оно отличается от других обращений, в первую очередь, не "градусом", а особым эмоциональным колоритом. *Родной, родная* выражает не столько романтическую влюбленность или страсть, сколько глубокую нежность, доверие, ощущение взаимопонимания и душевной близости. Так, в фильме "Друзья и годы" по сценарию Л. Зорина одна из героинь обращается к любимому человеку: "Родной! – и потом, как бы прислушавшись к себе, с облегчением и радостью, – ты действительно родной!" За этим стоит не только то, что он (в отличие от другого, "отрицательного" героя) не побоялся полюбить дочь "врага народа", но и то, что, встретившись после долгой разлуки, он и она по-прежнему понимают друг друга с полуслова, им легко вместе, они могут болтать о любых пустяках, и при этом их беседа полна сокровенного смысла. И еще она явственно ощущает, что он стал неотъемлемой частью ее мира, как бы частью ее самой (ср. цветаевское *ты, что руки мне родней*).

Хотя *родной* гораздо меньше, чем другие любовные слова, связано с эротикой, степень интимности этого слова выше, чем у стандартных любовных обращений *милый* или даже *любимая*. Оно едва ли уместно в начале романа, даже если уже могут быть произнесены два других слова. А некоторые люди утверждают, что вообще не имеют слова *родной* в своем любовном лексиконе, так как оно кажется им шокирующе откровенным.

Важно при этом, что это не просто стандартное обращение, из которого выветрилось первоначальное содержание: идея родства удерживается в нем до сих пор. В отличие, например, от обращения *милый*, которое оказывается семантически почти изолированным от прилагательного *милый* как такового, *родной*, как, скажем, и *любимый*, в функции обращения полностью сохраняет свое значение.

Русское прилагательное *родной* само по себе весьма интересно и характерно. В первую очередь, это слово указывает на наличие кровных уз. Однако *родной* – это не вполне то же, что *родственник*. Рассмотрим сначала самый простой пример: "Настя, ее дочь и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде" (Паустовский. Телеграмма). Если в этой фразе заменить сочетание *единственный родной человек* на *единственная родственница*, то смысл изменится. Это будет лишь сведение из анкеты, тогда как речь шла о чем-то более глубоком, о человеческом одиночестве. Слово *родной* присуща особая теплота, идея, что родственные отношения – это не просто факт, а нечто, ощущаемое сердцем: "Надя вдруг сердцем почувствовала, что тетя Фрося единственный тут родной ей по крови человек. Увидела знакомые, похожие на мамини, пальцы, знакомую безусловную скуластость. И испытала к тете Фросе внезапную нежность, как никогда

прежде (Трифонов. В грибную осень). Именно в силу того, что *родной* – это более, чем просто родственник, это слово свободно сочетается со словами типа *очень, такой* и образует степени сравнения (*роднее, самый родной*): "Мама! Как же это могло так случиться? Ведь никого же у меня в жизни нет. Нет и не будет роднее" (Паустовский. Телеграмма).

Эта органичность родственной связи часто обеспечивает особую глубину взаимопонимания. Поэтому очень характерно употребление слова *родной* в следующем примере: "Брат слушал, но, очевидно, не интересовался этим. Эти два человека были так родны и близки друг другу, что малейшее движение, тон голоса говорил (...) больше, чем все, что можно сказать словами" (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

Выражения *родная кровь, родная жилка, родная косточка* заключают в себе идею не только родственной связи, но и родственной привязанности: "[Васенька] Володя. Смелей, папа. Он тебя любит. [Сарафанов] Любит?... Но ...за что? [Васенька] Не знаю, папа... Родная кровь" (Вампилов. Старший сын).

Слово свободно употребляется для описания отношения к людям, не являющимся кровными родственниками. Родными можно стать. В любви возможна и безграничная телесная близость, и слияние душ, и максимальный уровень взаимопонимания: "В этот самый момент лицо его утонуло в чем-то мягком, теплом, родном. – Никак Нюрка! – всхлипнул он сдавленно" (Войнович. Приключения солдата Ивана Чонкина); "Раз Катя даже заплакала, – а она никогда не плакала, – и эти слезы вдруг сделали ее страшно родною ему, пронзили его чувством острой жалости и как будто какой-то вины перед ней" (Бунин. Митина любовь).

Можно говорить о друзьях, по выражению Вяземского, "далеких, но сердцу родных", и более того, по-русски можно назвать родным даже человека, с которым лично не знаком: "Никого из русских писателей, кроме Пушкина и Толстого, не оплакивали с такой тоской и болью, как Чехова. Потому что он был не только гениальным писателем, но и совершенно родным человеком" (Паустовский. Ильинский омут).

Точно так же и *родное небо, родная земля, родной город, родной язык* – это не только факт биографии, но и душевное переживание. Иногда может случиться чудо, и родным становится в первый раз увиденное: "Это было чистое, синее озеро с необыкновенным выражением воды. (...) Таких, разумеется, видов в средней Европе сколько угодно, но именно, именно этот (...) был чем-то таким единственным, и родным, и давно обещанным, так понимал созерцателя, что Василий Иванович даже прижал руку к сердцу, словно смотрел, тут ли оно, чтоб его отдать" (Набоков. Озеро, облако, башня).

Родными могут быть и какие-либо чувства, переживания, свойства –

человек ощущает их своими, бесконечно близкими и понятными, как в знаменитых пушкинских строках: "Что-то слышится родное / В долгих песнях ямщика; / То разгулье удалое, / то сердечная тоска". Интересно, что слова *родной* и производные *уроднить*, *уроднение* типичны для В.В. Розанова; он использует их для характеристики высшего уровня понимания какого-либо явления: "Мне иногда кажется, что я понял *всю историю* [курсив В.В. Розанова] так, как бы "держу ее в руке", как бы историю *я сам сотворил* – с таким же чувством уроднения и полного постижения" (Розанов. Смертное). В таком словоупотреблении проявляется характерное для этого философа отношение к думанию как к органическому, почти физиологическому процессу.

Вспомним здесь, кстати, факт из недавней истории. В нашем языке были устойчивыми сочетания *родной товарищ Сталин* (как впоследствии *дорогой Леонид Ильич*), *родная Советская власть* и особенно каноническое *родная Коммунистическая партия*: "Бабы и мужики! Теперь, когда случилось такое несчастье, нам больше и делать ничего не остается, как сплотиться вокруг нашей родной партии, вокруг лично товарища Сталина. Вот буду в Москве, увижу его, родного, разрешите сказать от вашего имени, что все труженики нашего хозяйства, все свои силы отдадут" (Войнович. Приключения солдата Ивана Чонкина); «"Раз взяли Петьку, значит, было за что взять". Вот так думает простой мужик-колхозник про свою родную советскую власть» (Домбровский. Факультет ненужных вещей). Мы сейчас не будем останавливаться на том, какое мироощущение стояло за этими эпитетами, но очевидно, что выбор их не был случайным.

Итак, смысловая насыщенность ласкательного обращения *родной*, *родная* связана с семантическим потенциалом самого слова *родной*. Его значением объясняется и странное, даже парадоксальное сочетание: самое одухотворенное из любовных обращений оказывается и самым заземленным. В этом оно сходно с другим характерным русским словом – *душа*. Последнему тоже свойственно представление о первостепенном значении нематериального – а с другой стороны, почти физиологическая конкретность и осязательность образа. Душа описывается в русском языке как орган человека (см. об этом в статье Е.В. Урысон "Душа" // Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997). То же сочетание физиологической пронзительности с возвышенностью есть и в русском слове *жалость* (см. мою статью в том же словаре).

Представление о значении кровного родства входит во все культуры, оно коренится в универсальном противопоставлении своего и чужого. Для русской культуры родственные чувства, пожалуй, имеют особое значение, что всегда отмечается исследователями "русского нацио-

нального характера". Так, специальная глава о родстве есть в "Заметках о русском" Д.С. Лихачева. В ней, в частности, говорится, что русским читателям и зрителям чеховских "Трех сестер" очень важно, что героини – сестры, а не просто подруги. Не случайно, почти, как гимн, звучат для нас пушкинские строки: "Два чувства дивно близки нам – / В них обретает сердце пищу – / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам".

Однако еще более интересно, что силой любви можно превратить чужого человека как бы в кровного родственника, что он может стать не только *родным*, но даже и *роднее родного*. Конечно, ощущение нерасторжимого единения с любимым человеком, когда связь с ним крепче кровных уз, знакомо людям разных национальностей, и оно может быть описано на любом языке. Но русский язык канонизирует это ощущение, отливая его в специальное слово и вкладывая это слово в уста говорящих о любви.

Надо сказать, что вообще по-русски идея хорошего отношения к человеку естественно выражается оборотами *как к родному*, *как родной*. Например: "Когда Санин часа полтора спустя вернулся в кондитерскую Розелли, его там приняли, как родного" (Тургенев. Вешние воды); "В богатом доме, где Лару считали родною, не помнили долга, сделанного ею для Роды, и о нем не напоминали" (Пастернак. Доктор Живаго); "Я, говорит, только при тебе и покойна. Я к тебе как к родной привыкла" (Бунин. Хорошая жизнь). У Чехова Лопахин говорит Раневской: "Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но (...) я забыл все и люблю вас, как родную... больше, чем родную". А сама Раневская говорит Пете Трофимову: "Не осуждайте меня, Петя... Я вас люблю, как родного. Я охотно бы отдала за вас Аню, клянусь вам, только, голубчик, надо же учиться". Есть еще выражение *верю, как родному*, которое, правда, в современном языке употребляется, в основном, несколько иронически; ср.: "– Значит, вы были в Штатах, – мямлил черноусый, – это очень и очень чрезвычайно! Негров там нет и никогда не было, это я допускаю... я вам верю, как родному... Но – скажите: свободы там тоже не было и нет?.. (Вен. Ерофеев. Москва–Петушки). Иначе говоря, если любишь человека по-настоящему, то он может стать и *роднее родного*, но даже если просто доброжелательно к нему относишься, то он уже становится немножко *родным*.

Конечно, было бы неверно считать, что весь смысловой потенциал слова *родной* реализуется всякий раз, когда оно произносится. Как и другие любовные обращения, *родной* не всегда говорится от души и не всегда доходит до сердца. Чтобы в нем проявился его глубокий смысл, оно должно быть каждый раз заново согрето нежностью. Иначе оно, как замечает герой Ю. Малецкого, "не всыхнет": «– Я не поеду, родная. Договорились? (<...> Родная – как-то не звучит. А что лучше?

Родная, милая, любимая – какие есть лучше слова? {...} Оу, дарлинг. Что же тогда – солнышко, зайныка, рыбонька? Фонетически ближе всего – лапушка. По смыслу все же – родная. {...} Но как сказать "родная", чтоб дошло, вспыхнуло: р о д н а я ?). – Ну, улыбнись, родная, ну, поцелуй, родная... – Что?» (Малецкий. Люблю).

Можно было бы допустить, что слово *родной* – просто случайная причуда русского языка, если бы метафора кровного родства не была представлена чрезвычайно широко и в ассортименте русских разговорных и просторечных обращений к незнакомым людям. За пределами славянских языков вряд ли отыщется такое изобилие подобных обращений: *отец, папаша, мать, мамаша, сынок, дочка, сестренка, браток, брат, братицы, тетка, дядя, дед, бабушка, бабуля, внучка* и т.д. (эту особенность русского языка отмечают, в частности, Д.С. Лихачев в "Заметках о русском", Н.И. Сукаленко в книге "Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира" и М.А. Кронгауз в работах об обращениях. Отдельные обращения такого типа отыскать можно: например, распространенное на американском юге обращение *тот* (мамаша). Но в русском языке они образуют целую систему.

Подбор обращения каждый раз осуществляется индивидуально, так как говорящий соотносит примерный возраст адресата со своим возрастом и прикидывает, кем бы мог ему приходиться этот человек (ср. сходную мыслительную процедуру, лежащую в основе укоризненных формул типа *Ты мне в сыновья годишься*). Заметим, что принципиально другой характер имеют религиозные обращения *брат* и *сестра*, в которых, напротив, нет ничего личного, а лишь указание на равенство всех перед Богом.

Установление воображаемого родства очень ярко описано у Пушкина в "Сказке о мертвой царевне и семи богатырях". Богатыри, увидев, что "Кто-то терем прибирал / И хозяев поджидал," радушно приглашают гостя объявиться: "Коль ты старый человек, / Дядей будешь нам навек. / Коли парень ты румяный, / Братец будешь нам названный. / Коль старушка, будь нам мать, / Так и станем величать. / Коли красная девица, / Будь нам милая сестрица". Конечно, только в сказочном мире слово обладает такой магической силой, что царевна сразу действительно становится богатырям почти сестрой. В жизни употребление подобного обращения выражает и вызывает разве что мимолетную тень родственного чувства. В книге Н. Федорова "Философия общего дела" говорится: «Нужно продолжительное воспитание для того, чтобы общеупотребительное "братицы" стало из слова делом; для этого нужно внешнее и внутреннее объединение».

И все же даже в стертом, ритуальном употреблении термины родства создают своеобразный эффект. Вступая с собеседником в ква-

зиродственные отношения, говорящий не оставляет ему выбора: назначая человека, например, своим дядей, он сам как бы временно становится его племянником и ожидает от него суррогата соответствующих чувств. Однако такая навязанная задушевность не всегда приятна, поэтому, например, в ответ на обращение *мамаша* довольно часто можно услышать сердитое "*Сынок нашелся!*"

Обезоруживающая доверительность родственных обращений, особенно некоторых из них, например *сестренка* или *отец*, – совершенно особое явление. Исключая заигрывания, они все же звучат весьма интимно. Фамильярное обращение типа *дорогой*, *милая* по отношению к незнакомым людям, хотя и сокращает дистанцию (зачастую против воли адресата), но вовсе не диктует аналогичной ответной реакции. Оно всего лишь простодушно выражает симпатию говорящего, ничего не требуя взамен.

Итак, для русской культуры родственные отношения обладают не только огромной ценностью, но и чрезвычайной эмоциональной насыщенностью. При этом любовь к своим отнюдь не сопровождается равнодушием или недоброжелательностью по отношению к чужим. Напротив, родственная теплота служит образцом доброго отношения к людям вообще. Здесь русский язык подтверждает традиционное представление о широте и щедрости русской души. Более того, он подсказывает человеку готовность обнять родственной любовью весь мир.

Не случайно именно эта готовность лежит в основе одной из наиболее экстравагантных русских философских концепций утопической философии "общего дела" Н. Федорова: "Когда мы были малы, все люди были для нас братьями и сестрами наших отцов и матерей (дядья и тетки); так и говорили нам наши родители, вынужденные применяться к детскому пониманию, вовсе не подозревая при этом, что вынужденное приспособление возвращает и их самих к первоначальной истине и благу. (...) Из этого становится понятным, почему родственность становится критерием общего дела. (...) В понятие родственности входит необходимо искренность и откровенность, и потому во внешности выражается вся глубина внутренности, лицемерие делается душезрением. Основное свойство родственности есть любовь, а с нею и истинное знание" (Федоров. Философия общего дела).

ТАК ГОВОРЯТ ПОГРАНИЧНИКИ

П.В. ЛИХОЛИТОВ

Ни на каком другом наречии нельзя выразиться более кратко и ясно. Когда мы вернёмся домой, наши домашние и наши учителя будут здорово удивлены, но что поделаешь, – здесь на этом языке говорят все.

Э.М. Ремарк. На западном фронте без перемен

Как и большинство других профессиональных жаргонов, речь пограничников может быть разделена на узкопрофессиональную лексику и общебытовой словарь.

Принято считать, что узкопрофессиональная лексика значительно уступает по количеству словарных единиц общебытовому словарю жаргона. В самом деле, число узкопрофессиональных реалий значительно меньше числа явлений из различных сфер жизни, с которыми соприкасается носитель жаргона вне своей профессиональной деятельности. При этом основная часть жаргона, его общебытовой словарь, почти не имеет собственных слов (в отличие от "производственного ядра" жаргона, которое именно на них и строится).

Мы можем констатировать, что общебытовая часть жаргона военнослужащих в целом (и пограничников, в частности) в основном состоит из молодёжного интержаргона и "блатной музыки". Собственно военные жаргонизмы редки. Это оценочные слова: *корочник* – недотёпа, объект насмешек; *душара, сынище* – молодой солдат. Это названия некоторых профессий: *море, мореман* – моряк; *руль, кардан* – водитель машины. Это глаголы: *точить, пороть* – есть; *цемить* – спать; *жужжать* – суетиться; *косить* – уваливать от работы; *тупить* – притворяться непонимающим; *заплывать* – мыть полы и др.

Узкопрофессиональная часть жаргона пограничников включает в себя названия деталей военной формы, оружия, реалий армейского быта и т.д. Например: *колун* – часовой заставы; *весло* – автомат АК-74; *заполярка* – утеплённая зимняя куртка и т.п.

Пути и способы образования жаргонной лексики пограничников довольно разнообразны. Это, в частности, заимствования из других жаргонов, главным образом, из жаргона преступников. Заимствование военными лексики преступников – явление, свойственное не только нашей стране. Г.А. Судзиловский, например, пишет, что "американские и английские военнослужащие наиболее часто употребляют гангстерские жаргонизмы (*underworld slang, cant, argot*), причем, как правило, без переосмысления" (Судзиловский Г.А. Сленг: что это такое? М., 1973. С. 40).

Такие слова, как: *зёма* – земляк; *братан* – однопризывник; *кича* – гауптвахта; *цифирить* – пить крепкий чай; *чмо, чмошник* – физически нечистоплотный человек; *чмарить* – всячески преследовать, угнетать слабого, являются заимствованиями из жаргона уголовников.

Среди заимствований порой происходят семантические изменения. Например, слово *гужбан* – водитель такси – в уголовном жаргоне трансформировалось у военных в *гужбаничника*. *Гужбаничник* – это солдат, в чьи обязанности на заставе входит уход за домашними животными. Его часто можно увидеть управляющим лошадей. Основанием для метафорического переноса здесь служит сходство ролей *гужбаничника* – водителя кобылы, извозчика и *гужбана* – водителя такси.

Способом метафоризации образованы слова: *заплыв* – влажная уборка помещения; *дискотека* – мытье тарелок в наряде по кухне; *взлётка* – коридор между койками в спальном помещении казармы; *бурый* – дерзкий, наглый (то есть не *зелёный салага*, а созревший *дед*); *пингвин* – солдат осеннего призыва; *фазан* – солдат весеннего призыва; *бабочка* – эмблема военных водителей; *капуста* – эмблема пограничных войск и вообще – мотопехоты.

Немало встречается глагольных метафор: *шипеть* – жарить картошку на кухне заставы втайне от начальства; *точить* – есть; *ковать (дембель)* – готовиться к увольнению в запас; *прогибаться* – угождать начальству, подхалимничать; *телеграфировать* (то же, что и *стучать*) – доносить на товарищей; *падать (в строй)* – быстро занимать место в строю.

Есть и менее продуктивные способы переноса: употребление мужского имени *Алёша* – как нарицательного (в значении "наивный", "неопытный солдат" или как обращения к молодому солдату: "Эй, ты") представляет собой синекдоху. Говорят: "Эх ты, Алёша! Кто же так портянки наматывает?"

Жаргонизм *погранец* в значении знак "Отличник погранвойск" является примером метонимии. На знаке "Отличник погранвойск" изображен пограничник, или *погранец* на военном жаргоне. По детали названо целое. По этой же модели было придумано жаргонное слово

бегунец – знак "Воин-спортсмен". На знаке изображён бегущий человек – *бегунец*.

Из слов, не имеющих собственно семантической мотивировки (или она скрыта от непосвящённых), можно выделить следующие наименования: *цукас* – солдат Советской Армии, то есть не пограничник; *чепок* – солдатская чайная; *кусок* – прапорщик и т.д.

Определённое место в жаргоне пограничников занимают слова, образованные на основе явления "фонетической мимикрии". Эти жаргонизмы связаны с определёнными общенародными словами отношениями частичной омонимии. Например, вместо общепринятого слова *фуражка* пограничники употребляют жаргонные *фургон* и *фура* как следствие частичных звуковых совпадений в корнях этих семантически несколько не схожих слов. В результате слово, имеющее в общенародном языке одно значение, в жаргоне приобретает совершенно иное содержание. Будучи семантически немотивированным, оно тем не менее связано с соответствующим общенародным словом чисто внешними, формальными, омонимическими отношениями. Примеры: *каметиек* – километр; *полкан* – полковник; *чайник* – солдатская чайная; *дизель* – дисциплинарный батальон и др.

По существующим в языке словообразовательным моделям в жаргоне военнослужащих создаются новые слова, причем в этом случае жаргонное значение основы сохраняется (аффиксальный способ). Так, от глагола *пахать* (много и тяжело работать) при помощи приставки *при-* образован жаргонизм *припахать* (несовершенный вид *припахивать*) – заставлять работать. При этом способе образования жаргонной лексики особенно продуктивны суффиксы, характерные для разговорной лексики. Например, суффикс *-к-*: *афганка*, *варшавка* – униформа со множеством карманов; *заполярка* – утепленная камуфлированная куртка.

Суффиксация, характерная для разговорной речи, лежит в основе создания таких жаргонизмов, как *фурик* (суффикс *-ик*) – фуражка пограничника с зелёной тульей; *картофан* (*-фан*) – картофель; *детеха* (*-охлах*) – лейтенант; *салабон* (*-бон*) – молодой солдат (В.С. Елистратов считает, что данная "экзотическая" модель, возможно, восходит к уголовой поэтике. См.: Елистратов В.С. Игра и культура. М., 1995. С. 169); *сыняра* (*-арлах*) – молодой солдат или *сын*; *рубон* (*-н*) – пища, продукты; *нульсон* (*-н*) – нечто новое, неиспользованное.

Среди жаргонной лексики пограничников встречаются слова, образованные способом сокращения. Например, *беска* – бескозырка матроса морских частей пограничных войск; *прапор* – прапорщик; *серж* – сержант; *начпо* – начальник политотдела отряда; *комод* – командир отделения; *замок* – заместитель командира взвода. Способ сокращения

вызван тенденцией к экономии лексических средств, свойственной жаргонной речи в целом.

Способом сложения образован жаргонизм *мореман* – моряк.

Распространен прием универбации, то есть свертывание двусловных наименований (имя прилагательное + существительное) в одно слово. Например: *парадка* – парадная форма одежды; *линейка* – линейная застава (линейная застава, в отличие от тыловой, находится вблизи линии границы) и т.д. Этот прием обычно сочетается с каким-либо другим способом образования жаргонизмов, например, с аффиксальным. Так, жаргонизмы *самоволка* (самовольная отлучка), *учебка* (учебная воинская часть) образованы при помощи суффикса *-к-*, характерного для разговорного стиля.

В военном жаргоне есть аббревиатуры, зашифровывающие определенные слова или словосочетания. Например: ППГС – "пистолет первого года службы" (так называют сигнальный пистолет Шпагина или СПШ. Этот пистолет, широко известный как *ракетница*, обычно входит в экипировку солдата-первогодка); аббревиатуру ДМБ можно расшифровывать по-разному (например: "дома мы будем"), но значение у нее одно – увольнение в запас.

Интересно, что в жаргоне солдат американской и британской армий отмечены аналогичные образования. Например: ОНЮ (Over the Hill in October) – "в октябре по домам"; RHIP (Rank Has Its Privileges) – "чин имеет свои преимущества" – употребляется с целью подчеркнуть правила субординации (см.: Судзиловский Г.А. Указ соч. С. 33). Подобная "зашифровка", как правило, не имеет целью создать скрытую форму выражения. Такие сокращения могут быть непонятными на первый взгляд, но их простой, часто юмористический смысл раскрывается после расшифровки.

Армейскому жаргону как подсистеме языка свойственны все явления данного языка. В нём есть свои синонимические ряды: *хвост* – *сучник* – *собачник* (вожатый служебной собаки); *салага* – *сын* – *дух* (молодой солдат); *хомут* – *кусок* – *прапор* (прапорщик – старшина заставы или роты).

В армейском жаргоне можно наблюдать явления омонимии. Например: *погранец* – солдат-пограничник и *погранец* – знак "Отличник погранвойск" 1-й или 2-й степени; *дембель* – момент окончания службы и *дембель* – солдат, увольняющийся в запас. Можно найти примеры внутренней и внешней омонимии. Сравним, например, такие омонимы, как *шарить* (по карманам), с одной стороны, и *шарить* в двух жаргонных значениях – с другой: *шарить* (в молодёжном интержаргоне – понимать) и *шарить* (демонстрировать неповиновение – в армейском жаргоне).

Для жаргона пограничников характерно активное использование

фразеологизмов, главным образом, эмоционально окрашенных, стилистически сниженных. При этом наряду с употреблением уже существующих в языке и широко известных фразеологизмов можно наблюдать и образование новых. В качестве примера можно привести глагольные фразеологизмы: *топтать фланги* – служить на заставе (или вообще – быть пограничником); *стоять на тумбочке* – быть дневальным по роте; *долбить под дуру* – уклоняться от работы; *мочить коры/корки* – совершать нелепые действия (пожелание одного пограничного наряда другому при смене с поста); *мычать на баяне* – говорить невнятно, неубедительно; *бросить соплю* – присвоить очередное воинское звание (когда речь идёт о сержантском составе). Как примеры именных фразеологизмов можно привести выражения: *нульсон в смазке* – новичок (как правило, о молодом солдате); *могучий прогиб* – чрезмерно услужливый поступок, бросающийся в глаза.

Военный быт имеет свои характерные особенности. В жизни солдата проблема питания во все времена была ключевой. Приведём свидетельство Э.М. Ремарка: "Для солдата желудок и пищеварение составляют особую сферу, которая ему ближе, чем всем остальным людям. Его словарный запас на три четверти заимствован из этой сферы, и именно здесь солдат находит те краски, с помощью которых он умеет так сочно и самобытно выразить и величайшую радость, и глубочайшее возмущение" (Ремарк. На западном фронте без перемен).

Вот примеры из "гастрономического" раздела жаргона пограничников: *болты* – перловая каша (нелюбимая и презираемая старослужащими солдатами); *фазанка* – пшённая каша (названа так в пику солдатам-весенникам, *фазанам*); *картофан* – картофель; *хмырь* – продукты, купленные в магазине, солдатской чайной или присланные из дома. Солдатская чайная на территории части называется *чайник* или *чепок*. Жаргонные слова *точить* и *пороть*, означающие процесс принятия пищи, имеют подтекст: питаться в неустановленном для этого месте и в непредусмотренное уставом время.

Хотя в армии редко пьют *цифирь* (значение слова *цифирь* см.: Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991. С. 196), но само чаепитие называется *цифирением*. Глагол *цифирить* имеет тот же подтекст, что и слова *пороть* и *точить*.

Вот пример из "Афганских рассказов" О. Ермакова. Замполит спрашивает молодого солдата о его житье-бытье:

- «– Ты ведь уже копишь чеки на джинсовый костюм? Или не копишь?»
- Не коплю.
- А что так? Все копят. Куда же ты их деваешь? Отбирают?
- Нет, я всё на хмырь трачу, – поспешно пробормотал Воронцов.
- "Хмырь", "западло", – поморщился старший лейтенант.
- Ну, на печень, на конфеты там...» (Знамя. 1989. № 10. С. 102).

Офицер обескуражен, очевидно, тем, что речь его подчиненного изобилует "блатной музыкой", то есть словами из лексикона уголовников (значения слов *хмырь* и *западло* см.: Словарь московского аргю. С. 159, 526).

Много солдатского времени тратится на наведение порядка в казарме, на закреплённой за ротой территории и т.д. Солдат и служит, и полы моет. Причём полы в армии моются только с мылом. В ходе такой уборки образуются огромные лужи из воды и мыльной пены. Отсюда и название для мытья полов: *заплыв*. *Заплывать*, *шуршать*, *стираться на полах* – все эти слова относятся к влажной уборке помещений.

Думается, понятно, почему солдата-мойщика полов в армии шуточно называют *человек-амфибия*, а подметальщика – *цветок в пыли*.

Аббревиатура ПТР, в военной терминологии расшифровываемая как "противотанковое ружье", в военном жаргоне означает "полотёр". Швабру также называют "ПТРом" по причине внешнего сходства со стволом грозного оружия.

Из-за большой трудоемкости мытья полов его используют в качестве наказания для молодых солдат. В обиходе сержантов-дедов есть выражения: *бросить на полы*, *бросить замывать*, то есть заставлять мыть помещение казармы. Существуют также выражения *уписть на полы* (немедленно приняться за уборку).

Для того чтобы подчеркнуть, что сделать что-то надо молниеносно, используется слово *бегом*. Говорят: *бегом умыться*, *бегом побриться*.

Чтобы как-то сократить своё участие в "общественно полезном труде", многие пытаются "закосить", то есть увильнуть от работы. *Долбить под дуру* – значит делать вид, что не понимаешь, какую задачу тебе поставили. Так же называется попытка притвориться занятым чем-то более важным. Сержант может приструнить лодыря репликой: "Что ты там вошкаешься?" (Что ты там возишься?).

Хорошо работать значит на языке жаргона *жужжать*. У этого слова есть и второе значение: суетиться, организовывать что-либо. Говорят, например: "В военторге погоны появились, а я и не жужжу" (... а я знаю об этом и ничего не предпринимаю).

Слова жаргона пограничников, относящиеся к бытовому общению военнослужащих, имеют ярко выраженный эмоциональный характер. Как пишет А. Шабанов, "в армии есть два тяжелых прозвища. Одно – стукач, другое – тормоз" (Шабанов А. Земляки // Родник. 1989. № 4. С. 75). Действительно, тот, кто хотя бы раз сообщил начальству (*протучал*) о каком-либо противоречащем уставу поступке товарища, обрекает себя на презрение всего коллектива. Избавиться от клейма "стукач" практически невозможно.

Прозвище *тормоз* имеет иронический оттенок. Так называют сол-

дат, которые часто поступают нелепо, постоянно что-то забывают или путают. Иногда говорят: *ручной тормоз, ручник*. *Тормозить* – значит не понимать. Глагол *тупить* используется с тем же значением. "Сняться с ручника" – значит понять, наконец, ситуацию и поступить соответствующим образом. Здесь налицо развёрнутая метафора, отождествляющая поведение человека с вождением автомобиля.

Непутевого солдата часто называют *кóрочником*. О нём говорят: "Он мочит коры (корки)", то есть даёт повод смеяться над собой. О смешном случае говорят: "Это были корки".

О тех солдатах, которые усердно работают и при этом стараются как можно чаще попадаться на глаза начальству, говорят: *резаки*. Считается, что они занимаются показухой, то есть *режутся и прогибаются* на военном жаргоне. Впрочем, любой боец не упустит шанс *резануться* (совершенный вид от глагола *резаться* перед командованием. Особенно "отличившимся" подхалимам товарищи в шутку сулят "орден горбатого с закруткой на спине".

Если солдат попался с поличным за каким-нибудь запретным делом, о нём говорят, что он *пролетел* или *залетел*. *Пролётчик* или *залётчик* (совершивший проступок солдат) может попасть на *губу* или *кичу*, то есть на гауптвахту. В Сортавальском пограничном отряде, где служил автор этих строк, гауптвахта с мрачным юмором называется *гостиница "Сортавала"*. Солдат, склонных к нарушению воинской дисциплины, офицеры грозятся поместить *на три метра ниже плаца*, то есть посадить на гауптвахту. *Летать на губу* значит «быть частым "гостем" в "гостинице "Сортавала"». В случае серьезного нарушения устава *пролётчика* могут отправить в *дизель* (или дисциплинарный батальон, дисбат).

Обращение друг к другу в солдатской среде дифференцируется по смыслу. *Братан* – обращение к солдату своего призыва. *Зёма* – обращение к земляку. Вот пример из повести С. Каледина "Стройбат": "Слышь, зёма, – с натугой сказал Валерка, выжимая гирю. – Вас это ... лупить ... намеряются ... Лечить будут ... под дембель" (Новый мир. 1989. № 4. С. 63).

К молодым солдатам принято обращаться свысока, со скрытой насмешкой: *алё, дядя, мужчина, военный, воин, чекист*. Зарвавшегося гордеца в армии могут осадить, сказав: "Потише, ты – орелик комнатный". Смотри не взлети".

Локализация употребления военных жаргонизмов может происходить не только на уровне родов войск, но и отдельных частей и даже подразделений одной части. По наблюдениям Г.А. Судзиловского, "в результате ограниченности употребления в некоторых случаях появляются слова и словосочетания, равнозначные именам собственным, так как они обозначают единичное явление, один какой-либо предмет,

одно лицо" (Судзиловский Г.А. Указ. соч. С. 46). Так, на одной из застав Сортавальского пограничного отряда сушилка для обмундирования и обуви называется *телевизором*, так как вход в неё представляет собой отверстие в стене, габаритами напоминающее экран большого телевизора. Говорят так: "Слышь, где мне валенки взять?" – "В телевизоре посмотри..." На других заставах сушилки устроены несколько иначе, и жаргонное слово *телевизор* там неизвестно.

Как отмечал Д.С. Лихачёв, "совершенно ясно, что арготировать (изобретать жаргоны и арго. – П.Л.) будут те профессии, в которых трудовой стереотип или отсутствует совершенно, или почти отсутствует, или постоянно нарушается" (Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка" (М., 1964. С. 350). К сожалению, в нашей армии сегодня "трудовой стереотип" постоянно нарушается.

Жаргонная лексика пограничников, приведённая здесь, была зафиксирована в период с конца восьмидесятых по начало девяностых годов. В последнее время некоторые слова могли выйти из употребления вместе с теми реалиями, которые они называют в жаргоне. Однако такие жаргонизмы интересны для нас и в качестве историзмов. Ведь, как считает В.С. Елистратов, "изучение профессиональных арго может не только давать материал о безвозвратно ушедшем быте..., но и установить связь эпох, то есть по сути разъяснять современную эпоху" (Елистратов В.С. Словарь московского арго. С. 610).

Автор статьи выражает искреннюю признательность своим армейским товарищам Михаилу Зайцеву, Александру Макееву и Константину Петрицыну за помощь в сборе и описании жаргонной лексики пограничников.

Язык прессы

НЕПОХОЖИЕ БРАТЬЯ

Н. В. МУРАВЬЕВА.

кандидат филологических наук

Так можно сказать о словах, которые обычно называют паронимами: это слова, как правило, одного корня, и поэтому по смыслу они очень похожи. Надо только не забывать о разнице между ними. Посмотрим, как используются эти слова в газетах и журналах: "Но вот на днях швейцарские власти, которым стало явно неважно подвергаться постоянной критике со стороны международных организаций, в том числе и ООН, приняли законодательство, резко ужесточающее контроль за банковской деятельностью в стране" (Российская газета. 1996. 11 июля).

Закон(ы)–законодательство. Закон – это "нормативный акт высшего органа государственной власти", а законодательство – это "составление и издание законов", или "совокупность законов" поэтому можно *принять закон, а законодательство – ввести, изменить или сохранить.*

"Эти правила будут введены в практику после каникул. Соответствующие комиссии уже подготовили проект изменений в регламенте работы сейма" (Известия. 1996. 21 июня). *Подготовить–приготовить.* Эти слова почти синонимичны, однако между ними есть различие. Слово *приготовить* употребляется, главным образом, по отношению к веществам, пище, а *подготовить* означает "сделать что-н. предварительно для организации чего-л." Поэтому надо сказать: *подготовить проект.*

«Вцепившись зубами в пластмассовую бутылочную пробку, он что есть силы потянул ее на себя. Пробка выскочила, пьяница вздохнул... Из дыхательных путей затычку "Букета Кубани" вынули уже санитары морга» (Труд. 1996. 3 дек.). *Вздохнуть–вдохнуть.* Вздохнуть – значит "сделать вздох (вдох и выдох)", но журналист хотел сказать "глубоко вдохнул", потому что ясно, что "герой" материала выдохнуть уже не смог.

"– Каждый политик уверяет, что знает, как просто и быстро победить коррупцию, а вы знаете? ...Простых и быстрых путей нет.

Реальные пути звучат не цветасто" (Совершенно секретно. 1995. № 11). *Цветастый–цветистый*. *Цветастый* – значит покрытый большим количеством разнообразных цветов, яркий; но собеседник журналиста, конечно, имеет в виду слово *цветистый*, смысл которого – переливающийся разными оттенками, покрытый разнообразными красками; витиеватый, излишне украшенный. К тому же *пути* никак не могут "звучать".

"Ранее почти тем же закончились тонкие маневры Примакова, пытавшегося чередованием жестокости и гибкости выторговать отсрочку или более выгодные условия в дипломатической борьбе. Твердость игнорировалась" (МН. 1996. № 41). *Жестокость–жесткость*. Эти слова по своему смыслу соотносятся с разными прилагательными: *жестокость–жесткий*, что значит "крайне суровый, безжалостный, беспощадный", "очень сильный, выходящий за пределы обычного", а *жесткость–жесткий* значит: "твердый, крепкий", "суровый, резкий", "не допускающий отклонений, строгий". Судя по общему контексту, здесь более уместным оказывается слово *жесткость*. Интересно, что в литературе прошлого века было возможно употребление слова *жестокость* как обозначение суровости, резкости. Но и этот смысл не соответствует тому, что хочет сказать журналист, ведь можно быть твердым (как противопоставление гибкости), но не быть резким и суровым.

"Кавалеристы неплохо повоевали в гражданскую войну (вспомнить хотя бы знаменитую конницу Буденного), а затем их упразднили" (Мегаполис-экспресс. 1996. № 48). *Кавалерист(ы)–кавалерия*. *Кавалерист* – это "военнослужащий кавалерии"; а упразднить – "отменить, ликвидировать" можно только *кавалерию* как род войск.

«План Жириновского может произвести с Россией то же, что "союзный договор" 1991 года смог сделать с СССР: не превратится ли тогда и РФ в очередной СНГ?!» (Советская Россия. 1996. 18 янв.). *Произвести–сделать*. По смыслу эти слова очень схожи, однако *произвести* в значении "сделать, совершить" предполагает конкретный результат (скажем, *обыск, ремонт, вычисление*), к тому же это слово исключает дополнение со значением объекта воздействия, которое есть в этой фразе (*с Россией*).

Но подвести говорящего могут не только паронимы, которые существуют в языковой системе. Иногда журналисты, сами того не ведая, неожиданно употребляют давно известные слова или придумывают новые слова (словосочетания), однако используют их безграмотно и тем самым как бы создают контекстуальную парониимию: "И черкизовцы, постоянно радеющие о качестве своей продукции, понимают: в основе качества колбасы, как ни крути, лежит качество мяса. А чтобы его, доморощенного, было больше, придется взять на

себя некоторые вчерашние государственные функции" (Труд. 1996. 21 сент.). *Доморощенный* – полученный (произведенный) дома. *Доморощенный* – значит выращенный дома, но вырастить можно растение или животное (скажем, картошку или лошадь), однако *вырастить* мясо нельзя, его можно только *произвести* или получить.

«Один из последних людей в краевом штабе поддержки Ельцина высокий чиновник с большим стажем не мог сдержать слез, говоря об итогах выборов в крае: "штабисты" работали буквально на износ, пролопатили за предвыборную кампанию такой колоссальный объем работы – и вот тебе на..."» (Российская газета. 1996. 11 июля).

Пролопатили–перелопатили. По-видимому, слово *пролопатить* возникло по ассоциации со словом *перелопатить*, однако никакого нового смысла оно не несет.

Наконец, отметим интересную тенденцию в языке средств массовой информации последних лет: естественное для русского языка сочетание существительное + существительное часто заменяется сочетанием прилагательное + существительное: «Быстрые и решительные меры Центробанка в отношении широко известного Тверьуниверсалбанка, который испытывает значительные сложности с обслуживанием клиентских платежей, позволяют предположить, что "цепной реакции" в банковском мире не последует» (Российская газета. 1996. 11 июля); "Не скрою, приятно наблюдать на самом верху турнирной таблицы со стопроцентным очковым показателем сборную Россию" (МК. 1996. 19 дек.); "Не удивляйтесь – цены на центровые квартиры в Москве выросли кардинально!" (Советская Россия. 1996. 18 янв.).

Такие замены встречаются достаточно часто (*платежи клиентов–клиентские платежи, квартиры в центре–центровые квартиры, качество шоколада–шоколадное качество*) и демонстрируют сильное воздействие английского языка на язык русский. Обычно при этом искажается и мысль говорящего.

Как видим, найти точное слово бывает не так-то легко. И сходство между словами часто путает пишущего, а он запутывает нас, читателей.

Русский язык в республике Сенегал

СУЛЕЙМАН НДЬЯЙ

В далеком от России западноафриканском городе Дакаре, столице Республики Сенегал, на самой западной точке африканского континента, у берегов Атлантического океана находится знаменитый лицей Ламин Гей.

Отсюда виден дикий Остров змей, расположенный вблизи столичного пляжа Сумбеджун и популярного дакарского "рыбного рынка". На противоположной стороне, южнее дикого Острова змей находится еще один остров: всемирно известный Горэ, откуда отправляли рабов в чужие африканцам дальние американские и карибские края.

Остров Горэ сегодня является историческим памятником мирового значения и находится под защитой ЮНЕСКО. Сюда ежедневно приезжают люди со всех концов земного шара, чтобы увидеть свидетельства старых стен острова о долголетних и многотысячных страданиях африканских мужчин, женщин и детей, которых в течение веков отправляли в безвозвратное мучительное путешествие.

Остров Горэ оккупировали по очереди португальцы, голландцы и французы, поэтому здесь дома построены по-французски, по-голландски, по-португальски... Они мне напоминают главное здание знаменитого вышеупомянутого лицея Ламин Гей. Его здание построено в колониальном стиле и также является памятником колониального прошлого нашей страны.

Лицей Ламин Гей был тогда местом для обучения детей сначала колониальных, а позже и местных чиновников. Здесь работали лучшие преподаватели и находился самый престижный интернат страны.

Когда я был еще школьником, то мечтал продолжать учебу именно в этом лицее. Но мне не повезло. После удачного окончания школы меня отправили в почти никому неизвестный тогда еще колледж Толбьяк города Дакара... Но судьба моя еще не сказала тогда своего последнего слова. Много лет спустя, после окончания учебы в Советском Союзе, сбылась моя мечта в иной форме: в 1987 году, окончив мучительную

годовую стажировку в Высшей Нормальной Школе Дакарского университета, я отправился во "дворец своей детской мечты" как... преподаватель русского языка!

Лицей Ламин Гей один из первых лицеев Сенегала, где началось обучение русскому языку. Сегодня русский язык преподается в десяти с лишним лицеях страны.

В начале 60-х годов большинство африканских стран получило независимость и, таким образом, появилась возможность самостоятельно определять содержание программ в своих учебных заведениях.

Республика Сенегал считается одной из африканских стран, где система образования имеет большие успехи. Здесь находится один из первых современных африканских университетов – Дакарский университет, носящий имя всемирно известного сенегальского египтолога, автора многих трудов Шеха Анты Диопа. В нем обучается свыше двадцати тысяч студентов как сенегальских, так и иностранных.

С первых лет своего существования независимое государство Сенегал уделяет большое внимание проблемам национального образования. С давних пор считают, что, поскольку в стране мало полезных ископаемых, для ее развития нужно, главным образом, опираться на "мозги". "Самая большая ценность Республики, ее истинное богатство – это ум сенегальского человека", – так говорил бывший президент страны – поэт и член Французской Академии – Леопольд Седар Сенгор. Попутно заметим, что ему в этом году исполняется 90 лет. Он является одним из основателей в 30-е годы во Франции движения "Негритюд". Сенгор мечтал о сенегальце, хорошо знающем не только собственную культуру, но и готовом воспринять культуру других народов мира, о сенегальце универсального облика, который может, не стыдясь, встретить будущее. Поэтому он и его правительство особенно заботились о преподавании и изучении языков других народов мира. Среди них почетное место занял русский язык, язык великого русского поэта Пушкина, прадед которого – Абрахам Ганнибал – африканец. "Русский язык мы должны изучать за то, что это язык великого Пушкина, в венах которого течет африканская кровь", – отмечал Сенгор в одном из своих многочисленных выступлений.

В 60-е годы преподавание русского языка велось сначала в Советском культурном центре Дакара преподавателями из СССР. Оно постоянно развивалось и к концу 60-х годов русский язык уже изучали в нескольких лицеях страны (в столице, в городах Сен Луи и Каолак).

Советские преподаватели добились того, что многие ученики и студентки Сенегала, изучавшие русский язык, захотели продолжить свою учебу в Советском Союзе. Среди них было много будущих преподавателей русского языка.

В 70-е годы три сенегальских филолога, закончивших учебу в Совет-

ском Союзе, преподавали русский язык рядом с советскими педагогами. В 1985 году их было уже пятеро. Они прошли сначала годовую педагогическую стажировку в Высшей Нормальной Школе Дакарского университета, куда были зачислены только после конкурсного отбора. Затем каждый год из Советского Союза приезжали по 3–4 магистра филологических наук, которые также проходили стажировку до поступления на работу в лицей страны.

Сегодня в Сенегале насчитывается около 25 преподавателей русского языка, выпускников советских вузов. Еще до распада Советского Союза они заменили своих предшественников, советских коллег в лицеях и в Дакарском университете, где русский изучают как второй иностранный язык; уроки русского языка здесь ведут два сенегальца, оба – филологи, кандидаты наук.

Преподавание и изучение русского языка имеют в Сенегале свое "золотое время" с 1985 до 1990 года, когда советские и сенегальские преподаватели работали вместе. Сенегальские преподаватели могли регулярно посещать Советский Союз для повышения квалификации и практики в "языковой среде". Совершенствовать свои знания они могли также и в дакарском Советском культурном центре на семинарах и других мероприятиях.

Ассоциация преподавателей русского языка (АПРЯС) совместно с Министерством Национального Образования Сенегала старалась решать все вопросы, связанные со стажировкой преподавателей, с обеспечением учеников и студентов учебниками, созданием клубов русского языка, показом фильмов о России, занятием пением. Преподавателям было приятно работать.

К сожалению, после августовских событий 1991 года и распада Советского Союза положение стало совсем иным. Сведения, получаемые от массовых средств информации, были чрезвычайно тревожными и представляли Россию "страной крайних опасностей". Работники посольства Советского Союза в Дакаре сами не очень точно разбирались в ситуации, сложившейся в их стране, стали меньше общаться с сенегальскими преподавателями, что привело к ослаблению контактов. Не получив поддержки со стороны сотрудников посольства и тяжело пережив закрытие Советского культурного центра, многие преподаватели стали работать без вдохновения. Появились сомнения в пользе знаний русского языка.

Но, несмотря на все эти отрицательные моменты прошлого, число изучающих русский язык в Сенегале сейчас увеличивается.

В настоящее время, после того как российское правительство приняло решение вновь ежегодно предоставлять бесплатные места в своих вузах зарубежным странам, имеется надежда (в частности, в развивающихся странах), что и преподаватели, и учащиеся будут

с большим интересом относиться к русскому языку. Первые смогут побывать в России для повышения квалификации (стажировка, аспирантура), а вторые получают шансы продолжать учебу именно в России.

Сегодня существуют проблемы другого рода, они связаны с содержанием книг и учебников, которые издавались в советское время и, следовательно, содержат материалы, посвященные советской действительности. Преподаватели вынуждены сами на базе имеющихся старых учебников составлять учебные материалы, изменяя тексты и приспособляя все к новому контексту постсоветского времени. Необходимо издание новых учебных пособий.

Преподавание русского языка в Сенегале может иметь большое будущее, несмотря на все упомянутые проблемы. Сенегал и Россия поддерживают тесные связи во многих областях и намерены дальше их углублять. Ассоциация преподавателей русского языка Сенегала (АПРЯС) предлагает открыть кафедру русского языка и литературы в Дакарском университете. Составлена программа, и есть надежда, что состоится положительное решение.

Что бы ни было, моя личная судьба и судьба многих других сенегальцев связана с русским языком. Я горжусь тем, что сегодня в Сенегале много хорошего знают о России, уважают русских и протягивают им руку дружбы и сотрудничества. Я особенно горжусь тем, что некоторые мои бывшие ученики получили образование в стране, язык которой они впервые учили у меня. Вернувшись в постсоветскую Россию, я благодаря русскому языку открываю для себя новый мир, мир новых явлений, мир, в котором российский народ одержит новые победы.

Дакар, Сенегал

Имя Нины Владимировны Чурмаевой хорошо знакомо нашим читателям. Почти 30 лет она сотрудничала с "Русской речью".

Предлагаемая вашему вниманию заметка обнаружена в архиве Н.В. Чурмаевой, безвременно ушедшей из жизни в 1995 году, и передана ее коллегами в наш журнал. Надеемся, и этот материал привлечет внимание читателей.

"Премудрость без правды есть хитрость"

Н.В. ЧУРМАЕВА,

кандидат филологических наук

Летописец под 1037 годом поместил "похвальное слово книгам": "Велика польза от учения книжного. Книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержания. Велика есть мудрость. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей".

Владимир Святой, при котором крестилась Русь (988 г.), положил начало строительству церквей и просвещению. Первая церковь построена Владимиром на холме, где до этого стояли языческие кумиры и где сам князь и его дружина приносили жертвы Перуну. Эта церковь носила имя святого Василия, небесного покровителя князя, так как Владимир при крещении своем получил имя Василий. По велению великого князя собирали детей у лучших людей и отдавали их в "учение книжное". "Матери же этих детей плакали по ним, как по мертвым", – добавляет летописец.

В княжение Ярослава этому уже не удивлялись. Строя церкви в разных городах, князь поставлял в них попов и давал им от богатств своих часть ("урок"), веля учить людей. Ярослав собрал много писцов и переводчиков, переводивших с греческого на славянский, "и списали книг множество". Новая вера и грамотность были тесно связаны между собой. Древнерусский летописец говорил об этом удивительно образно: "Будто кто-то землю вспахал, а другой засеял, а иные же теперь вот жнут и едят пищу неоскудевающую, – так и это: отец всего этого Владимир землю вспахал и размягчил, то-есть крещением просветил, сын же его Ярослав засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье принимаем книжное" (*верный* здесь употреблено не в нашем значении "верный", а в значении "приобщенный к вере христианской").

Князь Ярослав был прозван *Мудрым*, по-видимому, не только за то, что понимал необходимость просвещения и так много делал для этого. Он был умным и образованным человеком, очень любил книги. Летописец отмечал, что он читал их часто, "ночью и днем".

Не следует думать, что летописец пристрастен в описании исторических лиц и рисует их "однобоко": хороших князей – только хорошо, плохих – только плохо.

Как написано в известном сборнике "Пчела": "Кто не прикасался злым делам, тот еще не целомудр. Тот действительно целомудр, кто, вкусив греха, и сладости, и злого дела, воздержится от них в скором времени". Для примера можно привести одно событие из жизни Ярослава Мудрого.

Не всё было мудро в жизни этого достойнейшего из русских князей. Когда Ярослав был князем ("сидел", как говорили тогда) в Новгороде, было у него на службе много варягов, и творили они всяческое зло новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов. Разгневался Ярослав, призвал лучших людей новгородских и, обманув, перебил. В ту же ночь пришла ему весть от сестры его Предславы: "Отец твой умер, а брат Святополк сидит в Киеве, он убил братьев Бориса и Глеба, берегись его". Горько раскаялся князь в содеянном! Наутро, собрав остаток дружины, сказал: "О милая моя дружина, вчера я перебил ее, а сегодня она понадобилась. Новгородцы показали удивительное великодушие: "Князь, хотя и иссечены братья наши, можем за тебя биться". И бились. В результате этой битвы Ярослав "сел на столе" отца своего в Киеве, а Святополк бежал.

Величие мудрых людей в том, что они являются примером для подражания при жизни и долго после смерти своей. Любимый сын Ярослава Всеволод тоже любил книги и "учение книжное". Сидя дома, – как вспоминал сын его Владимир, – Всеволод изучил пять

иностранных языков. Важность этого выражена предельно кратко: "в том бо честь есть от иных земель".

Сам Владимир Мономах был достойным преемником мудрости своего деда и отца (прозвание *Мономах* он получил потому, что мать его была греческой царевной из рода Мономахов). Ему принадлежит широко известное "Поучение детям". Это во всех отношениях замечательное описание своей жизни и завещание-наказ не только своим детям, но и следующим поколениям, поэтому "Поучение" вписано в летопись. Высоко нравственный смысл жизни Владимира Мономаха предстанет во всей полноте, если вспомнить, каким было то суровое время.

Кровавые междоусобицы и защита отечества от степных кочевников – эти заботы были и у Мономаха. "Больших походов и сражений было 83, а малых и не вспомню, мирных договоров с половецкими ханами – 19", – пишет он в "Поучении".

Предотвращение междоусобиц было одним из главных дел князя. Силу оружия, извечный способ решения внутрикняжеских споров, Мономах старался заменить мирными договорами, против зачинщиков распри и войн создал союз князей-единомышленников. В наше время все это звучит банально, но и теперь нетрудно понять, сколько самообладания, выдержки и благоразумия требовалось при этом от самого князя. "Кто хочет над другими княжить, да учится прежде всего сам собою владеть" (Пчела). Его усилия в этом направлении особенно хорошо видны на отношениях его с двоюродным братом, князем Олегом Святославичем.

Автор "Слова о полку Игореве" называет Олега *Гориславичем*. Был он храбр и горяч, сеял распри меж князей и постоянно приводил на Русь половцев. Не раз и не два было так: когда братья выступали против половцев, Олег отказывался быть с ними.

Из-за этого Олега случилось Мономаху личное несчастье. Изяслав, юный сын Мономаха, пришел из Курска и занял Муром, принадлежавший Олегу. Олег потребовал, чтобы Изяслав вышел из его города. Тот отказался. Произошла сеча, и сын Мономаха был убит. Вернув Муром, Олег не успокоился, а занял Суздаль и Ростов, посадил везде своих посадников и начал брать дани. Мстислав, старший сын Владимира Мономаха, пришел из Новгорода защищать свою отчизну, предложил Олегу мир и обещал примирить его с отцом [Олег был двоюродным братом Владимира Мономаха и крестным отцом его сына Мстислава]. Он действительно просит отца не мстить за смерть Изяслава. "Уладимся и смиримся [т.е. помиримся], – пишет он отцу, – а братцу моему суд пришел, не будем за него местниками [т.е. мстителями], возложим то на бога..."

И Мономах отправляет Олегу послание.

"Горе мне, печальному и многострадальному! Много боролся

я с сердцем, помышляя, как стать перед страшным Судиею без казня... Ничего нет лучше, как жить в согласии, но дьявол, не хотя добра человеческому роду, сваживает нас искони: были рати при умных дедах, при добрых и блаженных отцах наших... Видя смирение сына моего [т.е. Мстислава], я сжалился и послушался, и написал к тебе сию грамоту: примешь ли ее с добром или с поруганием, увижу по твоему ответу... Когда дитя мое и твое [Олег ведь был двоюродным дядей убитому] было убито пред тобою, когда ты увидел кровь его, и тело увянувшее, как цвет молодой отцветший, ты вникнул бы в помыслы души своей стоя над ним, и сказал бы: "увы мне, что я сделал... – грех себе, отцу и матери слезы". Тебе бы надо покаяться тогда и написать мне грамоту утешительную... Сын мой пал на полку [т.е. в сражении], здесь нет ничего необыкновенного. Суд пришел к нему от бога, а не от тебя. Так умирали и отцы наши. Конечно, лучше бы он не искал чужого, – не ввел бы он меня в стыд и печаль. Отроки соблазнили его, ища себе пользы, и напали ему зло. Сотворив волю свою, и воротя себе Муром, тебе не занимать бы Ростова, а послать ко мне, мы и уладились бы отсюда... Я не желаю зла братье своей, но желаю добра братье и Русской земле... Молвлю тебе так не по нужде, ни беды мне нет никакой, но душа мне лучше всего света сего" (Погодин М. Мономах // Москвитянин. 1851. № 8. Кн. 2).

Документ поразительный – не только для того времени, но и для нашего. Чувства отца зывали к мести, чувства князя, ответственного за судьбу всей земли, – к великодушию. Мономах предстает здесь как человек, обладающий всеми мужскими добродетелями: мужеством, мудростью, справедливостью и милосердием.

Некогда спросили Агесилая, царя лакедемонского (Лакедемон – то же, что Спарта), какая из добродетелей наиболее почитаема – мужество или правда (т.е. справедливость)? Ответил царь: "Мужество не принесет добра, если при нем не будет правды, потому что если бы все люди были праведными, не понадобилось бы и мужество. Также мудрость без правды есть хитрость, смиренство без мужества – ленивство, правда без смиренства [т.е. милосердия] – жестокость" (Памятники литературы Древней Руси XVI–XVII вв. М., 1987).

Публикация Т.А. Сумниковой

*Изображение святых мест
в паломнических хождениях*

Т.Н. МАЛЫШЕВА

Паломнические хождения как жанр древнерусской литературы сложились в самом начале XII века. Первое дошедшее до нас произведение этого жанра – "Хождение игумена Даниила". Именно Даниил разработал принципы создания путевых очерков и формальные компоненты этого жанра. Вся последующая древнерусская литература хождений развивалась в том направлении, которое было задано игуменом Даниилом. Предметом изображения становилось лишь то, что видел сам путешественник. Хождения представляли собой цепь небольших законченных очерков, соединенных на основе хронологического или топографического принципов, нередко автор прибегал к библейским или апокрифическим легендам, но обязательно соотносил их с описываемой местностью.

Повествователь в паломнических хождениях – глубоко религиозный, благочестивый человек, подверженный опасностям и трудностям пути. Круг интересов писателей-паломников весьма широк, их привлекают различные стороны жизни других стран: природа, экономика, быт, нравы. Но главную задачу своего путешествия паломники видят в описании святых мест и произведений искусства.

Преобладание в памятниках тех или иных объектов связано с направлением путешествия: в Царьграде внимание, как правило, привлекали произведения искусства, в Иерусалиме – святые места. Но даже при описании одних и тех же святынь писатели-путешественники не повторяли друг друга. В каждом хождении просматривается облик писателя, чувствуется авторский стиль, употребление индивидуальных художественных приемов. Так, например, Стефана Новгородца интересуют не только святыни Софийского собора в Царьграде, но и архитектурные особенности византийской столицы, политическая обстановка в Византии.

Анонимного автора хождения конца XIII–начала XIV века наряду с христианскими святынями привлекают памятники светской скульптуры и связанные с ними народные легенды.

Интересны описания Мамврийского дуба у Даниила и Стефана Новгородца. Для того чтобы подчеркнуть одну и ту же идею, авторы

используют различные художественные приемы: "Дивно же и чудно есть толь много лет стоящу древу тому, на толь высоце горе, не вредися, ни испорохнети (не гниет), но стоит утвержен от Бога, яко то перво насажен" (Даниил). Автор использует повторение сходных по лексическому значению глаголов (*не вредися, ни испорохнети*), противительную конструкцию, усиленную сравнением. Стефан Новгородец так описывает Мамврийский дуб: "Тои дуб зелено листвие имеет и зиме. и лете и до скончания веку". Мысль выражается с помощью цветового эпитета и употребления ряда однородных обстоятельств времени.

Попав в Иерусалим, каждый паломник считает своим священным долгом описать главную святыню христианства – церковь Воскресения Господня. Читаем у игумена Даниила: "Есть церкви Воскресения Господня: всяка образом кругло создана, столпов имагь 12 обьлых (круглых) и б зданых (четырёхугольных), мощена же есть досками мраморными красно; двери же имагь шестеры, а на полатех (хорах) столпов имагь 16. А над полатями под верхом исписани суть пророци святии мусиею (мозаикой), яко живые стоят, а над олтарем велицем написано есть Адамово воздвижение (сотворение) мусиею; горе верху написано есть мусиею Вознесение Господне оба полы олтаря на обою столпу написано есть мусиею Благовещение... Под тым самым верхом непокрытым гроб господень. Есть же сице гроб господень: яко печерка мала у камени сечена, дверци имущи малы, яко может человек влести на колену, поклонься, возвыше ж есть мала, всямокачна, 4 локот и в длину и в ширину... Верху же над пещеркою сделан яко теремець, красен на столпех, верху же кругол и сребреными чешюями позлащенными покован; и на верх того теремца стоит Христос, сделан сребром яко в мужа более, и то суть фрязи сделали. И ныне есть под самым верхом тем непокрытым суть двери 3-и у теремца того ученены хитро, яко и решето крестьци (в крестик). И теми дверьми влазят людие к гробу господню... Церковь та и в дле и в преки имагь же сажень 30" (Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984).

В этом отрывке можно проследить за художественной манерой игумена Даниила. Писатель называет основные размеры храма, указывает на архитектурные особенности и декоративные элементы, подробно перечисляет изображения, помещенные в соборе. Даниил рассматривает церковь как некую художественную целостность, каждый элемент которой и все в целом получает эстетическую оценку. Эти описания становятся традиционными для жанра хождений. Они есть у анонимного автора конца XIII века, Стефана Новгородца, Игнатия Смольнянина, инока Зосимы, Трифона Коробейникова. По наблюдению В.В. Бычкова, описания храмов в хождениях – образцы документально-искусствоведческих описаний архитектурных сооружений, что было не

характерно для византийской традиции, где, как правило, содержались впечатления, производимые храмом на зрителя, либо символично-толковательные описания (Бычков В.В. Эстетическое сознание Древней Руси. М., 1988).

Но вернемся к стилистическим особенностям описания церкви Воскресения Господня у игумена Даниила. По эстетическим канонам Древней Руси круг – символ совершенства. Не случайно Даниил употребляет определение *круглый* для описания церкви ("образом кругло создана", "верху кругол"), которое содержит не только указание на форму, но и эстетическую оценку, возводя объект в ранг совершенных. Подобный прием встречается у Даниила при описании других святых: "камень кругол", "двор камен кругол" (о месте, где вознесся Христос), у Игнатия Смольнянина: "Давыдов дом был камен кругол" и других писателей-паломников.

При описании церкви Воскресения Господня Даниил использует конкретные эпитеты, качественные определения: "печерка мала", "дверци малы", "досками мраморяными". Они показывают размер, материал, из которого изготовлены предметы, и выполняют изобразительную функцию. Интересно выражение "в олтари велицем"; определение указывает на физические качества, но эти качества обусловлены эстетическими представлениями автора о прекрасном. Физическое здесь – лишь основа поэтических ассоциаций. Данный эпитет характеризует объект с точки зрения его идеального совершенства. Подобные эстетически значимые эпитеты часто употребляются другими писателями-путешественниками: "церковь велика" (Стефан Новгородец), "на высокой горе" (Трифон Коробейников). В текстах эти эпитеты выполняют изобразительно-выразительную функцию.

В анализируемом отрывке Даниил использует эпитеты *серебряный* и *золотой*: "верху сребряными чешюями позлащенными покован", "Христос сделан сребром". Основное значение этих эпитетов – качественное, указание на материал.

Для стилистической манеры игумена Даниила характерно употребление сравнений, в которых для изображения святыни в качестве образа сравнения используется бытовой предмет: Гроб Господень сравнивается с пещеркой ("гроб господень яко пещерка мала"), верх пещеры – с теремком ("верху же над пещеркою яко теремец"), двери – с решетом в крестик ("двери 3-и, яко и решето крестьци"). Символического плана данные сравнения не имеют и выполняют изобразительную функцию. Они основаны на зрительных ассоциациях, что было не характерно для древнерусской литературы, где преобладали сравнения по сущности и по действию. На основе сходства по сущности построено сравнение "исписаны суть пророци святии мусиею, яко живи стоят". Сравнение произведений искусства с человеком считалось вы-

ражением их совершенства. В жанре хождений подобные сравнения типичны для изображения икон, скульптур, мозаик, фресок.

Таким образом, для описания церкви Воскресения Господня Даниил использует конкретные, качественные определения, эстетически значимые эпитеты, сравнения, основанные на признаке зрительного сходства и сходства по сущности. Все поэтические средства, употребляемые автором, складываются в особую систему, отвечающую основной установке жанра – описанию.

А вот как изображает церковь Воскресения Господня Трифон Коробейников, автор наиболее популярного хождения конца XVI века: "В полунощном угле, в том же граде стоит великая церковь Воскресение Христово, где гроб господень каменный, длина той церкви 70 сажен, а поперег 50 сажен, а церковь вельми чудна, а потписана церковь мусиею. А гроб господень от мрамора белаго камени: длина гроба господня 9 пядей, а поперег 5 пядей, а стоит гроб господень среди великия церкви, а верх у великия церкви не сперт над гробом господним, а сказывают, розбили турки... А сказывают, тот гроб учинила Елена царица. А пот тем гробом тот гроб, где господь наш Исус Христос бысть Иосифом и Никодимом положен, из него ж воста и нам дарова живот вечный. И к тому гробу не входимо бысть никому и вход под землю закладен бысть. И пред[д]верми того святого гроба господня в пределе лежит камень, что ангел Господень отвалил от двери гроба господня" (Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988).

В целом описание церкви следует традициям хождения игумена Даниила: указаны основные размеры храма и Гроба Господня, упоминаются росписи, архитектурные особенности церкви. Трифон Коробейников использует основные стилистические приемы Даниила. Но если при описании храма у Даниила мы не встретили ни одной легенды, то Трифон Коробейников приводит сразу четыре, которые следуют одна за другой и как бы завершают описание в смысловом плане. Использование христианских легенд – характерная черта творческой манеры Трифона Коробейникова, в данном случае этот прием является способом документализации текста.

Новый тип художественного описания святых мест встречаем в "Хождении Василия Гагары в Иерусалим и Египет", которое относится к середине XVII века. Автор отступает от традиционного документально-искусствоведческого принципа описания архитектурных сооружений. Рассказ о церкви Воскресения Господня строится на основе личных впечатлений автора от святыни, причем речь идет не о самом соборе, а лишь передаются состояние, впечатления, действия автора и других лиц: "И турки же храм отпечатали, и оттолкнуша, и пустиша нас в тою великую церкви, а взяша с меня и з человека моего 14 ефимок. Митрополит же, и все священники, и старцы гречески

придоша в тое великую церковь помолитися, и видети гроб господень, и к нему приложитися. И как я, многогрешный, преступи через порог и увиде образ Саваофов и Деисус, велми написано страшно и чудно, и в то время на меня, многогрешного раба, было послание Божие в той велицей церкви ноги у меня отнело, и состояти не мог, а того было с час бойчей. И я, многогрешный раб, те поры нача каятися о гресех своих блудных, и призывая на помощь господа бога своего Иисуса Христа и пречистую его Богоматерь, и возопи велиим гласом. А греческие же попы и мнихи, на мя, многогрешного раба, зря восплакася, что ни над кем такова божия послания не бывало. И услыша господь бог молитву мою и слезное рыдание, и по мале времени господь мя исцели от того послания своего божия, и пойде о себе к господню гробу, и у гроба господня помоляся и приложися" (Записки русских путешественников XVI–XVII вв.).

Большое внимание Василий Гагара уделяет личным приключениям, вводит в текст бытовые мотивы: сообщает сумму, которую потребовалось заплатить за вход в храм. Да и сам образ паломника-повествователя не укладывается в рамки благочестивого и смиренного человека. Свое паломничество к святым местам он рассматривает как способ борьбы с греховностью, как духовное очищение. Он постоянно употребляет самоуничижающий эпитет "многогрешный".

Таким образом, на примере описания церкви Воскресения Господня тремя авторами, принадлежащими различным эпохам, мы видим эволюцию описания святых мест в жанре паломнических хождений. Зародившись в творчестве игумена Даниила в начале XII века, документально-искусствоведческий тип описания архитектурных сооружений остается господствующим вплоть до XVII века. На протяжении пяти веков авторы, следуя определенному жанровому канону описания святынь дополняют его новыми стилистическими и беллетристическими приемами.

XVII век является ключевым в развитии жанра хождений. С этого времени происходит усиление личностного начала в произведениях, что приводит к изменению на сюжетном, композиционном и языковом уровнях.

Березовая каша в субботник

Виды наказаний и их названия в духовной школе XIX века

О.А. АНИЩЕНКО,

кандидат филологических наук

Жизнь у воспитанников бурсы была довольно суровой, существовала целая система видов наказания, поскольку это был основной метод воспитания. Об этом свидетельствовал семинарский жаргон, изобиловавший соответствующими словами и выражениями. Выговоры ученикам назывались *распеканции* "строгие учительские наставления". Частые распеканции "вдохновили" семинаристов на создание синонимичных существительных на *-ция*: *накопация* (от переосмысленного *накопать* "отругать"), *насюрация* (от придуманного в школьной среде *насюрать* "сделать выговор"), *нотация* (заимствование из лат.: *notatio* "порицание, замечание"). Из данных жаргонизмов только слово *нотация* стало широко употребительным, проникнув в русский литературный язык (Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1971).

Выговор являлся самым слабым наказанием, но сопровождался ударами, или, говоря языком семинаристов, *потасовками*: "Наконец однообразное чтение и стуканье прекращались; каждый следовал собственному вдохновению; учитель для восстановления порядка кричал, бегал, давал оплеухи и потасовки..." (Ростиславов Д.И. Об устройстве духовных училищ в России. Лейпциг, 1863. Т. 2). Однако М. Фасмер в этимологии существительного *потасовка* не нашел ничего "семинарского", а связал его происхождение с русским глаголом *тасовать* (карты), вероятно, ориентируясь на первоначальное, как он считает, значение существительного: "неразбериха", откуда следует и современное значение слова "драка, свалка", а в переносном смысле "перебранка, ссора". Но тогда остается немотивированным появление значения "наказание, сопровождающееся побоями, ударами" (в современных словарях дается с пометой *устар.* и является, вероятней всего, первоначальным), которое зафиксировано в литературе второй половины XIX века: "Существовали лишь рассказы о том, как один надзиратель, в наше время уже не служивший в училище, позволял себе делать потасовку ученикам и, случалось, нарывался на такого же

ученика, который ему сопротивлялся и вступал с ним в борьбу" (Луппов П. Вятское духовное училище в начале последней четверти прошлого столетия. Воспоминания и заметки бывшего воспитанника. СПб., 1913). И.Г. Добродомов придерживается семинарского происхождения слова *потасовка* и считает, что по своему происхождению существительное не имеет, вероятно, никакого отношения к русскому глаголу *тасовать*, а было образовано, скорее всего, в семинарской среде от греческого глагола со значением "бить, ударять, колотить". Этот глагол встречается постоянно в древнегреческом языке и сохранился в новогреческом, только в переносном значении "подавлять, утихомиривать силой" (Добродомов И.Г. Потасовка // Русская речь. 1987. № 2).

Разгневанный учитель мог ударить бурсака всем, что попадалось под руку; чаще всего в ход пускалась школьная линейка, удар которой по руке назывался *паля*: "Грамматики были еще очень малы; были все почти в изодранных или запачканных платьях, и карманы их вечно были наполнены всякою дрянью, как-то: бабками, свистелками... иногда даже маленькими воробьянками, из которых один, вдруг чиликнув среди необыкновенной тишины в классе, доставлял своему патрону порядочные пали в обе руки..." (Гоголь. Вий).

Но, как правило, наставники прибегали к розге. Обычно в качестве синонима к слову *розга* употреблялось выражение *березовая каша*, происхождение которого связывается с существовавшей в старой школе традицией отмечать начало какого-либо этапа обучения угощением (кашей). Провинившихся и нерадивых учеников вместо угощения пороли березовыми розгами, угощали *кашей березовой* (неслучаен поэтосу и созданный в бурсе оборот *семинарская каша*). Редко кто из учащих не отведал ее: "Мне, благодарение богу, не случилось испробовать березовой каши ни в 1-м, ни во 2-м классах училища, а это было уже исключительным для меня счастьем" (Полисадов Г. Дома и в школе. Из моих воспоминаний. Владимир, 1915); «Они (добродушные учителя) как бы стыдились, что им приходится прибегать к "березовой каше", и как только ученик сильно раскричится, приказывали прекращать экзекуцию» (В.К. Около бурсы // Русская старина. 1911. Т. 146. № 4).

В речи наставников оборот *березовая каша* производит гнетущее впечатление, словно приобретая новые смысловые оттенки, усиливающие злорадство воспитателей: "В уезде лес вздорюжал, – уж больно много срубил, – все вашему брату на березовую кашу" (Измайлов А. В бурсе. СПб., 1903); «Подлый педагог точно обрадовался этим словам и только усилил свои недовольства над беззащитным ребенком. "Ну, вот и отлично, – продолжал он, – мы и поздравим тебя с ангелом: да по русскому обычаю и кашей угостим; только каша-то у нас березовая; не

взыщи – другой не приготовили» (Сычугов С.И. Записки бурсака. М.–Л., 1933).

Однако наряду с *березовой кашей* употреблялись в семинарской среде *березовый чай* и *березовая баня*: "Провинись не только аудитор, но и сам классический старший и даже квартирный, – глядишь – и он тоже с поникшей головой медленным шагом отправляется на лобное место: и ему там несколько его товарищей и даже подчиненных помогают освободить себя от лишней одежды и оставаться неподвижным в распростертом положении; – и ему тоже приходится кушать березовый чай" (Ростиславов. Указ. соч.); «... в классах учителя без всякого милосердия наказывали мальчиков розгами за всякую безделицу, давая им по сто и более ударов, так что иной бедняк после "березовой бани" лежал в больнице недели по две, по три, а то и совсем отправлялся на тот свет» (Малеонский М. Владиславлев. Повесть из быта семинаристов и духовенства. СПб., 1883. Т. 1). В данных оборотах большую смысловую нагрузку несет прилагательное *березовый*, указывающее на материал для розог.

Воспитание "посредством лозы" привело к бытованию многочисленных выражений, связанных с понятием "бить", "сечь": *выдать горячих блинов, отмерить на фуражки, драть (сечь) под звонком*. Последнее выражение означало одно из самых жестоких истязаний, которому придавался особенный вид торжественности: "...выходили на средину двора ректор, инспектор, учителя и ученики всех классов, – и сторож начинал, не торопясь, звонить в колокол, висевший на столбе около классов. Народ уже знал, что значит подобный звон в училище и сбегался со всех сторон сотнями. Выводили несчастного, – начинали. Сekli иногда до тех пор, пока мальчик, часто 13–14 лет, терял сознание..." (Записки сельского священника: "белос духовенство и его интересы" // Русская старина. 1882. № 2).

В том же значении употреблялись в среде учеников синонимичные варианты: *драть (сечь) под колоколом, драть (сечь) под колокольчиком*: "Начальство, узнав его проделки, высекло его под колоколом, после чего, говорят, он был снесен в больницу, где отдал душу богу" (Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. Полн. собр. соч.: в 2-х т. СПб., 1904. Т. 2); "Вот была порка-то! драли тогда под колокольчиком, среди двора, слева и справа, закачивали штук по триста" (Ростиславов. Указ. соч.).

Специфическим для бурсы является также фразеологический оборот *выдрать (выпороть) на воздухах*, значение которого раскрыто Н.Г. Помяловским в его раннем рассказе "Вукол": «"Выдрать его на воздухах", – сказал Лобов голосом юпитера-громовержца. В одно мгновение подхватили Гаврилыча за руки и ноги, повис он на воздухе в горизонтальном положении, и справа и слева начался хлест и свист розог» (там же. Т. 1). Подобные примеры встречаются и у других авторов.

К концу XIX века наказание *на воздухах* как одно из самых жестоких в бурсе запретили: «Ученики училища... вспоминали с чужих слов о том, как порол в былое время "на воздухах", и служители Минервы являлись на уроки под воздействием Бахуса» (Измайлов. Указ. соч.). Данный оборот вышел за пределы семинарии: "Жилось ему у меня: как коту, хоть и частенько порол я его на воздухах..." (Чехов А.П. В приюте для неизлечимо больных и престарелых. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. М., 1975. Т. 3).

Ежедневными телесными наказаниями объясняется и рождение отглагольных существительных: *секуция*, *лупсенция*, *поронция*, которые обозначали порку, имевшую еще одно жаргонное название – *румяна*. Общеупотребительное слово *румяна* "розово-косметическое втирание (или пудра) для лица" в метафорическом употреблении семинаристов означало наказание, после которого тело бурсака приобретало розово-красную окраску: "Пятый жених на другой день получил от инспектора румяны, то есть блистательную порку" (Помяловский. Указ. соч.).

Непосредственно с наказаниями связано и специфически школьное новообразование *субботник*: "*Только бы перенес Бог через субботу (школьническое) (...)*. В школах и семинариях звали *субботками* сеченье учеников по субботам, когда чинилась расправа за всю неделю" (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. IV).

В современных толковых словарях школьное значение слова не зафиксировано, и сегодняшние учащиеся, выходя на субботник – "добровольную, коллективную, безвозмездную работу", не предполагают о существовании того "неприятно-пугающего" значения, которое имело это существительное в дореволюционных учебных заведениях.

В бурсе существовали наказания и без применения лозы и рукоприкладства. Так, провинившихся поселяли на определенный срок под особое наблюдение старшего. Наказание это носило, как писал С.И. Сычугов, "характерную кличку" *ссылка на поселение*: "Приговоренный к ссылке, по явлению об этом старшему номера, переселялся со всем своим хламом на новое место жительства. В номере ставился для него особый столик для занятий; кровать же его помещалась неподалеку от кровати старшего" (Сычугов. Указ. соч.). Само выражение заимствовано из судебной терминологии, но в кругу учащихся оно было переосмыслено и приобрело эмоциональный характер.

Наказывали учеников и голодом, что способствовало появлению устойчивого оборота *голодный стол*, упоминание о котором часто встречается в литературе, изображающей бурсацкую жизнь: "У порога столовой стоял так называемый голодный стол с графином воды, солонкой с солью и кусочком хлеба в тарелке" (Глижинский К. Из обрядов умирающей бурсы в горнило жизни. Очерки последних дней бурсы и современного развала церковно-приходской жизни. СПб., 1913);

"Затем принесли небольшой стол, поставили на нем миску с водой, положили кусок хлеба, словом, устроили ему то, что называется и теперь в семинарии голодным столом" (Курдиновский В. Страничка из жизни духовно-учебных заведений Полтавской Епархии в середине прошлого (XIX) столетия. По рассказам А.М. Пархомовича. Кишинев, 1911); «За более серьезные проступки сажали за так называемый "голодный стол". Наказание голодным столом состояло в том, чтобы в то время, как все общежитники обедали в столовой, провинившийся садился в этой столовой за ненакрытый стол, перед ним ставился ломоть черного хлеба с солью и кружка с водой» (Луппов. Указ. соч.). Хлеб, соль и вода составляли в сознании учеников своеобразный неизменный букет, поэтому голодный стол назывался еще *букетом*, а отсюда и появление фразеологического оборота *сидеть за букетом*: «... само начальство, назначая это наказание, говорило: "садись за букет на столько-то дней или недель"; Единственный мой нелегальный поступок состоял в курении табаку, за который я давно уже отсидел два дня на букете" (Сычугов. Указ. соч.).

И последней мерой воздействия на духовных воспитанников, как и в других школах, было исключение, а на языке семинаристов – *отправить за ворота*. Это выражение употреблялось в прямом и переносном значениях. Здание школы окружала стена с большими воротами, и *отправить за ворота* означало "вывести за ворота", а в переносном смысле – "исключить, выгнать за плохую дисциплину и неуспеваемость". Так, Н.Г. Помяловский выделяет это выражение курсивом и в скобках дает пояснение: "Проучившись в четырех классах училища по два года, такие делались великовозрастными; эту причину отмечали в титулке ученика (в аттестате) и *отправляли за ворота* (исключали)". В кавычки взято оно в книге Скроботова "Приходской священник Александр Васильевич Гумилевский. Подробный биографический очерк": «По прошествии года за лень и малоуспешность в бурсацкой науке, Гумилевский должен был "отправиться за ворота" бursы на все четыре стороны» (СПб., 1871).

Так, строгие меры наказания, ежедневные розги нашли отражение во фразеологизмах, вошедших и в литературный язык, и в повседневную жизнь.

Казахстан,
Кокишетау

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

Новьяки. Поселок в Рязанской области. В основе названия слово *новья* в значении "вновь освоенная земля, расчищенная от леса и кустарника под пашню" или "новое поселение вообще". Поселок находится в лесной местности.

новьяковцы, новьяковец
новьяковский, -ая, -ое

Новинка, Новинки. Названия селений, неоднократно встречающиеся на территории Центральной России: село *Большая Новинка* – в Московской области; *Новинка* – в Ленинградской. *Новинки* – в Костромской, Ленинградской, Ярославской и других областях. О происхождении названий см. *Новики*.

новинцы, новинец и новинковцы, новинковец
новинский, -ая, -ое и новинковский, -ая, -ое

Новки. Поселок во Владимирской области. Название означает "селение, основанное у нови – вновь освоенной пашни, росчисти" или "новое селение вообще". См. *Новики, Новинка*.

новкóвцы, новкóвец
новкóвский, -ая, -ое

Новлэй. Мокшанское село в Мордовии. Название дано по реке *Навлей*, на которой основано село. В основе гидронима два общемордовских слова *нав* (*нава*) "окунуть" и *лей* "речка". Это значит, *Навлей* – речка, в которой мочили коноплю, лыко и т. п. (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР).

новлэйцы, новлэйец
новлэйский, -ая, -ое

Новозыбков (1809). Город в Брянской области. Название сложное, состоит из двух основ – *нов-* и *зыбк-*. Первая этимологически прозрачна, вторая восходит к апеллятиву *зыб* (*зыбь*) "зыбкое место, топь, трясина". Первоначальное название – *Зыбкая слобода*. С получением статуса города оно, вероятно, изменилось: это стал новый город, а не слобода и соответственно форма *Новозыбков*.

* Продолжение. Начало см.: 1994. №№ 1–4; 1995. №№ 1–6; 1996. №№ 1–6; 1997. №№ 1–4.

новозы́бковцы, новозы́бковец

новозы́бковский, *-ая, -ое*

Новокрасное. Село в Рязанской области. Возникло в 1850 году в связи с насильственным переселением части крестьян из сел Ново-никольское и Самодуровка в результате насильственного захвата земли князем Долгоруким. До 1917 года Новокрасное носило название *Новая Самодуровка*. Вторая часть названия *Самодуровка* была заменена в связи с революционными событиями на *Красное*, как символ новой жизни. Название было изменено по форме: вместо составного – сложное.

новокрасновцы и новокраснинцы, новокрасненцы

новокраснинский, *-ая, -ое* и новокрасненский, *-ая, -ое*

Новомичуринск. Город в Рязанской области. Возник в 1968 году как поселок при строительстве Рязанской ГРЭС. В названии отражена вторичность по отношению к уже существующему Мичуринску. Вторая часть названия также связана с известным селекционером И.В. Мичуринским, родившимся поблизости, в имени.

новомичуринцы, новомичуринец

новомичуринский, *-ая, -ое*

Новомосковск (1930). Город в Тульской области. Название двусловное: *нов(о)-, -московск* – новый по отношению к Москве. Топонимы с первой основой *новый*- широко известны в современной топонимии России, когда стали появляться новые города в связи с разработкой полезных ископаемых, развитием промышленности, энергетики и т.п. Названия с первой основой *нов(ый)*- – это один из фактов закона топонимического ряда: *новый – старый, большой – малый, верхний – нижний*. В Словаре географических названий страны приведено несколько сот топонимов с первой частью *нов-*. См. *Москва*.

новомосковцы, новомосковец

новомосковский, *-ая, -ое*

Новоржев (1777). Город во Псковской области. Более ранние названия этого города, по предположению А.И. Попова, *Ржева Пустая, Ржева Новгородская, Ржева* (Попов. Следы времен минувших). Он считал наиболее реальной славянскую версию. Как и в топониме *Ржев* (Тверская обл.), основа его *ржа, ржавый, ржавец*, обозначающая водные объекты с красновато-бурой водой, содержащей окислы железа. Первая часть *нов(о)-* – "новый" значит, что это новый город по отношению к другому, уже существующему, видимо, Ржеве на Волге (совр. Тверская обл.). В.А. Никонов приводил раннее название этого города – *Арио* (Никонов. Краткий топонимический словарь). См. *Ржев*.

новорже́вцы, новорже́вец

новорже́вский, *-ая, -ое*

Новосиль (1155)*. Город в Орловской области. В основе названия

сочетание *Новое село* (селение) или *Новая сила*, т.е. "крепость, укрепление", но в первом случае ожидалось бы *Новоселье*. Такие названия довольно широко известны на восточнославянской территории в форме *Новосёлки*, *Новосель*, *Новоселье* и др. (Лемтюгова В.П. Восточно-славянская ойконимия апеллятивного происхождения. Минск, 1983). Предположение о том, что в основе топонима мужское имя *Новосил* (Никонов. Указ. соч.) не имеет основания, т.к. имя это не известно в источниках.

новосильцы, новосилец

новосильский, -ая, -ое

Лихвинские горы да новосильские воры. Речь идет о беглых государственных преступниках, ворах, как их называли в XVI–XVIII веках, скрывавшихся от закона на южной окраине Русского государства, в частности, в горах под городом Лихвином.

Новосокольники (1925). Город в Псковской области. В основе названия два апеллятива *нов(о)* – "новый" и *сокольники*. Второй компонент названия свидетельствует о том, что поселение (и окрестные угодья) принадлежали сокольникам, людям, имеющим отношение к царской соколиной охоте. Вероятно, первоначально жители его поставляли ловчих птиц для соколиной охоты. Не исключено, что это было поселение царских сокольников, отошедших от соколиной охоты при дворе и получивших здесь землю для поселения. Первая часть топонима *нов-* – свидетельство наличия топонимического ряда: вблизи расположено селение Старосокольники. Ср. в Москве: микрорайон *Сокольники*.

новосокольниковский, -ая, -ое и новосокольнический, -ая, -ое

Новосолдатское. Село в Воронежской области. Оно было новым по отношению к другому Солдатскому – на реке Потудани. Сёла с названием *Солдатское* на Воронежской земле и вообще на юге Русского государства XVII века были основаны своеобразными солдатскими частями. Эти солдаты одновременно несли сторожевую, защитную службу на южных границах государства и были земледельцами. Они жили отдельными поселениями (Загоровский. Историческая топонимия Воронежского края).

новосолдатовцы, новосолдатовец

новосолдатовский, -ая, -ое и новосолдатский, -ая, -ое

Новохопёрск. Город в Воронежской области. Название дано по реке Хопёр, на которой он расположен. Новым назван потому, что возник на месте бывшего казачьего городка, жители которого принимали участие в Булавинском восстании. В результате подавления его городок был разрушен, и позднее на его месте была возведена крепость, получившая ранг города и название *Новохопёрск* (Загоровский. Указ. соч.). См. *Хопёр*.

Новохопёрцы, новохопёрец

Новохопёрский, -ая, -ое

Нóвый Курлák. Село в Воронежской области. Название дано по реке Курлак, на которой расположено село, основанное в середине XVIII века. *Новое* – потому что поблизости уже существовало село с таким названием. Происхождение гидронима не известно. При анализе его необходимо учесть наличие фамилии *Кулаков*, *Курлов* и прозвища (фамилии) *Курля* в русских исторических источниках XVI века (Веселовский. Ономастикон).

новокурлáковцы, новокурлáковец

новокурлáковский, -ая, -ое и новокурлáкский, -ая, -ое

Нóвые Рúсские Пошáты. Русское село в Мордовии. Составное по форме, сложное по происхождению: *Пошаты* от личного мужского дохристианского имени *Пошат*; *Русские* – говорит об этнической принадлежности населения; *Новые* – более позднее, чем село *Большие Мордовские Пошаты* (Инжеватов. Указ. соч.).

новопошáтовцы, новопошáтовец

новопошáтовский, -ая, -ое.

Нúрма. Поселок в Ленинградской области. По мнению исследователей, название представляет собой финский географический термин *нигті* "лужайка, травянистое место". Ср. Нурминское озеро в Приладожской низине заросло болотистыми травами (Кисловский. Словарь географических названий. Ленинградской области).

Ногíнск (1781). Город в Московской области. Название дано в 1930 году в честь большевика, деятеля советского государства В.П. Ногина (1878–1924). В XVI веке это село *Рогожа*, или *Ямская Рогожская слобода*, основанное на пути из Москвы в Нижний Новгород и Казань, жители которой должны были заниматься ямской службой. В XVII веке село называлось *Старый Рогожский ям*. В основе названия гидроним *Рогожа* по растению *рогоз* – *Typha* или *Phragmites* (ср. многочисленные названия *Рогожна*, *Рогозна*, *Ситня*, *Тростенское* и т.п.). С XVIII века – это город *Богородск*, название дано по храму в честь Пресвятой Богородицы.

ногíнцы, ногíнец

ногíнский, -ая, -ое

Продолжение следует

К 850-летию Москвы

ТРОПАРЁВО

М В ГОРБАШЕВСКИЙ,
доктор филологических наук

Завершает наше топонимическое путешествие на юго-запад Москвы короткое знакомство с историей географического названия *Тропарёво*. Оно принадлежало большому подмосковному селу, вошедшему в границы нашего города в 1960 году.

Нынешнее Тропарёво – это обширная местность между Ленинским проспектом и Боровским шоссе. Ее приметные ориентиры – Центральный дом туриста, гостиница "Салют", стоящая почти на самом слиянии Ленинского проспекта и проспекта Вернадского, красивая церковь Михаила Архангела конца XVII века, построенная в стиле "нарышкинского барокко", и станция метро "Юго-Западная". У современных московских архитекторов наименование *Тропарёво* ассоциируется с историей возведения в конце 60-х – начале 70-х годов экспериментального жилого массива, в ходе которого, как уточняет энциклопедия "Москва", "...отрабатывались методы монтажа различных типов зданий на основе единого каталога строительных деталей". В качестве пронического комментария к информации об этом строительном эксперименте напомним: роль дома на условной улице Строителей из фильма "Ирония судьбы, или С легким паром" на самом деле сыграл дом в Тропарёве на проспекте Вернадского – он расположен как раз напротив церкви Михаила Архангела...

Как тут не вспомнить ностальгические строфы одной из песен Вероники Долиной:

Мы не дети Арбата
Мы пришли на другие года.
Нас не пустят обратно.
Нас едва-то пустили сюда.

От детей Бирулёва до детей Тропарева
Голубая поземка метет.
Эти ноги здоровы.
Эти лица суровы.
Эти мысли никто не прочтет.

Меж Кузьминок недвижимых,
 Среди Лосинок неближих –
 Растерялся и плачет протак.
 Не отыщет тропинку
 На родную Неглинку.
 Не отыщет, бедняжка, никак!..

Поэтические метафоры Вероники Долиной понятны и объяснимы, но все же – если отойти от внешнего облика кварталов московских новостроек – не вполне корректны: история того же села Тропарёва лишь отчасти менее богата и насыщена, чем история улицы Неглинки, использованной поэтом как символ старинной Москвы в том же стихотворении-несне...

Такие известные историки прошлого, как И.Е. Забелин и С.Б. Веселовский, установили, что населенный пункт *Тропарёво* упоминается в старинных документах начиная с конца XV века, а название его было образовано по фамилии владельца – как и у многих других подмосковных сёл.

Родоначальником семейства Тропарёвых был, по-видимому, некий Иван Тропарь, о котором есть такая запись в документе 1393 года: "Сентября в 21 день преставися Иван Михайлович, нарицаемый Тропарь, в бельцех и положен в своем монастыре на селе своем".

В одной из купчих грамот 1491 года фигурирует "Фомина земля Трепарева" – фамилию *Тропаревых* источники иногда приводят именно в таком написании, через *e*. Фома Тропарев, владелец села Тропарева, был известным в Москве сурожским гостем – торговым человеком из генуэзской колонии Сурож (Согдея) на Черном море, ныне известной как крымский поселок Судак. Сурожане были известны кроме своей торговой деятельности и как переводчики, а также как проводники, знатоки многих территорий и дорог, особенно южных окраин Русского государства. Следует заметить, что земли к юго-западу от Москвы нередко становились вогчинами именно сурожан.

Что касается фамилии *Тропарёв*, от которой был образован топоним *Тропарёво*, то некоторые исследователи склонны видеть в ее основе нарицательное слово *тропарь*, обозначающее церковное песнопение в честь какого-либо праздника или святого. Слово *тропарь* – греческого происхождения (*troparion*); по какой-то причине оно могло превратиться в прозвище человека *Тропарь*, а затем – в фамилию *Тропарёв*.

Вотчинники Тропаревы в XVI веке передали село в московский Новодевичий монастырь, во владении которого Тропарёво пребывало два с лишним века. Как установила москвовед Н.П. Ильшева-Введенская, в ту пору в Тропарёве находился монастырский двор, управлявший хозяйством в селе и в "тянувших" к нему деревнях, из которых

к середине XIX века уцелело лишь Никулино. Сейчас этот топоним возродился в названии жилого массива Никулино, расположенного между Тропарёвом и Олимпийской деревней.

Любопытное описание Тропарёва дошло до наших дней благодаря сохранившейся писцовой книге 1627 года. К тому времени село было разорено в результате военных событий и действий: "Новодевичья монастыря, что на Москве, вотчина село Тропарёво, на Тропарёвском враге, а в нем место церковное, что была церковь Чудо Архистратига Михаила; да в селе во дворе поп Наум Иванов, да двор монастырской, а в нем живут 3 крестьянина, да 7 дворов крестьянских, в них 12 человек, да 2 двора бобыльских, в них 2 человека..."

Однако запустение в Тропарёве царило недолго. Уже в 1693 году началось возведение прекрасной каменной церкви, а к началу XVIII века в селе было выстроено сорок новых крестьянских дворов. Впоследствии Тропарёво привлекало москвичей не только своим живописным расположением, но и богатыми, большими монастырскими садами. Н.П. Ильшева-Введенская разыскала старинную статистику, согласно которой в 1884 году в Тропарёве было 60 дворов с населением более двухсот человек, земское училище, трактир. В советское время, перед Великой Отечественной войной Тропарёво было большим подмосковным селением: жило в нем более 800 человек.

Церковь Архангела Михаила стала одним из первых храмов, возвращенных верующим в годы "перестройки" – это произошло в 1989 году. Через год свершилось маленькое чудо: помимо колоколов, специально отлитых для храма на одном из уральских заводов, церковь Архангела Михаила вновь обрела один из прежних собственных, который был сброшен с колокольни в дни закрытия церкви при советской власти. Этот колокол был подобран, спрятан и сохранен одной жительницей села Тропарёва, благочестивой прихожанкой церкви. В возвращении колокола храму приняла самое деятельное участие труппа Театра на Юго-Западе; этот театр – одно из плодородных зерен русской культуры, достойная внимания достопримечательность современного Тропарёва.

Упоминанием о чудесном возвращении старинного колокола вновь открытому православному храму я завершаю свое повествование.

"С неба звёздочка упала..."

Происхождение образа

Т. В. ЗУЕВА,
доктор филологических наук

В частушках творчески используется запев с образом "упавшей звёздочки". Например:

С неба звёздочка упала
На земельку талую.
Я последний раз вплетаю
В косу ленту алую.

С неба звёздочка упала,
Наша Танечка пропала.
Не ищите, мать с отцом, —
Она с Юрой под венцом.

С неба звёздочка упала
На тесовую кровать.
Скоро дроздецка приедет,
Крепко будет целовать.

(Русская частушка. Авт. вступ. ст. и сост. А. В. Кулагина. М., 1993. № 1622, 1631, 1431).

Первое четырёхстишие – монолог просватанной девушки, которая прощается со своей волей и девичьей причёской – косой. "Упавшая звёздочка" – параллель к "исчезновению" невесты из родительского дома (она уже стоит *под венцом*). Наконец, звучит монолог любящей женщины, которая покорно и радостно ожидает близкую встречу, *крепкие* поцелуи...

Запев "С неба звёздочка упала..." используют сатирические частушки разного содержания:

С неба звёздочка упала,
И другая упадёт.
За измену ягодиночка
Косую приведёт.

С неба звёздочка упала,
И другая упадёт.
Всю Германию разбили,
И японцу попадёт.

(Там же. № 1347, 514).

Частушка – сравнительно молодой жанр народного песенного творчества. Ранее "упавшая звёздочка" появилась в свадебной лирике. Этот образ символизировал отлучение невесты от её рода:

(...) А Пётро-князь он стрелять горазд:
Он пустил стрелу по поднебесью,
Он отшиб звезду прочь от месяца:
Отлучил Степаниду от своо двора,
От своо двора, от подворьяца,
Прилучил её к своему двору!

(Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1: Песни обрядовые. М., 1911. № 176(7)).

Думается, что образ "упавшей звёздочки" (наряду с другим: "*Светит месяц, светит ясный...*") заимствовали из свадебной поэзии плясовые песни, а позже – связанные с народной пляской частушки.

В плясовой песне *ясный месяц* перебрал все звёзды и выбрал среди них самую яркую; подобно этому *Парамёнушка* перебрал всех *девок* и выбрал самую умную (Смоленский этнографический сборник. Сост. В.Н. Добровольский. СПб., 1894. Ч. II. № 615).

Однако образ "упавшей звёздочки" имеет более глубокие корни.

По представлениям русских (и других славянских народов), ключевые отношения между людьми вызывали сверхъестественное участие небесных светил. Верховным покровителем вступающих в брак и всех остальных участников свадьбы, её высшим мифологическим культом было **солнце**. Рядом с ним возникали **месяц, звёзды, заря**. Люди сами уподоблялись светилам. Вот как писал об этом большой знаток

русской свадьбы И.В. Зырянов: "Солнечность, обожествление, золотая окраска видны не только на образах жениха и невесты, но и на образах их родителей, а также сватов и свадебных дружек. (...) Свойства светил, перенесённые на человеческий брак, сделали последний таинством" (Фольклор и литература Урала. Вып. 3. Пермь, 1976. С. 43. 41).

Подобные представления отразились как в свадебном, так и в исторически ему предшествовавшем троицко-купальском и хороводном фольклоре. Например, в Саратовской губернии во время весенних праздников пели песню "Как во поле, поле, поле..." Её герой сожалел, что берёза – не девушка, а то бы ей сидеть в *золотом тереме* и вышивать *золоты узоры* – небесные светила:

"Кабы ты, бела береза,
 Была красная девка!
 Ты сидела бы, сидела
 В золотом тереме,
 Ты шила бы, вышивала
 Золоты узоры.
 Как и первый-то узорец –
 Светел месяц,
 Как другой-то узорец –
 Красно солнце,
 Как и третий-то узорец –
 Часты звёзды".

(Поэзия крестьянских праздников. Сост. И.И. Земцовский. Л., 1970. № 606).

В хороводных и свадебных песнях много внимания уделялось необычным волосам невесты и жениха. Например:

Как у месяца звёзды частыя,
 У красна солнца лучи ясныя:
 Как у Ивана-то кудри русыя,
 У Александровича по плечам лежат;
 Серебром кудри приувиты,
 Скатым жемчугом приунизаны (...)

(Песни, собранные П.В. Киреевским... № 202(4)).

Со звёздами связаны гадания и приметы, в том числе такая: "В какой стороне в святки звезда упадет, с той стороны жених" (Даль В.И. Толковый словарь. М., 1955. Т. I. С. 673).

В свадебных песнях жених – *месяц*, невеста – *солнце*. Когда ожидали приезда жениха, пели:

Свети, свети, месяц,
 Среди Москвы,
 А ты, красно солнце,
 В Новгороде!
 – Как же мне месяцу
 Не светлomu быть?
 Бог дал солнушко.
 Весел ты, весел, Данила господин!
 – Как же мне не веселому быть?
 Бог даровал мне суженую (...)

(Песни, собранные П.В. Киреевским... № 762).

Особенно часто жених с невестой – *месяц и звёздочка* (укр.: *зірка*; бел. *зорка*):

Котився місяць до зірки.
 Іде Іванко до дівки (...)

(Весільні пісні: У 2 кн. Київ, 1982. Кн. 2. № 654).

Эта психологическая параллель даже превращалась в рефрен или в постоянный зачин сюжетов свадебных песен (Там же. № 319. 320; Кн. 1. № 346).

Славянская свадьба имела ярко выраженный аграрный характер. В ней идея продолжения рода связывалась с земледельческими культурами, среди которых важнейшим было солнце.

Свадебный *каравай* выпекали круглым (как солнце); иногда ему придавали форму полумесяца. Каравай украшали фигурками в виде небесных светил. В *каравайных песнях* сообщалось, что светила сами принимают участие в изготовлении обрядового хлеба:

Месяц у печи саджае,
 Зоранька закладае,
 Сонейка запякае.

(Вяселле: Песні. Кн. 2. Мінск, 1981. С. 15).

В народной свадьбе всё сущее – мир природы, люди, их еда, одежда, жилище – находилось под священным покровительством божества света.

В Вологодской губернии дружка, подъезжая к деревне невесты, оставял жениха с поезжанами недалеко от деревни, как бы под покровительством светил. Об этом сообщалось в его приговоре:

И остался князь молодой
 В чистом поле,
 В широком раздолье.
 Под бегучим облаком.
 Под частым звездам.
 Под красным солнышком,
 Под светлым месяцем!

(Библиотека для чтения. 1863. № 5–6. С. 24).

Образ солнца нёс в себе **свадебный венок** невесты. В песне сообщалось, будто бы он упал с неба и был так ярко, что мог осветить дорогу (см. нашу статью: Русская речь. 1995. № 4. С. 99–100).

Особенно значительным небесное сияние становилось в кульминационный момент свадьбы, а именно: когда невеста, сидя за столом и ожидая приезда жениха, по заключению Т.А. Бернштам, как бы расставалась со своей душой девушки (Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 1982. С. 56). В этот момент серебряно-золотое сияние вокруг невесты сливалось с глубочайшим драматизмом, переживаемым ею, что выразительно передаёт песня:

Обсяно срібло-злото довкала,
Приклонися, дівчиночко, до стола.

Приклонися, дівчиночко, знизенька,
Буде тобі на серденьку тяженько,

Бо як прийде князь молодий з дружою,
Озьмут тебе молоденьку з собою.

Озьмут тебе й молоденьку в божий храм.
А там будеш присягати образам.

А там будеш присягати навкі,
Покотяться дрібні сльози, як рікі.

(Весільні пісні. Кн. 2. № 412).

Невеста должна была плакать ("Не плачет за столом, наплачется за столбом"). При этом она катала свой венок по столу.

В песне белорусских девушек говорилось, что свили венок для невесты из зелёной руты, из цветочков. Они **покатили** его к батюшке – "батюшка не принимает, к матушке отправляет"; покатили к матушке – "матушка не принимает, к братику отправляет". Братик отослал венок к сестрицам, а сестрицы – к милому (Вяселле. № 697).

Круглая форма венка, его "сияние" и обычай его катать *по тесовенькому столуку, по бялёвинькай скатерти* указывают на солнце как верховного покровителя обрядового таинства.

В свадебных песнях невеста в веночке сравнивалась с хохлатой *златопёрой курочкой*, с кукушкой, сбросившей своё обычное оперение и одевшейся в *золотые перья*, с *золоторогой* телочкой и т.п.

В 1988 году в Москве нам довелось присутствовать на свадьбе и наблюдать родительское благословение. Уроженка села Тенешева Сасовского района Рязанской области М.М. Белых выдавала замуж дочь. На свадьбу приехали из деревни её родные. Взяв в руки икону, мать растерялась: как благословлять? Тогда подошла её старшая сестра (Л.М. Каусева, в девичестве Данилина, 1931 года рождения) и

показала – но не крестообразным, а **круговым** движением перед лицом невесты, **по движению солнца**. Такой жест был неслучайным. В научной литературе зафиксирован похожий обычай, отмеченный в прошлом столетии в селе Мелехове того же Сасовского уезда, Рязанской губернии: "Наряжая невесту к венцу, крестный отец трижды по солнцу обводит понёвой вокруг головы девушки и после каждого круга встряхивает" (Самоделова Е.А. Рязанская свадьба: Исследование обрядового фольклора. Рязань, 1993. С. 38).

Юбка *понёва* – древняя набедренная одежда славянской женщины. Это главный атрибут архаичного ритуала совершеннолетия – "первого надевания понёвы". В обряде свадьбы одно и то же магическое движение – по солнечному кругу – совершалось в одной и той же местности как связанной с язычеством **понёвой**, так и христианской **иконой**.

В поэзии белорусов мать невесты вышивала светилами её *белу сукенку* – юбку: "То місяцам, то зоркамі садзіла, / Каб яна ўсю дарогу сьвяціла" (Вяселле. № 536).

В свадебных песнях небесными светилами расшиты рубашка невесты и наряд жениха. Сваха также изображалась в золотой одежде, которую сама вышивала.

Под окошечком сидючи,
Ой, ляли, лели, сидючи,
На ясен месяц глядючи,
Ой, ляли, лели, глядючи,
Да на частые звёздочки,
Ой, ляли, лели, звёздочки.

(Песни свадебного обряда, записанные в русских сёлах Татарии. М., 1990. С. 29.)

Севернорусская невеста сообщала в своём причитании, что вышила свадебную рубашку три ночи: *ивановскую, петровскую и ильинскую* (период летнего солнцестояния). Она украшала рубашку *красным солнышком, утренней зарёй, младым полуночным светлым месяцем*. И это соответствовало реальной вышивке на её рубашке.

В волшебных сказках невеста часто откладывает свадьбу до тех пор, пока не принесут её чудесной одежды. Свадебную рубашку невесты, расшитую небесными светилами, И.В. Зырянов соотнёс с платьем сказочной царевны. Например:

«Она вышла в чистое поле, нарядилась в блестящее платье – кругом часты звёзды! (...)

Скинула свой свиной чехол, надела платье: на спине светел месяц, на груди красно солнышко!»

(Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. II. № 290).

Светилами фольклор украшал поэтический образ свадебного *терема*: у него *золотые выходы, переходы серебряные, в воротах столбы золотые*, а сам он *стоит как жар горит*. Этот чудесный образ известен также в былинне "Про Соловья Будимировича", возвышенно воспевающей любовь и сватовство:

На небе солнце – в тереме солнце,
На небе месяц – в тереме месяц,
На небе звёзды – в тереме звёзды,
На небе заря – в тереме заря
И вся красота поднебесная.

(Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 12).

В русской свадьбе многое восходит к инициации – архаичному ритуалу посвящения. Главный смысл свадебного обряда состоял в продолжении рода, для чего требовалось пробудить у людей и у природы их плодородящие силы.

Продолжение человеческого рода зависело прежде всего от женщины, поэтому центром свадебного обряда являлась невеста. Согласно представлениям древних, девушка должна была "умереть" и снова "родиться" – уже как женщина (известна пословица: "Девкой меньше, так бабой больше").

По примете падающая звезда означает чью-то смерть. В художественном сознании народа "упавшая звёздочка" не случайно психологически связана с девушкой-невестой.

Копытце

Об одном старинном названии обуви

Т. В. МИХАЙЛЫЧЕВА

В современном русском языке слово *копытце* известно только как уменьшительное к *копыто* – "роговое образование на конце ног у млекопитающих. *Козленок встал на копытца*". Однако в памятниках древней письменности это слово могло иметь и другое значение.

В Житии Феодосия Печерского, старейший список которого сохранился в составе Успенского сборника XII–XIII веков, памятнике, написанном Нестором, известным агиографом и летописцем, составителем Повести временных лет, говорится о ручных работах, выполняемых монастырской братией, чтобы купить себе хлеб: "аще же и роукама своима делахоуть дело ово ли копытца плетоуще и клобоуки и ина раучная дела стояще. и тако носяще въ градъ продаюхоу и темь жито коупяхоу. Копытьца плетоущи и клобоуки и ина роучная дела строяще". В Житии сообщается также, что и сам игумен монастыря св. Феодосий не гнушался подобной работы и "сядяще прядыи вълноу на съплетению копытцемъ". Из приведенного контекста ясно, что речь здесь идет о некоем предмете, изготовлявшемся из шерсти.

Слово *копытыце* встречается также и в Житии Василия Нового – византийском памятнике, переведенном предположительно в Древней Руси в начале XII века. В нем рассказывается, между прочим, о человеке, наказанном за свою жадность. Однажды некий христороубец принес св. Василию в подарок пару обуви. Однако управляющий домом, в котором св. Василий был в гостях, забрал ее себе, говоря о том, что святому не подобает ходить в плохой обуви, в которой ходят грешники. Св. Василий предрекает тому, что тот в наказание за жадность потеряет свою лучшую пару обуви. Действительно, на следующее утро, идя мыться в баню, управляющий потерял ее. *Лоучьшая обувь* в греческом тексте – *hē kreittōn zugēn tōn hypodēmātōn u tā kreittōna tōn hypodēmātōn*. Для передачи слова, обозначающего другую обувь, по всей вероятности, более грубую, предназначенную св. Василию, славянский переводчик воспользовался словом *копытыце*: въ молчании дже намъ сидящимъ некий хр(ис)толюбивыхъ вда(сть) пр(е)п(одо)бномоу копытыца добра – *kathēmenōn de nēmōn philōchristōs tis hedōresato tō(i) hosiō(i) kallista ōrtaria aigeia*. В греческом тексте указывается, между прочим, на то, что эта обувь была изготовлена из козьей шерсти. Видевъ лежащая копытыца – *theasāmenos oūn tā ōrtaria*. рече к немуу бл(а)женны ты имаши пятера копытыца не довлеютъ ли ти – *lēgei prōs autōn ho makārios... pente zeuge ōrtarion kēktēsai kai ouk arkōusi soi*.

Слово *копытыце* используется для передачи лат. *caliga* "сапог" в Уставе св. Бенедикта, переведенном у Хорватов в XI–XII веках. В соседстве со словом *калигы* выступает *копытыце* в Прологе XIV века: Днесь бось а заутра копытыца и калигы и в Поучениях Феодора Студита: ризы дощкы графья, копытыца поясы калигы – *himatiōn, pinakidiōn, graphēiōn, zōnariōn*, калигы ли копытыца – *tā kalikia ē tā ōrtaria*.

Приведенными примерами и исчерпывается, собственно, употребление слова *копытыце* для обозначения примитивной обуви, сделанной из шерсти. Это дало повод А.И. Соболевскому говорить, что подобная обувь была старомодной уже для XI века и быстро вышла из употребления, и "поэтому у нас нет о ней упоминаний". По всей вероятности, однако, дело обстоит не совсем так, поскольку и в XVII веке в русских текстах фиксируются производные от слова *копытыце*, *прикопытые* и *прикопытокъ* "часть чулка, надеваемая на ступню", "короткие чулки без голяшек, надеваемые на ступню", ср. в Актах Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря: "дано чулки прикопытки онучи белые новые с переменою; ему ж даны прикопыте новое с полуголенками старыми.

Искаженные варианты этого слова – *прикопотки*, *прикопнутки*, встречаются и в XVIII–XIX веках в различных говорах Сибири в значении "получулки, чулки, носки, связанные из толстой шерсти", ср. зафиксированное в Толковом словаре живого великорусского языка

В.И. Даля слово *прикопотки* "род волосяных чулков или бахил, надеваемых поверх всей обуви, чтоб не слышно было шагов". Даль производит это слово от глагола *копаться*, однако сближение это явно вторично.

Хотя в современных русских диалектах слово *копытце*, как род обуви, похоже, не сохранилось, большинству современных славянских языков оно известно: *копытце* (макед), *kopica* (сербохорв.) ж.р. "вид обуви", первоначально *kopitca* мн. от. *kopitce*, *kopytce* (чешск.), *kopytcia* (слвц.) мн. "толстые мужские войлочные чулки, обычно белые с красной каймой". Отсюда происходит *карсе* (слвц.) "род теплой обуви длиной до колена", т.е. валенки (ед. ч. *карес*). *Karście* (польск.) обозначает онучи, шерстяные чулки, надеваемые женщинами поверх других чулок. Из польского это слово было заимствовано в украинский, где тапки, домашние туфли называют *капцями*.

ШАХТЁР

Н.С. АРАПОВА,

кандидат филологических наук

Слово *шахтёр* известно всем. Словообразовательная связь его с существительным *шахта* очевидна. Суффикс *-ёр* привычен: мы видим его в словах *дублёр*, *монтёр*, *шофёр*. На первый взгляд *шахтёр* – заимствование. Однако П.Я. Черных (Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка. М. 1994. Т. 2) считал его собственно русским словом. Того же мнения придерживался М. Фасмер: «От *шахта* II произведено в русск., потому что нем. *Schachter "шахтер" мне не удалось найти» (Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. IV). Любопытно начало этой этимологической статьи: "Шахтёр, напр[имер], воронежск[ое]". Зачем нужна эта отсылка?

Макс Фасмер родился и провел молодость в Петербурге. Он владел русским языком, как родным. Но в предреволюционный период слово *шахтер* не было общелитературным. Это было профессиональное "самоназвание" угледобытчиков Донецкого угольного бассейна. Официальное название шахтеров было *горнорабочие*.

Слово *горнорабочий* представляет собой словообразовательную кальку немецкого *Bergarbeiter*: *Berg* "гора", *Arbeiter* "рабочий". В семнадцатитомном Словаре современного русского литературного языка (ССРЛЯ) указывается, что это слово впервые фиксируется "Общим церковно-славяно-российским словарем" Петра Соколова 1834 года.

Слово *шахтёр* возникло на территории Донбасса с его смешанным украинско-южновеликорусским населением. Оно образовано от *шахта*, но не с помощью суффикса *-ёр*, а с помощью суффикса *-арь*. По-украински шахтер называется *шахтар*, род. п. *шахтаря*. Из украинского языка это слово попало в русские говоры смежных с Донбассом южновеликорусских областей (и прежде всего Воронежской), откуда пополнялись кадры горнорабочих. Русские, понимавшие язык своих украинских товарищей, произносили это слово как *шахтарь*. Но в литературном русском языке оно не было известно. Именно этим, скорее всего, объясняется опечатка в "Журнале Русского общества охранения народного здравия": «... быт "тахтерей" (рабочих в шахтах)» (1892. № 5. Раздел "Хроника").

Рукописные *ш* и *т* очень похожи, а питерский наборщик никогда не слышал слов *шахтарь* и *шахтер*!

Согласно ССРЛЯ, существительное *шахтер* впервые зафиксировано в третьем (Бодуэновском) издании Толкового словаря Даля, четвертый том которого вышел в 1909 году.

А. Путинцев к своему исследованию «О говоре в местности "Хворостань" Воронежской губернии» прилагает словарик местных слов и помещает там интересующее нас слово: "**Шахтёр**, а. м. – работающий на каменоломнях; иногда ругательное слово – отчаянный, отпетый человек" ("Живая старина". 1906. XV. Вып. 1). Но И.А. Бодуэн де Куртенэ, включивший слово *шахтер* в третье издание Толкового словаря Даля, не снабдил его никакими пометами. Нет их и в "Малом толковом словаре русского языка" П.Е. Стояна (1912–1913): "**Шахтёр** – углекоп, рудокоп, горнорабочий".

Итак, слово *шахтёр* проникло в русский язык из украинских диалектов и было переоформлено на русской почве с помощью суффикса *-ёр* по модели слов *минёр*, *сапёр*; этот суффикс лучше вписывался в существительное с нерусским корнем, чем исконно славянский *-арь*.

За знакомой строкой

"Загадочные" слова у Н. Лескова*

*Е. В. КОВАЛЕВА,
кандидат филологических наук*

Предлагаемый материал продолжает тему редких слов, которые встречаются в романе Н.С. Лескова "Некуда" и вызывают у современного читателя затруднения при чтении. В прошлый раз мы рассказали о словах, которые неправильно истолкованы комментаторами, в этой статье приводим два выражения, не встречающиеся ни в современных толковых словарях, ни в примечаниях к роману.

Гуманные науки

Первый раз выражение *гуманные науки* употреблено в монологе Розанова: "Может быть, c'est quelque chose de moujique, ну да и я ведь не имею времени заниматься гуманными науками, а так, сырыми мозгами размышляю".

Значение данного выражения, которое несколько раз встречается в лесковском романе, установить оказалось не так легко. В семнадцатитомном "Словаре современного русского литературного языка" (М.–Л., 1948–1965. Далее – ССРЛЯ) попало только устойчивое сочетание *гуманитарные науки* со значением "группа общественных наук, изучающих различные области культуры и умственной деятельности человечества (филология, история, философия и т.п.)". А поскольку в этом же словаре отмечено, что в значении слова *гуманный* могут выступать две однокоренные формы: *гуманический* и *гуманитарный*, то логично предположить, что *гуманный*, в свою очередь, могло быть синонимом к *гуманический* и *гуманитарный*. Поэтому на первый

* Окончание. Начало см.: Русская речь. 1997. № 3.

взгляд кажется, что *гуманные науки* и *гуманитарные науки* – одно и то же, и нам остается только порадоваться тому, как многозначительно ранее именовались филология, философия и т.д.

Но в "Полном филологическом словаре русского языка" А.И. Орлова (М., 1885. Т. 2) есть форма *гуманические науки* с очень узкой специализацией: "науки, способствующие высшему образованию и состоящие в изучении древне-греческой и римской литературы".

Здесь мы оказались на распутье: а что же все-таки обозначали *гуманные науки*? В данном случае помочь мог только текст романа.

Из приведенного уже отрывка невозможно понять, что именно подразумевается под этим выражением – "науки, изучающие древние классические языки" или "группа общественных наук", ибо Розанов отдает предпочтение естественным наукам, будучи доктором, и своему жизненному опыту, будучи скептиком.

Второй эпизод, в котором фигурирует фразеологизм *гуманные науки*, позволяет с большей долей уверенности выдвигать предположение о значении выражения: " – Или вы работаете исключительно над гуманитарными науками? – продолжала Бертольди. – Гуманные науки сами по себе одни ничего не значат. Всему корень материя. В наш век нельзя быть узким специалистом. Я недавно работала над Прудоном, а теперь занимаюсь органической химией, переводами и акушерством".

Упоминание Прудона наряду с органической химией и акушерством, а также переводов сразу же отмечает толкование выражения *гуманные науки*, как "группа общественных наук". Философские взгляды П.Ж. Прудона и переводческая деятельность – это все же принадлежность гуманитарных наук, а эти науки сами себе противопоставляться не могут. Поэтому более вероятно, что *гуманные науки* в романе используются в значении "науки, изучающие древние классические языки и литературу".

Позднее это предположение подтвердилось данными "Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Императорской Академии наук" (СПб., 1895. Т. 1), в котором отмечено словосочетание *гуманные дисциплины* со ссылкой: "см. Гуманист". В статье "Гуманист" читаем: «Чаще мн. гуманисты, -ов (от лат. humanitas знания, по прим. образующие человека). Название тех деятелей эпохи Возрождения (в Италии XIV–XV вв., в Германии – XV–XVI вв.), в которых новые идеалы литературного совершенства и человечности воспитаны были, между прочим, изучением писателей классической древности, так называемыми "гуманными дисциплинами"».

Кстати, на неслучайность данного толкования указывают и некоторые значения родственных слов, бывших в употреблении в XIX веке: *гуманист* – "кто принадлежит к разряду ученых, признающих древние языки – латинский и греческий – необходимым условием высшего

образования"; *гуманизм* – "педагогическая система, полагающая самую совершеннейшую степень образования и изучения древних языков – греческого и латинского" (Орлов. Указ. соч.). А в словаре И.Ф. Бурдона и А.Д. Михельсона "30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней" (М., 1871), даже прослеживается скрытое разделение форм однокоренных слов в зависимости от их значения: гуманизм "система образования, которая главным основанием образования полагает изучение древних языков"; *гуманность* "сострадание и уважение к ближнему; признание в другом общечеловеческих прав". *гуманизация* "смягчение нравов"; *гуманисты* "1. Люди, сочувствующие всему человеческому. 2. Род ученых, признающих древние языки необходимым условием образования"; *гуманистичность* "род восторженных филантропов, которые мечтают о бесконечном совершенствовании человечества, отменении войн, различия состояния и проч."

Но вернемся к роману Н.С. Лескова "Некуда". Читая его, нельзя не заметить скрытого пренебрежения Розанова к *гуманным наукам*, которым он противопоставляет собственный жизненный опыт, и явно презрительное отношение Бертольди, духовно ограниченного рупора "демократических" идей, к этим же наукам. Можно предположить, что в тексте романа выражение *гуманные науки* выступает как символ полного отрыва от реальностей жизни и новых веяний. (Ср. с рассказом А.П. Чехова "Человек в футляре". Ведь недаром Беликов был учителем именно греческого языка: "< ... > древние языки, которые он преподавал, были для него в сущности те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни".)

Субтиль-жантиль миньёночка

В XIX веке каждый образованный человек знал хотя бы один иностранный язык (прежде всего французский), поэтому многие слова из европейских (и древних) языков были на слуху и не требовали перевода. Однако после Октябрьской революции, когда знание языков не было востребовано, выросли поколения, которые не владели ни одним из иностранных языков. По этой причине встречающиеся в текстах XIX века иноязычные слова в настоящее время вызывают затруднения при чтении. А Лесков к тому же, в отличие от других писателей XIX века, которые в текст обычно вводили иностранную лексику в ее родном правописании, передавал русскими буквами даже не написание, а произношение (!) "закордонных гостей". По этой причине установить родину отдельных слов очень трудно, и о них в примечаниях обычно скромно умалчивается.

В тексте романа "Некуда" встречаются по преимуществу слова из

двух европейских языков – французского и польского: *сэмпл* (фр. simple – простой), *мизерабль* (фр. misérable – мерзавец), *ситуайэн* (фр. citoyen – гражданин), *бидак* (польск. bidak, совр. написание biedak – бедняга), *шизма* (польск. szuma, совр. написание schizma – раскол), *ракушанка* (польск. rakuszanka – австриячка), *заграть в шахи* (польск. zagrac w szachy – сыграть в шахматы) и т.д. Отмечены отдельные случаи употребления слов из других европейских языков: *ландсман* (нем. Landsmann – земляк, соотечественник), *эписпастики* (др.-греч. притягивающий), *мэк-ферлан* (англ. macfarlane – мужское дорожное пальто), *бегунцы* (укр. бігунці – беговые дрожки), *цвяшки* (укр. цвях – гвоздь) и др.

Обычно такие иноязычные лексемы появляются в тексте отдельными вкраплениями, и при чтении они довольно безболезненно пропускаются. Но в романе Н.С. Лескова встречаются и целые иноязычные фразы, изложенные с помощью русского алфавита: " – Оповядал мне Казя, оповядал, и шкода мне этих людзей, если они есть такие", " – Же ву салю, мадам".

Смысл близкородственных русскому языку польских фраз еще с грехом пополам уловить можно, но значение французских высказываний для современного читателя обычно остается тайной за семью печатями. Если бы при этом Н.С. Лесков просто ограничивался фиксацией чужого говора с сохранением всех грамматических особенностей иностранного языка! Так нет, он еще и создает собственные фразы, соединяя особенности как русского, так и чужого языков. Наиболее ярко эта особенность проявилась в "Левше" (1881), но единичные случаи встречаются и в романе "Некуда" (1864). Довольно интересным нам показалось выражение *субтиль-жантиль миньёночка*, которое было употреблено отставным офицером и мелким шулером Калистратовым. Только выяснив значение этой фразы, можно лучше понять человеческую сущность героя и уяснить в целом смысл следующего отрывка: « – У кучера возжа хлоп, перелетела... лошади на дыбы и понеслись. Она распахнула дверцы и кричит: "спасите! спасите!", а карета рррр–рррр из стороны в сторону. Она все кричит своим голоском: "спасите!", а народ разиня рот стоит. Понимаешь?

Серый еще кивнул.

– Я сейчас, – продолжал нараспев Калистратов, – раз, два, рукою за дверцу, а она ко мне на руки. Крохотная такая и вся разодетая, как херувимчик. "Вы, говорит, мой спаситель; я вам жизнью обязана. Примите, говорит, от меня это на память". Видишь там ее портрет?

– Вижу, – отвечал серый, прищуривая глаза и поднося к свече дорогой браслет с женским портретом.

– Хороша? – спросил Калистратов.

– Худенькая должна быть.

– Ну, худенькая! тебе все ковриг бы купеческих; те уж надоели, а это субтиль-жантиль миньеночка: про праздники беречь будем».

Чтобы уловить значение фразы *субтиль-жантиль миньеночка*, проанализируем каждую ее часть отдельно.

В русском языке есть немало слов, родственных *субтиль*: *субтильный*: "1. Хрупкий, нежный по телосложению; 2. Деликатный, обходительный, мягкий"; *субтильность*: "1. Свойство субтильного. 2. мн. Поступки, слова и т.п., выражающие деликатность, обходительность, мягкость"; *субтилизация* "утончение"; *субтилизированный* "утонченный, ловкий, деликатный, во вкусе века, молодой человек". Указанная в ССРЛЯ французская форма *subtil* помогла понять причину столь необычной "русской" формы *субтиль*. Во французском языке *subtil* имеет несколько значений, но наиболее близким к контексту нам кажется следующее: "субтильный, хрупкий, тонкий, мелкий".

К слову *жантиль* также можно указать довольно большой однокоренной ряд в русском языке: *жантильничать* "жеманничать, кокетничать, ломаться"; *жантильничанье* "действ. по значению гл."; *жантильность* "жеманность, кокетливость"; *жантильный* "жеманный, кокетливый"; *жантильно*. В настоящее время все слова этого ряда устарели. Но корень их опять-таки находится во французском языке, где есть слово *gentil*. Если опираться на значения слов *жантильный*, *жантильничать* и пр., то кажется, что выражение *субтиль-жантиль* обозначает что-то вроде "хрупкая и жеманная". Но во французском языке *gentil* имеет значения, несколько отличающиеся от тех, что развились на их основе в русской речи: "1. Милый, славный, любезный. 2. Миловидный, хорошенький. 3. Благородный". Какое из указанных значений слова *gentil* для текста романа нам кажется наиболее приемлемым, мы скажем после разбора последней формы – *миньеночка*.

В русском языке существуют слова: *миньон* "1. Бальный танец, по характеру близкий к вальсу. 2. Мелкий типографский шрифт в 7 пунктов. 3. Сорт шоколада"; *миньона* "идеальный женский тип у Гёте". К приведенному выше отрывку из романа значения данных слов, конечно, не подходят, но французская форма *piignon(ne)* "любимая, милая", к которой восходят *миньон* и *миньона*, заставляет задуматься. Ведь если бы в современных изданиях романа (1956, 1989, 1993) *миньеночка* была бы написана через *ë* после мягкого знака, то проблемы не было бы. А так это слово с точки зрения орфографии может читаться двояко – и как миньЕночка через [э], и как миньЁночка через [о].

Мы обратились к дореволюционным изданиям романа, и оказалось, что во всех публикациях тех лет (1865, 1867, 1879, 1887, 1889, 1897, 1902) это слово написано только через *ë*: *миньеночка*. И хотя для того времени не было характерно употребление в текстах буквы *ë*, издатели, тем не менее, обязательно сохраняли ее в слове *миньеночка*, что

позволяло избегать неясности. В наше же время, когда текст произведения с каждым годом становится все сложнее для читателя в силу увеличивающегося временного разрыва, люди, подготавливавшие роман к печати, позволили себе небрежность, которая еще больше затруднила поиски истины. Кстати, по правилам современной орфографии буква *Ё* обязательно (!) должна ставиться в сомнительных случаях.

Итак, мы считаем, что слово *миньёночка*, образованное с помощью русского уменьшительно-ласкательного суффикса, восходит к французскому *mignon(ne)* и имеет следующие значения: "1. Миленький, славный; 2. Крошечный; 3. Милочка". Так как в русском языке *миньёночка* с точки зрения грамматики является именем существительным, то мы склонны думать, что значение этого слова – "милочка". А поскольку *миньёночка* в этом значении как бы совмещает в себе два первых толкования слова *gentil* "1. Милый, славный, любезный. 2. Милостивый, хорошенький", то можно сделать вывод, что *жантиль* использовано в уже устаревшем для французского языка значении "благородная". И выражение *субтиль-жантиль миньёночка* обозначает, следовательно, "хрупкая (нежная) милочка из благородных". Кстати, бесцеремонность такой характеристики вполне соответствует циничности и наглости Калистратова.

Курган

*Культура русской речи
и эффективность общения*

Владеют ли в полной мере культурой речи люди, способные только (и не более того) правильно употребить нужное по смыслу слово в соответствующей синтаксической конструкции, учитывая грамматические законы языка? Нет, – говорят авторы сборника "Культура речи и эффективность общения" (М.: "Наука", 1996. Редакторы Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев), понятие культуры речи гораздо шире и предполагает помимо базовых знаний используемого языка ряд не менее существенных коммуникативных навыков.

Среди окружающего каждого из нас многоголосья (имею в виду только литературный язык) подчас приходится слышать речь соотечественников и иностранцев, похожую "по вкусу" на дистиллированную воду: все правильно настолько, что перестает напоминать живой язык, нет ни одной ошибки, а человеческого общения, тем не менее, не получается. Подобная ситуация объясняется не только известным Пушкинским "Как уст девичьих без улыбки, / Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю", но еще и тем, что традиционно понимавшаяся культура речи и эффективность общения (риторика) до сих пор оставалась для исследователей (и пользователей) в чем-то различными объектами, которые авторы рекомендуемой читателю книги успешно объединили.

Умение говорить правильно и способность достигать при этом (или помимо того) требуемой от разговора цели (оставаясь в рамках нравственно-этических категорий) – вещи не всегда соотносимые. Едва ли не в первую очередь рассматриваемая работа интересна тем, что она обоснованно предлагает способы взаимодействия этих двух категорий.

Книга состоит из четырех частей: Теоретические основы культуры речи, Нормативный аспект культуры речи, Функционально-коммуникативный аспект культуры речи, Методы исследования. Их расположение – "от общего – к частному" позволяет читателю последовательно войти в сложную и многообразную проблематику культуры речи и усвоить ценные практические рекомендации, которые даются на фоне теоретических наблюдений.

Первую главу открывает Е.Н. Ширяев. Говоря о необходимости осознанного культивирования литературного языка, автор связывает это понятие с культурой речи и дает ее определение: "это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач" (Указ. соч. С. 13). Далее это определение развернуто через описание различных компонентов культуры речи (нормативного, коммуникативного, этического). Л.И. Скворцов и Е.М. Лазуткина рассматривают отечественную проблематику культуры речи в контексте зарубежной науки и на фоне других лингвистических дисциплин. Разработку аспектов культуры речи продолжает С.И. Виноградов, концентрируя внимание на нормативном и коммуникативно-прагматическом. Исследователь риторической традиции и практики Л.К. Граудина предлагает обоснованную модель взаимодействия риторики и культуры речи.

Вторая глава начинается размышлениями Л.К. Граудиной о проблемах нормирования русского языка, понятии колебания нормы, получающем развернутое описание, и системном научном прогнозе. С ними перекликается статья Б.С. Шварцкопфа, где основное внимание уделено норме в письменной речи.

Третья глава собрала материалы, связанные с различными функциональными стилями русского языка и особенностями его использования с различными целями, в разнообразных ситуациях. Из нее можно узнать о языке, обслуживающем профессиональное общение (В.П. Даниленко), официально-деловом языке (Б.С. Шварцкопф), языке газеты (С.И. Виноградов), рекламы (Н.Н. Кохтев), взаимодействии этих и других разновидностей (Ю.А. Бельчиков). Специалисты из самых разных областей русистики смогут найти здесь для себя массу интересных сведений. Людям, затрудняющимся в умении четко, последовательно и эффективно аргументировать свои мысли и желания, поможет исследование Л.Ю. Иванова "Аргументация в функциональных разновидностях языка", где множество примеров иллюстрирует ситуации в бизнесе, парламенте, при переговорах, в суде. Различие между употреблением иноязычной лексики и злоупотреблением ею показала Н.В. Новикова, используя для своих размышлений не только факты

современного русского языка, но и занимательные экскурсы в культурную традицию предшествующих столетий. Не вызывает сомнения правомерность одного из сделанных автором тревожных выводов: "В последние годы отношения между русским и английским языками напоминают улицу с односторонним движением" (Указ. соч. С. 386).

Заключительная глава книги демонстрирует возможности применения оценок речи при решении культурноречевых проблем. Л.К. Граудина показывает современное состояние и перспективы использования ЭВМ при решении задач, связанных с культурой речи. Охарактеризовав оценки речи, Б.С. Шварцкопф разъясняет, что внимание к ним в лингвистике непосредственно связано с характером языковых ситуаций в разные десятилетия XX века. Т.Л. Козловская в своей статье рассказала об употреблении уменьшительно-ласкательных форм слов.

Суммируя впечатления от этого сборника, можно смело утверждать, что русистика пополнилась книгой, где многообразие проблем культуры речи представлено и проанализировано высококвалифицированным коллективом авторов, знания и материалы которых, органично дополняя друг друга, создают целостную концепцию. Включенность в контекст мировой научной мысли, интересные исторические экскурсы, множество любопытных наблюдений и примеров дают в руки читателя книги эффективное пособие для осмысления культуры речи как науки и использования ее на практике.

А.А. Шунейко,
кандидат филологических наук

*"Русская речь"? Не только:
есть еще и "Русский язык"!*

«Про газету "Русский язык" никогда не слышал: Каков ее уровень? Для учителей 5-х классов? Или что-то серьезное про язык? Может, когда-нибудь пошлете вырезку?» (Из письма математика, уехавшего в США семнадцать лет назад).

Как видите, слух о нашем "Русском языке" долетел даже до родного штата президента Клинтона. Но – нет пророка в своем Отечестве! – в России и ближнем зарубежье о нас знают далеко не все, и потому редакция газеты с таким энтузиазмом пользуется возможностью рассказать о своем детище читателям столь уважаемого нами рождественного издания, журнала "Русская речь".

Нулевой номер газеты "Русский язык" появился на свет в мае 1995 года в дружной многодетной семье "предметных" приложений к газете "Первое сентября". Конечно, каждое дитя мечтает быть самым любимым, но Симон Львович Соловейчик, создатель "Первого сентября" (увы, так безвременно умерший осенью минувшего года), к нам действительно относился особенно внимательно: ведь он сам был филологом и верил, что именно уроки родного языка во многом определяют отношение ребенка к школе, к учебе – а значит, к познанию и жизни вообще.

Главная идея С.Л. Соловейчика – способствовать созданию педагогики с человеческим лицом – была принята нами сразу. А вот осознать до конца, почему газета не должна быть элитарной, почему каждый учитель (а газета ориентирована на учителей 5–11-х классов), получив очередной номер нашего еженедельника, должен обнаружить в нем нечто для него, учителя, насущно необходимое, мы смогли лишь немного позже, когда начали работать с письмами читателей, когда нашими авторами стали учителя из самых разных российских городов, поселков и деревень.

Как выглядит наша газета? Сегодня это шестнадцать полос обычного газетного формата, восемь из которых – вкладыш – посвящено какой-то одной теме; это может быть подборка диктантов для пятого класса; фрагмент книги Г.О. Винокура; сборник упражнений по той или иной грамматической теме, материалы к факультативу – в общем, что угодно, лишь бы было полезным учителю-русисту. Основная часть газеты содержит ряд постоянных рубрик ("Подспорье", где публикуются тексты диктантов и изложений; "Поло-

маем голову", в которой обычно можно найти олимпиадные задачи или что-нибудь подобное; "Учение с увлечением", где даются нестандартные материалы – смешные диктанты, задания) и несколько базовых публикаций номера, которые могут относиться к различным рубрикам ("Ученые – школе", "Ученые предлагают", "Тест. Тест. Тест", "Новый подход", "Педагогические изобретения", "Я иду на урок", "Дискуссионный клуб", "Экология языка. Культура речи" и др.).

Мы стараемся, чтобы базовые публикации тематически перекликались либо между собой, либо с материалами подспорья, – иначе номер не будет обладать внутренним единством, гармонией. Конечно, праздничные номера могут существенно отличаться от стандарта: в них много игр, забавных "сокровищ" из коллекции экзаменатора. Время от времени мы объявляем смешные конкурсы, в которых охотно участвуют ученики наших читателей (кстати, ученики и их родители с удовольствием подписываются на газету "Русский язык", она помогает им в домашней подготовке), предлагаем анкеты для учителей и учеников, что помогает нам искать новые решения не только журналистских, но и учительских проблем.

Кто делает газету? Редакция у нас дружная, настоящая сплоченная команда. Пятеро редакторов – и все очень разные по возрасту, образованию, педагогическому опыту. Нам помогают замечательные корректоры и ангел-хранитель в лице редактора-организатора. Над нашей газетой колдуют сведущие в красоте газеты мастера компьютерной верстки и просто неподражаемый художник. Мы работаем как единый организм, понимая друг друга с полуслова. Наверное, это стало возможным потому, что русский язык для всех нас не свод грамматических правил, а нечто живое, воплотившееся в чудесных текстах русской литературы благодаря таланту многих поколений мастеров слова. Поэтому все мы хотим вернуть урокам родного языка в школе их исконную сущность – уроков словесности.

И, надо сказать, наша устремленность сказывается во всем. Наша первая задача – дать материалы к уроку, с которыми бы учителя могли пойти на занятия. Казалось бы, скучное дело: ведь материалы к уроку – это все те же тексты для диктантов и изложений, упражнения, карточки для всех видов разбора. Конечно, есть немало сборников, откуда можно брать задания. Но часть из них устарела, а часть надоела до полусмерти. Учитель, может быть, и мечтает подобрать удачные отрывки из любимых произведений, да все руки не доходят. А мы подбираем – из знакомых и любимых классиков, из неизвестных широкой публике, но очень симпатичных писателей второго эшелона и даже из развлекательной литературы (порой бывает полезно расстаться со стереотипом школьного урока). Главное для нас – это предложить учителю и его ученикам тексты, не навешающие тоску, не вызы-

вающие раздражения своей тенденциозностью, а живые, человеческие.

Иногда мы публикуем специально сочиненные нашими авторами-учителями тексты на ту или иную грамматическую тему: у кого-то это получается хорошо, так почему бы и с коллегами не поделиться? А тем не придется голову ломать, где найти для контрольной текст позабористее. Разнообразие текстов столь велико, что каждый учитель наверняка найдет материал по своему вкусу.

Публикуем мы и тексты готовых уроков (конечно, из обширной почты стараемся выбирать либо наиболее оригинальные, либо наиболее добротные, "классические" уроки). Нам отраднo узнавать, что даже в далеких сельских школах работают прекрасные учителя, вкладывающие в своих учеников всю душу. Другие наши читатели с удовольствием пользуются разработками коллег – а потому пишут благодарные письма и нередко, набравшись храбрости (или вдохновившись чужим примером?), присылают то, что удалось сделать им самим: новые уроки, методические материалы...

Помимо того, что мы считаем себя обязанными постоянно подбирать материалы к уроку, мы стараемся помочь учителям справиться с проблемой нехватки учебных пособий. Поэтому печатали главы из учебника М.В. Панова, публикуем методические разработки, развивающие и дополняющие основные школьные учебники (упражнения, тесты, контрольные задания и т.д.), выборочные статьи из полезных словарей, изданных небольшим тиражом, и многое другое.

Очевидно, что эти направления – "скорая помощь" для учителей, в особенности для тех, кто не успевает или не склонен творить сам и потому в нынешнее не слишком подчиненное стандартам и предписаниям время больше других страдает от недостатка методической литературы практического направления. Но и для творческих натур публикации практического характера небесполезны: что-то одно можно взять на вооружение, освободив время для собственных разработок, другое просто наведет на интересные мысли.

Несмотря на то значение, которое мы придаем практическому направлению, мы меньше всего хотели бы, чтобы наши читатели механически перенимали чужой опыт. Вот почему в газете большое место занимают материалы, призванные расширить кругозор учителя, повысить его профессиональную квалификацию. Для этого мы заказываем статьи по тем или иным вопросам теоретической и практической грамматики ведущим специалистам-языковедам, причем следим, чтобы публикации отражали современный уровень развития науки, но были написаны при этом доступным языком. Мы убеждены, что школьный учитель не должен ограничиваться интеллектуальным минимумом. И дело здесь вовсе не в элитарности, просто умный, глубоко знающий свой предмет учитель может сотворить чудо и со

слабыми учениками, а бывший студент-троечник, растерявший остатки знаний и знакомый с тонкостями русской грамматики в пределах школьного учебника, от сих до сих, может отбить охоту к учебе и у талантливого ребенка.

В наших публикациях мы не ограничиваемся сугубо грамматическими темами: большое место занимают и материалы по стилистике, языку писателей и поэтов, по лингвистике текста. В этом опять-таки воплощается наша мечта об уроках словесности. Публикуем мы (полностью или в отрывках – в зависимости от объема и актуальности) и необходимые школьному преподавателю классические, но давно ставшие библиографической редкостью работы ученых-русистов. Естественно, газета рассказывает и о новых учебниках, словарях, справочниках, задачниках, популярных изданиях, книгах, могущих оказаться полезными учителю-словеснику, иногда знакомим читателей с их авторами.

Особую заботу мы проявляем об учителях, стремящихся сделать свои уроки не только содержательными, но и увлекательными: мы постоянно публикуем большое количество олимпиадных задач, игровых материалов, творческих заданий, "копилки", – любопытных наблюдений над языковыми фактами. Для них же мы ищем и печатаем интересные книги и материалы (обычно это недоступные широкому кругу читателей издания или фрагменты из них, иногда еще неопубликованные разработки), которые, с одной стороны, расширяют лингвистический кругозор, а с другой – могут стать основой интереснейшего факультатива.

Есть место в нашей газете и официальной информации: мы постоянно контактируем с Министерством образования и сообщаем учителям об изменениях в правилах проведения экзаменов по русскому языку, о принятом стандарте и т.д.

Впрочем, всего не перечислить! Лучше просто подписаться на газету "Русский язык" (подписной индекс 32383) и лично убедиться в том, что журнал "Русская речь" и газета "Русский язык" прекрасно дополняют друг друга и вместе помогают учителю выполнять его трудную и необходимую работу.

С.М. Евграфова

Язык современного русского анекдота

О.В. ПЕРЕХОДЮК

В переводе с греческого слово *анекдот* означает "неизданный", "неопубликованный". Анекдот служил у древних греков для обозначения произведений, не получивших огласки. Под анекдотами также подразумевали сочинения, долго пребывавшие в неизвестности и впервые публикуемые. Позднее под анекдотами стали понимать неизвестные факты истории или "сокровенные подробности" из жизни знаменитых личностей. С течением времени термин *анекдот* распространился на коротенькие занимательные рассказы устного происхождения.

В современном словоупотреблении под анекдотами понимается небольшой устный шуточный рассказ самого различного содержания с неожиданной и остроумной концовкой. Например, в словаре С.И. Ожегова *анекдот* определяется как "небольшой забавный, смешной рассказ". Анекдот является одним из самых кратких, лаконичных жанров.

Характер создания анекдота тоже специфичен. Традиционные жанры письменной художественной речи: стихотворение, рассказ, повесть, роман и т.д. в большинстве случаев – индивидуальные произведения, воплощающие в себе черты языка писателя. Анекдот же не несет яркого отпечатка стиля перво создателя и первого рассказчика. Нельзя назвать его и коллективным творением типа сочинений Козьмы Пруtkова, которые создают образ индивидуального сочинителя, типичного представителя определенной социальной среды. Анекдот же проходит шлифовку в разных кругах общества. По широкому участию масс в качестве рассказчиков и, соответственно, речевых шлифовщиков, анекдот сближается с жанрами устного народного творчества. Однако среда-сочинитель анекдота ныне другая. Да и как жанр современный анекдот является продуктом не только устного творчества, но и письменного. В наши дни анекдоты издаются отдельными сборниками и в подготовке этих выпусков значительную роль, надо полагать, играют профессиональные сочинители-анекдотописцы.

Целевое назначение анекдота – художественно-речевыми средствами создать комический эффект, вызвать у слушателей смех. По характеру оценочности комизм в анекдоте разнообразен и варьируется от легкого юмора до острой политической сатиры.

Художественный текст анекдота, как правило, состоит из двух семантических полей. Неожиданный комический эффект создается их резким сдвигом, переключением рассказа из одного семантического поля в другое.

Наиболее распространенными являются анекдоты, комизм которых основан на смысловом сдвиге многозначных слов: "Мимо винно-водочного магазина проезжает Горбачев, видит большую очередь. Останавливается, выходит из машины и громко спрашивает: – Коммунисты среди вас есть? – Есть, – отвечает кто-то из очереди. – Гнать надо! – Так сахара нет, Михаил Сергеевич". Горбачев употребляет глагол *гнать* в значении "грубо удалять кого-либо, принуждать удалиться", человек же из очереди подразумевает "гнать самогон". Этот неожиданный, резкий смысловой сдвиг в значении слова *гнать* и создает комический эффект.

В анекдоте о найме горничной комизм ситуации достигается за счет различного понимания слова *любить*: "Хозяйка спрашивает новую горничную: – Скажите, милая, вы любите попугаев? – Не беспокойтесь, я ем всё". Глагол *любить* многозначен. Хозяйка употребляет его в высоком значении (любить родину, любить детей, любить женщину), а горничная – в бытовом: есть, иметь пристрастия к еде. На этом и строится комизм ситуации.

Многозначность является неиссякаемым источником для игры слов. А.А. Щербина по этому поводу писал: "В многозначности таятся безграничные возможности сближения и столкновения значений (включая переносные) в одном контексте, то есть возможности каламбурных смысловых связей в разных формах" (Щербина А.А. Сущность искусства словесной остроты. М., 1978. С. 277).

Наглядным примером может служить анекдот о Василии Ивановиче и Петьке, где комическая ситуация строится на разном понимании слова *белый*: "– Василий Иванович, белого привезли. – Сколько ящиков?" Петька сообщает о привозе пленного (*белый* здесь – контрреволюционер), а Василий Иванович воспринимает это известие в другом смысловом плане – *белое вино*.

На различном осмыслении многозначного слова *отвечать* построен анекдот – диалог иностранного туриста и носильщика: "Иностранный турист в России с возмущением обращается к носильщику: – Как же так? Вы ведь должны отвечать за багаж, который вам доверяют. – Вот я вам и отвечаю: ваш чемодан утерян".

Столкновение специального и обиходного значений слова *свеча* лежит в основе разговора мужа и жены по поводу заглохшей машины:

"Муж и жена обкатывают новую машину. Внезапно мотор глохнет. – Проклятые свечи, – ворчит супруг. – Вполне естественно, милый, – откликается жена, – на улице такой ветер".

Смысловой сдвиг, создающий комический эффект, в анекдоте достигается и многими другими языковыми средствами. Так, в анекдоте из цикла "Дети и родители" комизм создается контекстуальной синонимизацией далеких по значению слов: «Сын спрашивает: – Мама, правда, что вырезвитель сгорел? – С чего ты взял? – А папа сегодня весь день пел: "Враги сожгли родную хату..."». Ребенок знает, что отец часто попадал в вырезвитель, который стал для отца второй родной хатой. Отсюда в сознании ребенка происходит неожиданное смысловое сближение разных по значению слов, что и порождает комизм. «Женщина в ювелирном магазине примеряет брошь и спрашивает продавца о цене: – Сто тысяч, – отвечает продавец. – Ого! А сколько стоит это кольцо? – Два "ого"». Здесь междометие *ого* превращается в единицу меры, сближается с числительным и становится, таким образом, синонимом цены – сто тысяч.

Анекдоты нередко строятся на умелом обыгрывании омонимичных слов: "Кармен пригласила к себе Виктора. Испекла печенье, накрыла стол. После того, как Виктор все выпил и съел, прильнула к нему и нежно прошептала: – А теперь ты мой... – Ну нет, мой сама..."

Аналогичным способом строится комическая ситуация в анекдоте об официанте и бывших заключенных: "Только что освободившиеся из заключения мужчины решили зайти в кафе выпить чаю. – Какой крепости чаю прикажете? – спрашивает официант. – Только не Петропавловской! – отвечает бывший заключенный. – И не Шлиссельбургской! – поддерживает товарища другой".

На омонимии построены следующие анекдоты: "– Посмотри, эта гражданка вся в каракулях. – Да это же наша секретарша. Она даже пишет каракули". Или: "– Постройка всяких броненосцев – это утопия. – Что вы говорите?! – Конечно, построят, а их утопят".

Для создания комического эффекта в анекдотах нередко используется игра паронимами. Стилистический прием паронимизации встречается в анекдоте об экскурсии по Санкт-Петербургу: "– Архитектура города удивительна! Вот посмотрите на эти арки, на эти своды! Их автор Растрелли! А вот взгляните, автор этого особняка тоже Растрелли. – Да мы уже поняли, что архитекторы расстреляны, но, может быть, теперь-то уже можно узнать их фамилии?"

Комический эффект в анекдотах может создаваться и многими другими языковыми средствами. При этом он тем ярче, тем острее, чем неожиданнее сдвиг семантических полей. Очень часто в этих целях используются фразеологизмы: "Жена водит мужа по разным отделам магазина и делает покупки. Муж не выдерживает и говорит: – Платье,

плащ, духи, косметика, белье! Ты представляешь, до чего ты меня доведешь? – Конечно, дорогой. До отдела обуви!" Соль этого анекдота в столкновении фразеологического значения устойчивого выражения *до чего ты меня доведешь* и буквального понимания этих слов. Или: "– Доктор, у меня депрессия. – Лучшее лекарство – с головой окунуться в работу. – Но я замешиваю бетон". Пациент воспринимает фразу буквально, дословно. Врач же употребляет ее в переносном смысле, в целостном фразеологическом значении: целиком, полностью, безраздельно отдаваться чему-либо.

Вот еще пример: "– Лёва, сходи в гастроном за продуктами. – Ниночка, посмотри в окно, там такой дождь, что собаку не выгонишь! – Так иди без собаки". Муж употребляет выражение *собаку не выгонишь* в переносном значении, в плохую погоду хороший хозяин и собаку не выгонит со двора. Жена же воспринимает слова мужа буквально. Отсюда и комический эффект.

Языковые черты анекдота, особенно его лексика и фразеология, разнообразны и во многом зависят от тематики, весьма многоликой.

В наши дни анекдот как демократическая форма массовой художественной речи, наконец, получил право на литературное гражданство. Публикация специальных сборников стимулирует развитие этого жанра, делает его еще более распространенным. И потому, наверное, пришло время, чтобы этот жанр занял определенное место в поле зрения лингвистов.

Армавир